

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

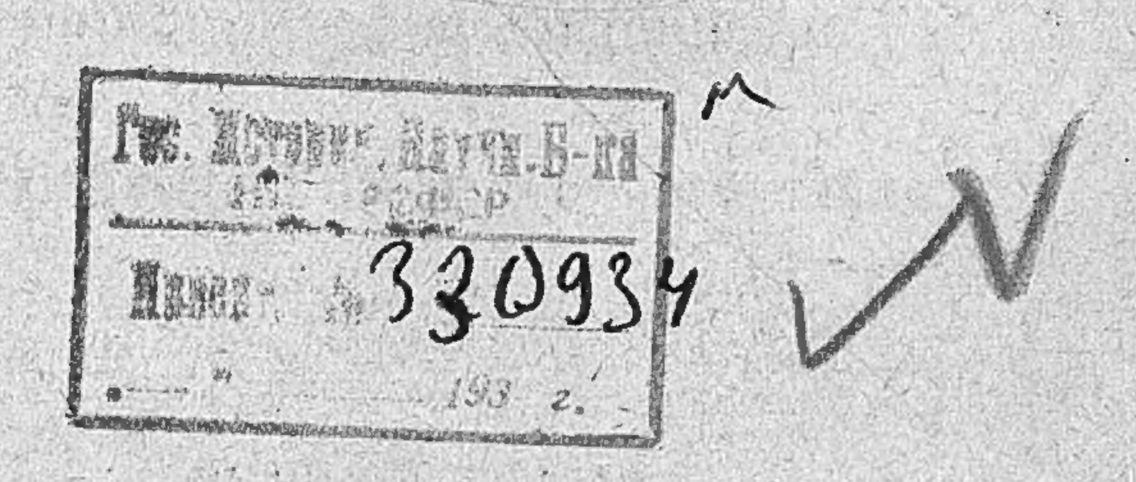
ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ, БОЛѢЗНЬ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ.

ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ

ЛЕЙБЪ-ХИРУРГА Д. К. ТАРАСОВА.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПЕТРОГРАДЪ
1915

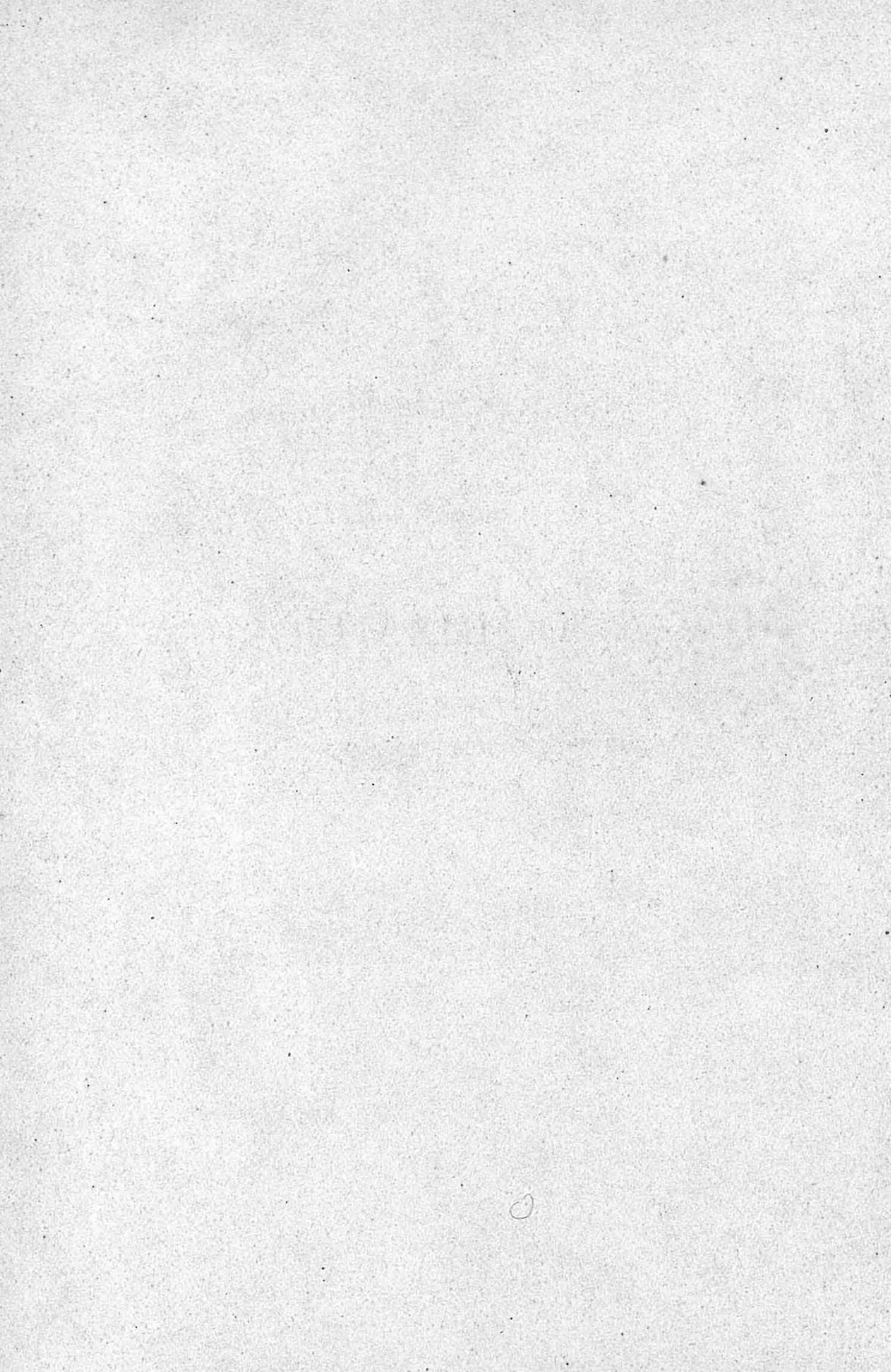

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ.

Его Императорскому Высочеству

Великому Князю

НИКОЛАЮ МИХАИЛОВИЧУ

всепреданнѣйше посвящаетъ

ВНУКЪ АВТОРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки лейбъ-хирурга Дмитрія Климентьевича Тарасова впервые напечатаны были въ «Русской Старинѣ» 1871—1872 г.г. и тогда же обратили на себя вниманіе какъ драгоцѣнный матеріалъ для біографіи императора Александра I въ послѣдніе годы его жизни. Будучи ближайшимъ помощникомъ лейбъ-медика Я. В. Виллie, Д. К. Тарасовъ является постояннымъ спутникомъ государя въ его путешествіяхъ по Россіи и за границей въ 1819—1825 г.г. и оберегателемъ его здоровья. Д. К. Тарасову суждено было также сопровождать императора Александра Павловича въ его послѣднемъ путешествіи въ Таганрогъ въ 1825 г. и присутствовать при его кончинѣ. Въ настоящее время «Записки» Д. К. Тарасова, какъ свидѣтеля кончины императора Александра въ Таганрогѣ, пріобрѣли особый интересъ въ связи съ возникшими въ литературѣ толками о добровольномъ отреченіи императора отъ міра и о появленіи его въ 1837 г. въ Сибири въ лицѣ старца Ѳеодора Кузьмича. Являясь однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для оцѣнки этой

легенды, «Записки» Д. К. Тарасова, сдѣлавшіяся нынѣ библіографическою рѣдкостью, нуждаются теперь въ новомъ, отдѣльномъ изданіи.

Значеніе «Записокъ» Д. К. Тарасова, прежде всего, опредѣляется самою личностью ихъ автора. Онъ родился въ духовной семьѣ Рязанской епархіи въ 1792 г. Отецъ его, священникъ, еще въ 1800 г. помѣстилъ сына въ Рязанскую духовную семинарію, въ которой Тарасовъ, по окончаніи курса, оставленъ былъ преподавателемъ. Но Тарасова не привлекала обычная духовная карьера. Въ 1814 г. онъ поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ черезъ четыре года блестяще кончилъ курсъ. Тарасову предложено было остаться при академіи для приготовленія къ профессорскому званію, но ученая дѣятельность была ему не по душѣ, и онъ назначенъ былъ полковымъ врачомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Но уже въ слѣдующемъ 1819 году служебныя достоинства Тарасова обратили на него вниманіе главнаго военнаго медицинскаго инспектора, лейбъ-медика баронета Я. В. Виллie, нуждавшагося въ дѣятельномъ и энергичномъ правителѣ дѣлъ для своей канцеляріи, и онъ предложилъ это мѣсто Тарасову. Но служба Тарасова на этомъ мѣстѣ не ограничивалась исполненіемъ однихъ лишь канцелярскихъ обязанностей. Виллie оцѣнилъ медицинскія познанія и талантъ даровитаго своего помощника и сдѣлалъ его своимъ сотрудникомъ по званію своему лейбъ-медика императора Александра Павловича. Эту двойную отвѣтственную службу Тарасовъ несъ до самой

кончины государя въ 1825 г., и тяжесть ея увеличивалась вслѣдствіе требовательнаго, эгоистическаго и сухого характера самого Вилліе. Поддержкой для Тарасова являлось, однако, видимое довѣріе и благосклонность самого императора Александра и его супруги, императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Послѣ кончины императора Александра Вилліе немедленно удалилъ Тарасова отъ придворной службы, назначивъ его главнымъ врачомъ петербургскаго артиллерійскаго госпиталя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица Елизавета поручила Тарасову сопровождать останки царственнаго своего супруга изъ Таганрога въ Петербургъ. «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору,—сказала императрица Тарасову,—и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы». Усердная служба Тарасова императору Александру засвидѣтельствована была также императрицей Маріей Θеодоровной и императоромъ Николаемъ I по прибытіи печальной процессіи въ Петербургъ, хотя дальнѣйшая служба его при дворѣ была прекращена по вліянію Вилліе: Тарасовъ, по его отзыву, не былъ даже награжденъ званіемъ лейбъ-медика. Недоброжелательныя отношенія Вилліе заставили даже Тарасова въ 1827 г. оставить военное вѣдомство и, при содѣйствіи Дибича, занять постъ генералъ-штабъ-лекаря по гражданской части. Лишь въ 1829 году Тарасовъ пожалованъ былъ въ лейбъ-хирурги «за службу при императорѣ Алексан-

дрѣ I». Въ 1836 году Тарасовъ сдѣлался преемникомъ баронета Виллiе по званiю директора военно-медицинскаго департамента, весьма запущеннаго въ то время, такъ какъ Виллiе мало занимался его дѣлами и, по разсказу современниковъ, не зналъ даже, гдѣ находится его департаментъ. Въ 1837 году Дмитрiй Климентьевичъ въ 45-лѣтнемъ возрастѣ женился на Елизаветѣ Платоновнѣ Грамотиной, по его характеристикѣ, «достойнѣйшей, образованной и добрѣйшей сердцемъ дѣвицѣ». Впослѣдствiи Тарасовъ писалъ въ своихъ «Запискахъ»: «Елизавета Платоновна своею супружескою вѣрностью, ангельскою добротою и благоразумнымъ приноровленiемъ къ моему характеру доставила мнѣ наслажденiе жизни и утѣшенiе въ трудностяхъ моей служебной обязанности». Въ 1846 году Д. К. Тарасовъ былъ уволенъ отъ управленiя военно-медицинскимъ департаментомъ съ назначенiемъ членомъ медицинскаго ученаго комитета, а затѣмъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателемъ медико-филантропическаго комитета. Въ 1866 году былъ отпразднованъ пятидесятилѣтнiй юбилей медицинской службы Д. К. Тарасова, который по этому случаю удостоенъ былъ высочайшаго рескрипта и пожалованiемъ ордена св. Владимiра 2-й ст. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого юбилея Д. К. Тарасовъ скончался.

Писать свои «Записки» Д. К. Тарасовъ началъ въ старости, какъ онъ самъ выражается въ предисловiи къ нимъ, «переступивъ за полвѣка своей жизни», «при созрѣвшемъ уже разсудкѣ и покоѣ страстей». Изъ текста

«Записокъ» видно, что въ дѣйствительности онѣ начаты были не ранѣе 1850 года, такъ какъ, упоминая о пожалованіи ему императоромъ Александромъ I шубы въ 1820 году, Тарасовъ прибавляетъ: «какъ памятникъ монаршей милости, она сохранялась мной слишкомъ тридцать лѣтъ» (стр. 44). Вмѣстѣ съ тѣмъ не видно, чтобы Д. К. Тарасовъ, составляя свои «Записки», руководился своимъ дневникомъ или какими-либо другими записями, современными описываемымъ событіямъ; напротивъ, онъ прямо говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ «разсматриваетъ всѣ обстоятельства и факты», «погружаясь въ самого себя», «при довольно счастливой своей памяти». Это обстоятельство не могло не отразиться на полнотѣ и точности воспоминаній Д. К. Тарасова, тѣмъ болѣе, что имъ поставлена была цѣль не историческая, а семейная, и авторъ не предназначалъ ихъ для печати: «оставляю признанія жизни моей дѣтямъ,—говоритъ онъ,—съ той цѣлью, чтобы они могли въ свое время почерпать изъ нихъ полезное и научительное для ихъ жизни». Такимъ образомъ Д. К. Тарасовъ самъ сузилъ историческое значеніе своихъ «Записокъ» и, конечно, не сказалъ въ нихъ многаго, что онъ зналъ или чему былъ свидѣтелемъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, касаясь историческихъ лицъ и событій лишь постольку, поскольку они имѣли отношеніе къ его собственной жизни. При всемъ, однако, автобіографическомъ характерѣ «Записокъ» Д. К. Тарасова, онъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній какъ о самомъ Благословенномъ монархѣ, такъ и о ближайшихъ къ нему лицахъ, въ осо-

бенности о знаменитомъ своемъ начальникѣ, баронетѣ Я. В. Виллiс, оставившемъ все свое огромное состоянiе на пользу медицинской науки въ Россiи. Благоговѣйное отношенiе автора къ памяти его благодѣтеля, императора Александра I, также, несомнѣнно, отразилось на содержанiи «Записокъ», но даже онъ не воздержался отъ критическихъ замѣчанiй о дѣятельности «вѣрнаго друга» императора, графа А. А. Аракчеева.

Исключительную историческую цѣнность прiобрѣтаютъ въ настоящее время тѣ главы «Записокъ», гдѣ Д. К. Тарасовъ повѣствуетъ о предсмертной болѣзни императора Александра Павловича и о кончинѣ его въ Таганрогѣ въ 1825 году. Простой, безъискусственный, правдивый разсказъ автора объ этихъ событiяхъ является лучшимъ загробнымъ опроверженiемъ легенды объ исчезновенiи императора Александра изъ Таганрога въ ноябрѣ 1825 года. Съ 15-го ноября до самаго момента кончины императора 19-го ноября Тарасовъ почти безотлучно находился при особѣ государя и былъ очевидцемъ его кончины наравнѣ съ другими свитскими и придворными лицами. Точно также именно Тарасовъ, сопровождая тѣло императора до Петербурга, пять разъ во время пути открывалъ гробъ, заключавшiй это тѣло, заботясь о лучшемъ его сохраненiи. Разсказывая дѣтямъ своимъ объ этой послѣдней службѣ своей обожаемому имъ государю, Тарасовъ входитъ въ такiя подробности, высказываетъ такiя чувства, которыя исключаютъ всякую возможность какого-либо сознательнаго уклоненiя его отъ истины. Но «довольно счастливая память» измѣнила

Д. К. Тарасову при описаніи вскрытія тѣла императора Александра I послѣ его кончины: Тарасовъ увѣряетъ, что «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору онъ не могъ принять на себя такой обязанности» и что протокола вскрытія онъ не подписывалъ, хотя и составилъ его: оба эти показанія Д. К. Тарасова опровергаются другими очевидцами этого событія и подлиннымъ протоколомъ вскрытія.

Историческое значеніе «Записокъ» Тарасова исчерпывается шестилѣтнимъ пребываніемъ его при дворѣ императора. Поэтому, печатая ихъ по подлинной рукописи автора въ «Русской Старинѣ» 1871—1872 гг., покойный ея редакторъ, М. И. Семевскій, исключилъ изъ нея, по соглашенію съ сыномъ покойнаго, А. Д. Тарасовымъ, всѣ части «Записокъ», не имѣющія историческаго значенія и представляющія чисто семейный интересъ. Вслѣдствіе этого впослѣдствіи возникли слухи, что «Записки» Д. К. Тарасова напечатаны М. И. Семевскимъ съ купюрами, измѣняющими смыслъ и значеніе самихъ «Записокъ». Опровергнуть эти слухи, ни на чемъ въ дѣйствительности не основанные, было тѣмъ труднѣе, что подлинная рукопись Тарасова, «руки Д. К.», по засвидѣтельствованію М. И. Семевскаго,—перейдя во владѣніе къ внуку автора, Д. А. Тарасову, сгорѣла въ деревенской его усадьбѣ при сожженіи ненужныхъ бумагъ. Нынѣ почтенный Д. А. Тарасовъ въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1914, XII, 1055—1056), свидѣтельствуетъ, что слухи эти несправедливы. «Будучи еще офицеромъ,—говоритъ онъ,—я, желая ознакомиться

съ содержаніемъ сдѣланныхъ М. И. Семевскимъ купюръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, при участіи бабушки (вдовы автора «Записокъ»), сравнивалъ печатный текстъ съ рукописнымъ. Дѣйствительно, сокращеній сдѣлано было не мало, но всѣ они, по своему содержанію, имѣли исключительно фамильный характеръ и даже вскользь не касались историческихъ данныхъ. Сокращенія, припоминаю, были сдѣланы въ первой и послѣдней частяхъ... Текстъ печатный воспоминаній и таковой рукописный, какъ я выше упомянулъ (за исключеніемъ купюръ исключительно частнаго характера),— былъ вполнѣ тождественъ печатному... М. И. Семевскому была предъявлена моимъ отцомъ подлинная рукопись, а не какая-то копія, нарочито якобы скомпанованная, какъ нѣкоторые говорятъ и даже заявляютъ».

Настоящее изданіе «Записокъ» Д. А. Тарасова представляетъ собою точную и полную перепечатку ихъ со списка, напечатаннаго М. И. Семевскимъ въ «Русской Старинѣ».

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Жизнь всякаго человѣка обусловливается отношеніями двоякаго рода: отношеніями частной его жизни и общественной. Оба эти рода отношеній имѣютъ свои особенности, на которыя, при закатѣ жизни, весьма поучительно и полезно каждому изъ насъ обращать вниманіе и, при созрѣвшемъ уже разсудкѣ и покоѣ страстей, подвергать ихъ строгой цензурѣ благоразумія и чистой совѣсти.

Переступивъ за полвѣка моей жизни, въ спокойныя минуты и въ уединеніи, я считалъ наилучшимъ для себя упражненіемъ—погружаться, такъ сказать, въ самого себя, и, при довольно счастливой памяти своей, критически разсматривать всѣ обстоятельства и факты, сопровождавшіе всѣ возрасты и замѣчательныя эпохи моей жизни. Такая бесѣда съ самимъ собою всегда оканчивалась самымъ возвышеннымъ чувствомъ благоговѣнія и глубокой благодарности къ Промыслу Всевышняго. Чувство это всегда было для меня краеугольнымъ камнемъ, на которомъ я основывалъ лучшія надежды мои

и укрѣплялся духомъ и вѣрою, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и самыхъ несчастіяхъ и лишеніяхъ, сильно потрясавшихъ духъ мой.

Оставляю признанія жизни моей дѣтямъ моимъ съ тою цѣлью, чтобы они могли, въ свое время, почерпать изъ нихъ полезное и поучительное для ихъ собственной жизни. Да будутъ они для нихъ существеннымъ наслѣдіемъ отъ отца, который для воспитанія и благосостоянія ихъ не щадилъ ничего,—полагая въ томъ все свое счастіе!

Императоръ Александръ I.

I.

Рожденіе и воспитаніе Д. К. Тарасова.—Служба въ Рязани.—Путешествіе въ Москву и Петербургъ.—Поступленіе въ петербургскую медико-хирургическую академію и прохожденіе въ ней учебнаго курса.

Родился я въ 1792 году съ 25-го на 26-е октября въ ночи. Родитель мой былъ священникомъ при бѣдной церкви въ селѣ Тарасовѣ, Рязанской губерніи, а мать моя была изъ дворянскаго дому. По крайней ограниченности средствъ, пріобрѣтаемыхъ должностью при церкви, для содержанія семейства, отецъ мой занимался самъ землледѣліемъ и тѣмъ съ большею охотою, что особенно любилъ сельское хозяйство. Это составляло единственный способъ въ возможному содержанію большого его семейства. Какъ вѣрный служитель церкви, при его строгой и трудолюбивой жизни, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣренностью. Не имѣя ни способовъ, ни времени заниматься воспитаніемъ дѣтей, онъ вынужденъ былъ очень рано отдать меня (на 8-мъ году) въ рязанскую духовную семинарію. По недосугу отца, жившаго отъ Рязани въ 52 верстахъ, для поступленія въ семинарію я представленъ былъ роднымъ моимъ дядею, жившимъ въ самой Рязани. Ректоръ семинаріи архимандритъ Антоній, удрученный временемъ и сѣдой какъ лунь, заставивъ меня прочитать нѣсколько строкъ изъ церковной книги, ле-

жавшей въ то время у него въ кельѣ на столѣ, произнесъ мой приговоръ на вступленіе на учебное поприще,—и, благословя меня, сказалъ, что я такъ же сѣдъ, какъ и онъ. Въ то время у меня, послѣ болѣзни, выросли новые волосы замѣчательной бѣлизны.

По вступленіи въ школу овладѣли мною самыя мрачныя мысли:—отчужденіе отъ родительскаго дома, лишеніе материнскаго попеченія и нѣжности, и особенно непріязненность школьныхъ товарищей повергали меня въ большое уныніе. Но, къ счастію, учитель скоро замѣтилъ меня, какъ кроткаго и исправнаго ученика, и ободрялъ меня своимъ вниманіемъ, которое возбудило во мнѣ чувство соревнованія, такъ что я началъ пріобрѣтать охоту къ ученію. Наконецъ, мало-по-малу, я ознакомился съ школьною жизнію; товарищи сдѣлались ко мнѣ благосклоннѣе и, въ 3-мъ классѣ сдѣлавшись однимъ изъ лучшихъ учениковъ, во всѣхъ слѣдующихъ классахъ, до самаго окончанія курса, я постоянно былъ въ числѣ первыхъ. Не могу не сожалѣть о томъ, что при довольно счастливомъ развитіи способностей, я почти вовсе не имѣлъ никакого руководителя, кромѣ общаго преподавателя въ классѣ. Въ курсѣ я былъ лѣтами моложе всѣхъ товарищей, такъ что на 18-мъ году я окончилъ полный семинарскій курсъ.

Но прежде окончанія курса, на первомъ году богословскаго класса, начальство поручило мнѣ преподаваніе въ начальномъ классѣ семинаріи (инфимѣ) съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ я доканчивалъ богословскій курсъ наравнѣ съ товарищами. Такое назначеніе сдѣлано было мнѣ за отличные успѣхи въ наукахъ и поведеніи. Я ревностно принялся за учительскую должность и, между тѣмъ, нимало не упускалъ и собственныхъ занятій по богословскому классу, такъ что на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи епархіальнаго архіепископа

Θеофилакта, члена св. синода[1]), я оказался однимъ изъ первыхъ студентовъ богословія. Это былъ первый тріумфъ мой на учебномъ поприщѣ.

Въ это время я удостоился особеннаго вниманія архіепископа, знаменитаго въ тогдашнее время изъ епархіальныхъ архіереевъ, а равно и ближайшихъ начальниковъ семинаріи. Здѣсь представилось мнѣ новое обстоятельство въ жизни моей.

Профессоръ, у коего я слушалъ курсъ философіи и греческій языкъ, предложилъ мнѣ руку единственной своей дочери и притомъ свое мѣсто священника при каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ. Съ позволенія отца моего, который очень былъ этимъ обрадованъ, и по совѣту нѣкоторыхъ моихъ доброжелателей, я согласился на такое предложеніе, которое для духовнаго званія было довольно лестно. Доложено было объ этомъ архіепископу, который однакожъ принялъ это только къ соображенію, не давъ никакого разрѣшенія. Дней чрезъ 10 послѣ того, вдругъ нечаянно архіерей потребовалъ меня въ себѣ и, обласкавъ меня, сказалъ:

«Тебя хотятъ женить и сдѣлать священникомъ; но ты такъ молодъ, что я на это не смѣю рѣшиться дать моего согласія. Жениться не опоздаешь еще и чрезъ пять лѣтъ, а теперь для тебя нужны занятія. Я для тебя приготовилъ новыя должности: 1-е, ты будешь правителемъ дѣлъ семинарскаго правленія и комиссіи о построеніи новаго семинарскаго корпуса[2]), и 2-е, преподавателемъ

---

[1]) Θеофилактъ (Русановъ), знаменитый проповѣдникъ своего времени, извѣстный своей борьбою съ оберъ-прокуроромъ синода кн. А. Н. Голицынымъ и митрополитомъ петербургскимъ Амвросіемъ. Умеръ въ санѣ экзарха Грузіи и митрополита карталинскаго въ 1821 г.

[2]) Въ это время, въ 1811 году, по ходатайству преосвящ. Θеофилакта, разрѣшено выстроить для рязанской семинаріи новый каменный корпусъ, замѣчательный по размѣру и великолѣпію, для чего назначена архіереемъ особенная строительная комиссія. Д. Т.

латинскаго и греческаго языковъ при семинаріи. Поди и скажи объ этомъ нареченному твоему тестю».

Такой нечаянный переворотъ не только не опечалилъ меня, но я съ полною ревностью принялся за новыя свои должности, особенно по письменной части, такъ что я пріобрѣлъ вниманіе и довѣренность архіерея, которому впослѣдствіи лично докладывалъ дѣла по семинаріи и строительной комиссіи.

Казалось, все благопріятствовало моей новой карьерѣ, которая въ виду всѣхъ была самая выгодная для меня. Между тѣмъ открылась отечественная война. Москва уже была занята французскими войсками, и чувство патріотизма господствовало между всѣми. Архіепископъ Ѳеофилактъ, какъ членъ синода, по обстоятельствамъ, едва ли отъ него зависѣвшимъ, вдругъ потерялъ свой вѣсъ въ Петербургѣ,—а съ тѣмъ вмѣстѣ и мои надежды на его покровительство ощутительно поколебались. Въ это самое время изъ дѣйствующей арміи прибылъ въ Рязань докторъ Воскресенскій, съ которымъ я имѣлъ случай коротко познакомиться. Мундиръ военный, владимірскій орденъ, а особенно образованіе доктора Воскресенскаго меня очень заинтересовали. Онъ полюбилъ меня, а равно и моего товарища и друга, также учителя, Василія Власовича Маркова, съ которымъ мы жили вмѣстѣ. Какъ опытный и дальновидный въ дѣлахъ жизни, докторъ Воскресенскій ясно и убѣдительно доказалъ намъ, что если мы не имѣемъ намѣренія поступить въ духовное званіе, то мы невозвратно теряемъ время, оставаясь въ Рязани при нашихъ должностяхъ, которыя не могутъ намъ доставить существенныхъ выгодъ. —«А что же намъ дѣлать?»—спросили мы его.—«Вы еще такъ молоды, — отвѣчалъ онъ:—надобно ѣхать въ столицу учиться, и—въ вашемъ положеніи—всего бы лучше было учиться медицинѣ, если только вы не потеряли

охоту учиться и не бойтесь трудностей, неразлучныхъ съ этимъ почетнымъ званіемъ».

Товарищъ мой Марковъ въ то же время увлекся этимъ совѣтомъ, а я колебался; ибо мое положеніе относительно было лучше его. Любя Маркова, какъ родного брата, за его основательный умъ и неизмѣнную дружбу, принялъ наконецъ и я совѣтъ доктора Воскресенскаго. Рѣшено и положено—идти учиться медицинѣ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Въ маѣ 1814 года архіепископъ Ѳеофилактъ не согласился уволить насъ изъ духовнаго вѣдомства, что, впрочемъ, нимало не измѣнило нашего твердаго намѣренія. Архіепископъ Ѳеофилактъ, представлявшій намъ разныя выгоды при семинаріи, при отказѣ на первую просьбу нашу, въ ноябрѣ того же года, на вторичную нашу просьбу согласился и, благословивъ насъ архипастырски, сказалъ:

«Нынѣ я соглашаюсь на ваше желаніе и не могу не одобрить вашего намѣренія. Совѣтую вамъ посвятить себя медицинѣ,—этотъ путь, болѣе вѣрный для васъ, вѣрнѣе можетъ обезпечить вашу будущность».

Отецъ мой не могъ вѣрить, чтобъ я тогдашнее свое положеніе, которое онъ считалъ блистательнымъ, рѣшился перемѣнить на другое. Поэтому, когда мы съ Марковымъ пріѣхали къ нему проститься и принять его благословеніе,—онъ былъ сраженъ нашею рѣшительностью перемѣнить наше положеніе на неизвѣстное. Наступило время прощанія. Отецъ мой, прочитавъ приличную къ тому молитву, благословилъ меня его родительскимъ образомъ, далъ мнѣ 10 руб. ассигнаціею и, рыдая, сказалъ:

«Прощай, мой любезный сынъ, да благословитъ Богъ твое намѣреніе; я остаюсь теперь одинъ съ прочими дѣтьми моими и вѣрно уже не увижу тебя болѣе».

Эта трогательная сцена произвела на меня самое

глубокое впечатлѣніе. Я вполнѣ почувствовалъ, что я, удаляясь съ родины въ неизвѣстный путь, оставляю отца, склоняющагося уже къ преклонности, осиротѣлымъ,—ибо онъ давно былъ вдовъ. Я, старшій изъ дѣтей, остался отъ матери 12-ти лѣтъ. При отцѣ, послѣ меня, оставались сестра и двое братьевъ. Внутренно я упрекалъ себя; но рѣшительность Маркова и дружба его не дозволяли мнѣ измѣнить однажды принятаго намѣренія. Итакъ, я окончательно простился съ родиною и родительскимъ домомъ!..

Оставивъ Рязань 1814 года, декабря 31-го дня, ровно въ 12 часовъ ночи,—1-го января 1815 года пріѣхали мы поутру въ дорожномъ нашемъ экипажѣ въ городъ Зарайскъ къ отцу Маркова, который насъ ожидалъ. Почтенный старикъ очень былъ обрадованъ нашимъ пріѣздомъ, и нимало не сожалѣлъ о нашемъ рѣшеніи—оставить родину. Напротивъ, сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Петербургѣ, заимствованныя имъ изъ разсказовъ нѣкоторыхъ купцовъ зарайскихъ, которые въ то время вели большую торговлю украинскимъ и черкасскимъ скотомъ въ столицахъ. Товарищъ и другъ мой Марковъ не только не унывалъ, оставляя Рязань и родину, но еще радовался, воодушевляясь лучшими надеждами; но я скучалъ и по временамъ погружался въ уныніе, не будучи увѣренъ въ лучшей для себя будущности,—а притомъ мнѣ очень жаль было отца, сосредоточивавшаго всѣ свои надежды во мнѣ одномъ, ибо сестра и братья мои были еще малы.

Мрачнаго моего расположенія духа не могъ не замѣтить отецъ Маркова, а особенно самъ Марковъ.—Мы пробыли въ Зарайскѣ нѣсколько дней; отецъ Маркова старался доставить намъ всевозможныя развлеченія. Всякій день собирались родные и знакомые въ домъ отца Маркова; одни изъ нихъ одобряли наше предпріятіе, другіе удивлялись нашей рѣшительности—пуститься въ такой от-

даленный край, гдѣ нѣтъ у насъ даже и знакомыхъ, не только покровителей. Такія толкованія для меня были скучны, такъ что я просилъ Маркова скорѣе оставить Зарайскъ и пуститься въ дальній нашъ путь.

Изъ Зарайска мы пріѣхали ночевать въ Коломну, въ домъ протоіерея тамошняго собора, отца знаменитаго нынѣшняго московскаго митрополита Филарета [1]), который въ то время былъ архимандритомъ и ректоромъ духовной академіи въ Александро-Невской лаврѣ. Насъ приняли очень ласково; украшенный уже сѣдинами, почтенный и образованный протоіерей былъ родственникъ отцу Маркова. Сверхъ ласковаго пріема, всѣ члены семейства старались намъ объяснить наше намѣреніе съ наилучшей и выгодной стороны; продержали насъ двое сутокъ, предупреждая всѣ наши желанія, и при прощаніи о. протоіерей далъ намъ рекомендательное письмо къ сыну своему въ Петербургъ.

Изъ Коломны мы выѣхали поутру и прибыли въ Москву въ тотъ же день вечеромъ. Не зная вовсе Москвы, мы предоставили извощику нашему привести насъ въ гостиницу, которая была бы недалеко отъ Кузнецкаго моста. Намъ извѣстно было, что близъ этого моста находится императорская медико-хирургическая академія, въ коей воспитывались и служили нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ,—которыхъ мы знали еще въ Рязани и отъ которыхъ мы могли получить вѣрныя свѣдѣнія о положеніи академіи и объ условіяхъ, на основаніи коихъ могли бы вступить въ это заведеніе. Мы не замедлили отправиться въ академію, гдѣ дѣйствительно нашли рязанскихъ уроженцевъ до 8 человѣкъ;—замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были окончившіе уже курсъ и назначен-

---

[1]) Протоіерей Коломенскаго собора Михаилъ Дроздовъ. Мірское имя митрополита Филарета—Василій Михайловичъ Дроздовъ.

ные репетиторами при профессорахъ—Дьяковскій [1]) и Ловецкій [2]), съ которыми мы, какъ земляки, очень скоро познакомились. Порядокъ въ академіи, содержаніе студентовъ, образъ ихъ обращенія и самыя занятія намъ довольно понравились. Земляки пригласили насъ въ академическій ихъ спектакль, гдѣ мы имѣли случай видѣть все академическое начальство и полное собраніе студентовъ всѣхъ классовъ. Оркестръ былъ изъ студентовъ-любителей музыки и вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ публики, а равно и самая пьеса шла довольно хорошо,—нѣкоторые изъ актеровъ были съ замѣчательнымъ талантомъ. Мы колебались въ нерѣшительности, не лучше ли намъ, не пускаясь въ дальній, болѣе неизвѣстный путь, поступить въ московскую академію; но одно обстоятельство, неожиданно встрѣченное, сильно подѣйствовало, особенно на меня, и рѣшило, что для насъ лучше отправиться въ Петербургъ. Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ: изъ рязанцевъ г. Ловецкій скоро пріобрѣлъ мою довѣренность своею откровенностью. Разсуждая однажды со мною о разныхъ ученыхъ предметахъ, онъ предложилъ мнѣ нѣкоторые вопросы, до религіи относящіеся, и на отвѣты мои, сдѣланные мною по вѣрѣ и убѣжденію, онъ представилъ такія опроверженія, которыя возбудили во мнѣ столь сильное негодованіе, что я, сообщивъ о томъ своему другу Маркову, рѣшительно сказалъ ему, что я внутренно убѣжденъ въ томъ, что мы должны ѣхать въ Петербургъ и отнюдь не оставаться въ такомъ товариществѣ, противъ котораго я имѣю самое непріятное предубѣжденіе. Марковъ вполнѣ раздѣлилъ со мною такое мнѣніе.

---

[1]) Дьяковскій, Юстинъ Евдокимовичъ, профессоръ, писатель, род. 1784 г., умеръ въ 1841 г.

[2]) Ловецкій, Алексѣй Леонтьевичъ, проф. естественной исторіи въ московскомъ университетѣ, писатель (1787—1840 гг.).

Итакъ, простясь съ рязанцами и съ Москвою, мы отправились въ Петербургъ. Рѣшимость наша ѣхать въ сѣверную столицу для образованія въ медико-хирургической академіи подкрѣплялась, между прочимъ, еще и тѣмъ, что тамошняя академія есть древнее и главное заведеніе, коего московская составляетъ только отдѣленіе, всѣ потребности учебныя богаче и полнѣе, а притомъ тамъ постоянное присутствіе императорской фамиліи, высшихъ властей и гвардіи.

Мы ѣхали очень скоро, и 16-го января 1815 года, въ 8 часовъ утра, мы въѣхали въ столь желанную нами столицу и, не рѣшаясь пускаться внутрь города, мы остановились въ Ямской, въ квартирѣ бѣдной вдовы, которая согласилась намъ уступить небольшую комнату отъ своего помѣщенія.

Вотъ мы и въ Петербургѣ, гдѣ у насъ рѣшительно нѣтъ ни знакомыхъ, ни покровителей, кромѣ нѣсколькихъ земляковъ, воспитывавшихся въ медико-хирургической академіи, изъ коихъ ни съ однимъ мы незнакомы. Благополучное прибытіе въ столицу съ одной стороны для насъ было пріятно, ибо мы этого очень желали, а съ другой—повергало насъ въ уныніе, по причинѣ неизвѣстности, удастся ли намъ достигнуть своей цѣли. На другой же день по пріѣздѣ мы отправились въ академію и отыскали своихъ земляковъ.

Г. Петровъ былъ изъ нихъ, какъ мы замѣтили, основательнѣе прочихъ и довольно знакомъ со всѣмъ ходомъ дѣлъ въ академіи. По его совѣту, мы въ то же время явились къ инспектору академіи, доктору, статскому совѣтнику Энегольму [1]), коему предъявили свое желаніе посту-

[1]) Энегольмъ, Илья Ивановичъ, докторъ медицины, впослѣдствіи членъ медицинскаго совѣта, род. въ 1763 г. на островѣ Готландѣ, ум. въ 1838 г.

пить въ число казенныхъ воспитанниковъ и представили свои аттестаты, выданные намъ рязанскимъ духовнымъ начальствомъ.

Г. Энегольмъ принялъ насъ въ видомъ важнымъ, выражающимъ начальника значительнаго учебнаго заведенія, прочиталъ наши бумаги и довольно благосклонно объявилъ, что согласенъ бы былъ на принятіе насъ, если бы были вакансіи для казенныхъ воспитанниковъ,—но въ настоящее время онъ ни одной въ виду не имѣетъ. Наконецъ, прощаясь съ нами, предложилъ, не хотимъ ли мы поступить волонтерами на нашъ счетъ, или дожидаться до начала слѣдующаго курса, т. е. до 1-го сентября. Такой отзывъ насъ крайне опечалилъ, тѣмъ болѣе, что содержаться собственнымъ коштомъ, по неимѣнію способовъ, мы рѣшительно не могли.

Это обстоятельство повергло насъ въ большое уныніе. Положеніе наше дѣйствительно было очень затруднительно. Заѣхать въ отдаленный край безъ знакомства, покровительства и безъ способовъ къ существованію,—дѣлало положеніе наше самымъ затруднительнымъ. Но взаимная дружба наша и твердая надежда на Провидѣніе ободряли насъ. Чтобъ разсѣять грусть, мы всякій день выѣзжали въ городъ или выходили пѣшкомъ, чтобъ любоваться великолѣпіемъ и обширностью столицы; вечерами же всегда оставались въ квартирѣ, читали медицинскія книги, коими насъ снабдилъ землякъ г. Петровъ, или разсуждали о разныхъ предметахъ, а особенно о средствахъ, чтобы поступить въ академію. Такъ провели мы нѣсколько дней.

Въ одинъ день, когда погода была благопріятна, мы пошли послѣ обѣда прогуляться, зашли довольно далеко и возвращались по Знаменской улицѣ, на которой тогда были, вмѣсто нынѣшнихъ тротуаровъ, деревянные мостики. На встрѣчу намъ шелъ чиновникъ въ военной

формѣ, очень пріятной наружности;—мы сошли съ мостковъ, чтобъ дать ему дорогу; поровнявшись съ нами, онъ взглянулъ на насъ благосклонно и съ любопытствомъ:

— Вы вѣрно пріѣзжіе?—спросилъ онъ насъ.

Мы отвѣтили ему утвердительно.

— Откуда вы и зачѣмъ пріѣхали?

Такое участіе для насъ было весьма лестно. Марковъ объяснилъ ему, что мы изъ Рязани, гдѣ были учителями семинаріи, и сюда пріѣхали съ намѣреніемъ поступить въ медико-хирургическую академію въ число казенныхъ воспитанниковъ,—но намъ въ этомъ отказали за неимѣніемъ вакансіи.

— Мнѣ пріятно,—сказалъ военный чиновникъ,—видѣть васъ, потому что я самъ долго квартировалъ въ Рязани съ Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ коемъ я тогда былъ полковымъ врачомъ.

Онъ спросилъ наши фамиліи, потомъ онъ разспрашивалъ о своихъ рязанскихъ знакомыхъ, на что мы могли дать ему удовлетворительные отвѣты; наконецъ, прощаясь съ нами очень ласково, онъ сказалъ:

— Завтра по утру въ 7 часовъ прошу васъ побывать у меня мы посовѣтуемся вмѣстѣ о вашемъ дѣлѣ—я живу подлѣ самаго госпиталя лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и управляю этимъ госпиталемъ.

Это былъ главный врачъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, надворный совѣтникъ А. П. Владимірскій.

Такое вниманіе къ намъ, участіе въ нашемъ положеніи и ласки г. Владимірскаго были для нашей душевной болѣзни наилучшимъ живительнымъ бальзамомъ! Проходя мимо Знаменской церкви, мы вошли въ этотъ великолѣпный храмъ и съ благоговѣніемъ принесли благодареніе Всевышнему за посланіе намъ такого доброхотнаго совѣтника.

На другой день ровно въ 7 часовъ утра, мы нашли г. Владимірскаго уже одѣтымъ въ вицъ-мундирѣ за чаемъ съ трубкою въ рукахъ. Онъ уже собирался въ госпиталь. Обласкавъ насъ еще болѣе, онъ спросилъ наши бумаги. Прочитавъ ихъ, онъ сказалъ:

— Надѣюсь, ваше дѣло можно поправить; вотъ вамъ письмо къ ученому секретарю конференціи г. Кайданову [1]),—доставьте его ему лично и скажите, что я его усердно прошу объ васъ, и не замедлю видѣться съ нимъ.

Г. Кайдановъ, прочитавъ письмо г. Владимірскаго, совѣтовалъ намъ, не теряя времени, подать просьбу г. министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому о принятіи насъ въ академію, чрезъ правителя его канцеляріи г. Мартынова [2]),—что мы и сдѣлали на другой же день.

Г. Мартыновъ намъ объявилъ, что мы получимъ рѣшеніе на просьбу чрезъ конференцію академіи.

Чрезъ нѣсколько дней, явясь въ академію, мы узнали, что министръ разрѣшилъ принять насъ казенными воспитанниками, сдѣлавъ намъ предварительно установленное испытаніе. Въ слѣдующее засѣданіе конференціи насъ экзаменовали и въ то же время зачислили въ академію казенными воспитанниками.

Такимъ образомъ, чрезъ случайное покровительство, мы поступили наконецъ въ академію 2-го марта 1815 года.

На первой половинѣ въ № 15 назначили намъ помѣщеніе вмѣстѣ съ Марковымъ, гдѣ, кромѣ насъ, расположены были еще три студента разныхъ курсовъ, которые насъ приняли очень дружелюбно.

---

[1]) Кайдановъ, Яковъ Кузьмичъ, докторъ медицины, проф. спб. медико-хирургической академіи, ученый ея секретарь, вице-директоръ медицинскаго департамента (1780—1855).

[2]) Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, извѣстный переводчикъ классиковъ, оставилъ «Записки» (1771—1833).

Перемѣщеніе наше изъ Ямской въ академію—на Выборгскую сторону столицы, совершилось очень легко и поспѣшно, ибо все наше имущество заключалось въ одномъ общемъ нашемъ чемоданѣ со всѣми учебными принадлежностями и гардеробомъ. У меня было нѣсколько денегъ въ запасѣ, а у Маркова оставалось ихъ уже очень мало; но мы съ нимъ никогда не считались: все у насъ было общее. Дружба наша была такъ упрочена временемъ, постояннымъ согласіемъ и взаимною предупредительностью, что товарищи признавали насъ за родныхъ братьевъ. Въ академическую жизнь я вполнѣ узналъ всю цѣну нашей дружбы, которая имѣла самое благопріятное вліяніе на наши успѣхи и особенно на отличное предъ прочими поведеніе. Это вскорѣ замѣтили не только товарищи, но и самые начальники академіи, которые обходились съ нами очень благосклонно и отдавали справедливость нашему усиленному прилежанію и успѣхамъ. Мы оба одѣвались совершенно одинаково,—и такъ какъ наши наружности нѣсколько были сходны, то нерѣдко одного изъ насъ принимали за другого.

На другой день нашего поступленія въ академію мы должны были отправиться на лекцію профессора Петрова[1]), академика, который на этой лекціи начиналъ читать геометрію. Помѣстясь рядомъ съ Марковымъ, на средней скамейкѣ амфитеатра, противъ самой каѳедры, мы приготовились со всѣмъ вниманіемъ слушать ученость заслуженнаго и сѣдинами уже украшеннаго академическаго преподавателя. Великолѣпіе амфитеатра, который, впрочемъ, совсѣмъ холодный, и большое общество слушателей поселяло въ насъ глубокое чувство уваженія къ

---

1) Петровъ, Василій Владиміровичъ, проф. математики и физики въ Спб. медико-хирургической академіи, ординарный академикъ Академіи Наукъ, ум. въ 1834 г.

этому учебному заведенію. Наконецъ, въ классѣ водворилось молчаніе, и изъ смежнаго кабинета выходитъ г. профессоръ, который, осмотрѣвъ слушателей, сѣлъ на свое мѣсто и положилъ на каѳедру небольшую раскрытую книжку. Онъ былъ въ енотовой, зеленымъ бархатомъ крытой шубѣ, которая, какъ онъ впослѣдствіи самъ объявилъ, перешла къ нему отъ извѣстнаго литератора Сумарокова [1]). Разложенная книжка была геометрія, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія для преподаванія въ гимназіяхъ. Профессоръ прямо, безъ малѣйшаго предварительнаго объясненія, началъ читать по книжкѣ введеніе оной и, останавливаясь на разныхъ мѣстахъ, заставлялъ слушателей поправлять типографическія ошибки. Большая половина лекціи употреблена была на это,—а о самомъ предметѣ онъ говорилъ очень мало. Въ теченіе лекціи мы съ Марковымъ неоднократно переглянулись другъ на друга, а вышедши изъ амфитеатра, съ изумленіемъ разсуждали,—неужели мы пріѣхали за 1.000 верстъ слушать такое преподаваніе?!—По нѣкоторомъ разсужденіи я сказалъ Маркову: «О, если уже мы рѣшились однажды посвятить себя изученію врачебной науки, то необходимо все слушать и ничѣмъ не пренебрегать; быть можетъ, что такое преподаваніе ведетъ къ уразумѣнію высокихъ истинъ науки!»—Мы, однакожъ, при нашемъ прилежаніи, впослѣдствіи убѣдились, что преподаваніе этого профессора намъ принесло немного существенной пользы.

На прочіе предметы перваго курса мы много опоздали, ибо уже много было прочитано отъ 1-го прошлаго сентября по день нашего поступленія въ Академію. Мы однакожъ рѣшились, во что-бъ то ни стало, перейти во

[1]) Александръ Петровичъ Сумароковъ, поэтъ и драматургъ, отецъ россійскаго театра (1717—1777).

2-й курсъ, чтобъ не терять цѣлыхъ полтора года до окончанія всего академическаго курса. Для этого мы должны были частнымъ образомъ, кромѣ лекцій обыкновенныхъ, текущихъ, заниматься изъ анатоміи—остеологіею и миологіею, изъ естественной исторіи—зоологіею и минералогіею. Это потребовало отъ насъ самыхъ усиленныхъ трудовъ, которые однако жъ, къ великому нашему удовольствію, увѣнчались самымъ лучшимъ успѣхомъ;—мы удачно выдержали, наравнѣ съ товарищами, экзаменъ и перешли во 2-й классъ оба въ 1-мъ отдѣленіи.

Удачный переходъ во 2-й классъ ободрилъ насъ самымъ благопріятнымъ образомъ, такъ что занятія наши пошли правильно и мы во всѣхъ прочихъ классахъ оба шли постоянно *эминентами*, а по выдержаніи публичнаго экзамена на званіе лекаря, изъ числа 72 товарищей я получилъ въ награду золотую, а Марковъ первую серебряную медаль. Сверхъ медицинскихъ, мы посѣщали и ветеринарныя лекціи, которыя читали весьма ученые профессоры Кайдановъ и Яновскій[1]). Мы выслушали полный курсъ и скотоврачебныхъ наукъ, и по выдержаніи публичнаго экзамена оба получили званіе ветеринарнаго лекаря 1-го отдѣленія.

По вступленіи въ академію, вначалѣ я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ анатомическихъ занятій и никакъ не могъ перенести трупнаго запаха. Были минуты, когда я даже рѣшался оставить вовсе академію. Но твердый характеръ Маркова и совѣты опытныхъ студентовъ академіи удержали меня. Марковъ внутренно также былъ очень неравнодушенъ при практическихъ занятіяхъ анатоміею;—но употреблялъ всѣ усилія преодо-

---

[1]) Яновскій, Андрей Ивановичъ, ординарный проф. Дерптскаго университета, а затѣмъ Спб. медико-хирургической академіи, ум. въ 1831 г.

лѣть это отвращеніе и всегда показывалъ при мнѣ, что весьма охотно занимается и уже начинаетъ пріобрѣтать привычку къ этимъ занятіямъ, которыя ему кажутся постепенно болѣе и болѣе интересными. Мнѣ было стыдно передъ нимъ показывать себя малодушнымъ, а особенно передъ студентомъ Савченко, который, занимаясь, вмѣстѣ съ прозекторомъ Буяльскимъ[1]), анатомическими препаратами, охотно вызвался быть нашимъ руководителемъ при занятіяхъ анатоміею. Онъ совѣтовалъ мнѣ нюхать табакъ, когда трупный смрадъ дѣйствовалъ на меня сильно и увѣрялъ, что я очень легко могу преодолѣть свое чувство и скоро полюблю эти занятія, такъ что буду ихъ предпочитать всѣмъ прочимъ. Увѣренія его вполнѣ оправдались. Впослѣдствіи я проводилъ цѣлыя ночи, съ однимъ только служителемъ, въ анатомическомъ театрѣ, и анатомія сдѣлалась наконецъ моимъ любимымъ предметомъ. И дѣйствительно, ничто не можетъ намъ такъ убѣдительно показать на дѣлѣ премудрость и благодать Всевышняго Творца, какъ внимательное и подробное изученіе строенія всего человѣческаго тѣла!—Это поистинѣ есть малый міръ.

Весьма много способствовало успѣхамъ нашимъ съ Марковымъ то, что мы приняли за правило всегда заниматься вмѣстѣ, и на прогулкахъ, дѣлаемыхъ нами ежедневно, экзаменовать другъ друга и взаимно поправлять ошибки.

Предъ послѣднимъ годомъ курса я назначенъ былъ ординаторомъ при профессорѣ терапевтической клиники, а Марковъ сдѣланъ дежурнымъ, или старшимъ въ отдѣленіи. Это, однакожъ, не препятствовало намъ заниматься

---

[1]) Впослѣдствіи знаменитый хирургъ, Илья Васильевичъ Буяльскій, заслуженный проф. спб. медико-хирургическаго академіи (1789—1866).

всегда вмѣстѣ. Пріобрѣвъ вниманіе и довѣренность профессора клиники, въ коей я жилъ постоянно, я неусыпно занимался при кроватяхъ больныхъ, внимательно слѣдовалъ за ходомъ болѣзней, часто самъ раздавалъ лекарства, писалъ исторіи болѣзней и замѣчалъ всѣ ординаціи. Всему этому кругу своихъ занятій я велъ аккуратный журналъ; вообще клиническія занятія для меня принесли чрезвычайную пользу при производствѣ практики въ послѣдующее время.

Въ хирургической клиникѣ, въ теченіе курса, я сдѣлалъ на живыхъ двѣ хирургическія операціи съ полнымъ успѣхомъ. Это возбудило во мнѣ охоту къ практической хирургіи, коею на службѣ я занимался съ довольною ловкостью, и на первомъ году службы я собралъ до 8-ми хирургическихъ наблюденій, которыя я описалъ систематически и представилъ въ конференцію академіи,— за что и былъ удостоенъ званія медика-хирурга.

Приготовленіе къ публичному экзамену требовало отъ насъ самыхъ усильныхъ занятій. Предлежало оправдать ожиданія начальства академіи въ присутствіи многихъ постороннихъ знатныхъ ученыхъ, а чрезъ то поддержать пріобрѣтенное дотолѣ хорошее мнѣніе всѣхъ профессоровъ академіи. Надобно было выдержать изъ 27 предметовъ по медицинскому и ветеринарному отдѣленіямъ.

Предъ началомъ экзамена я нѣсколько ослабѣлъ въ силахъ отъ безсонницы,—это меня немного обезкуражило; но когда мои рѣшенія вопросовъ вполнѣ удовлетворили присутствовавшихъ, я ободрился духомъ и окончилъ экзаменъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Мнѣ предлагали остаться при академіи преподавателемъ и со временемъ отправиться для дальнѣйшаго образованія за границу; но желаніе скорѣе поступить въ военную службу и нерасположеніе къ преподаванію рѣшили меня отказаться отъ этого предложенія.

На торжественномъ актѣ академіи, по окончаніи нашего курса, мнѣ назначено было прочитать латинскую рѣчь, которую я составилъ не безъ особеннаго труда,—и прочиталъ ее при г. министрѣ [1]) и весьма важныхъ другихъ посѣтителяхъ, съ особливымъ одушевленіемъ и энергіею, и заслужилъ всеобщее одобреніе. Г. министръ просвѣщенія, подавая мнѣ на серебряномъ блюдѣ золотую медаль, милостиво изволилъ сказать:

— Благодарю васъ за успѣхи, которые дѣлаютъ честь вашимъ профессорамъ и академіи, и желаю вамъ съ такими же успѣхами продолжать вашу службу.

Общія поздравленія, объятія и признательность всѣхъ профессоровъ произвели во мнѣ какой-то особенный умилительный восторгъ!—Мы оба съ Марковымъ были на верху блаженства.

Послѣ столь благополучно пройденнаго академическаго поприща, мы единодушно съ Василіемъ Власьевичемъ Марковымъ сочли долгомъ, прежде всего, принести благодареніе Всевышнему—пошли въ церковь и съ умиленіемъ молились.

На торжественномъ актѣ, кромѣ медалей, изъ рукъ президента академіи мы получили дипломы: a) на званіе лекаря по части медицинской 1-го отдѣленія *съ отличіемъ*, b) на званіе лекаря ветеринарнаго 1-го отдѣленія и c) на полученныя медали; сверхъ сего карманные хирургическіе инструменты медицинскіе и ветеринарные.

---

[1]) Въ то время, въ 1818 году, министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь А. Н. Голицынъ. Т.

II.

Назначеніе Д. К. Тарасова лекаремъ въ Преображенскій полкъ.—Прикомандированіе къ главному инспектору по военно-медицинской части лейбъ-медику Виллie для исправленія должности правителя канцеляріи по военно-медицинской части въ 1819 г.—Путешествіе въ свитѣ императора Александра Павловича въ 1820 г. въ Тверь, Москву, Рязань, Воронежъ, Курскъ, Чугуевъ, Вознесенскъ и Варшаву.—Пребываніе въ Варшавѣ.—Путешествіе въ Австрію.—Генералъ-адъютантъ Чернышевъ и графъ Каподистрія.—Лайбахскій конгрессъ.—Венгрія.

Августа 2-го дня 1818 года мы назначены на службу по военно-медицинскому вѣдомству, и въ церкви св. мученика Пантелеймона приведены, вмѣстѣ съ товарищами, къ присягѣ на вѣрность службы.

Я назначенъ баталіоннымъ лекаремъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, а Марковъ—въ Измайловскій полкъ. По приличію гвардейскихъ медиковъ, мы обмундировались довольно хорошо. Для этого намъ было выдано впередъ жалованья за треть года изъ 400-рублеваго ассигнац. оклада. Весьма утѣшительно для насъ было то, что мы могли не разлучаясь жить вмѣстѣ и на службѣ. Василій Власовичъ былъ, при самомъ назначеніи, прикомандированъ къ артиллерійскому госпиталю, расположенному подлѣ самыхъ казармъ Преображенскаго полка. Мы довольно удобно помѣстились въ одной

моей квартирѣ; мнѣ дали казеннаго денщика, который для насъ обоихъ былъ factotum.

1-го сентября въ полковомъ госпиталѣ мнѣ дали въ завѣдываніе 4 палаты въ нижнемъ этажѣ и назначили дежурнымъ по госпиталю. Полковой врачъ, надворный совѣтникъ Целерицкій принялъ меня хорошо и представилъ полковому командиру генералъ-адъютанту Григорію Владиміровичу Розену [1]).

Штабъ-докторомъ гвардейскаго корпуса былъ статскій совѣтникъ Мальчевскій. Въ первый день моей службы и дежурства онъ пріѣхалъ ревизовать госпиталь и, нашедъ въ одной палатѣ чесоточнаго больного неотдѣленнымъ отъ прочихъ, сдѣлалъ мнѣ самое строгое замѣчаніе и приказалъ было посадить меня подъ арестъ, но отмѣнилъ этотъ штрафъ единственно потому, что я первый день только вступилъ въ службу. Это обстоятельство меня крайне огорчило. Вотъ каково, думалъ я, начало моей службы! Доселѣ все мнѣ благопріятствовало, а первый шагъ на службѣ, совсѣмъ невинно, подвергъ меня такой строгой отвѣтственности!

Скоро затѣмъ я узналъ причину такого обращенія со мною г. Мильчевскаго. Онъ былъ недоволенъ полковымъ врачомъ Целерицкимъ, который, какъ я скоро замѣтилъ, былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. При ограниченныхъ способностяхъ, онъ не имѣлъ надлежащаго образованія ни въ наукѣ, ни въ общежитіи. Онъ былъ весьма слабый практикъ, и больные къ нему не имѣли довѣренности.

Ободрясь, послѣ первой неудачи, отъ меня, впрочемъ, независѣвшей, я принялся за свое дѣло со всею ревностью и о ввѣренныхъ мнѣ больныхъ заботился со всевозмож-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, командиръ кавказскаго корпуса, ум. сенаторомъ въ Москвѣ въ 1841 г.

нымъ усердіемъ;—посѣщая по нѣскольку разъ въ день больныхъ, особенно трудныхъ, я прихаживалъ къ нимъ ночью наблюдать ходъ и перемѣны болѣзней, и велъ всѣ исторіи въ палатахъ своихъ совершенно клиническимъ образомъ. Солдаты возымѣли ко мнѣ въ короткое время особенную довѣренность. Являясь изъ госпиталя къ ротнымъ начальникамъ, они доносили имъ, какъ объ нихъ стараются въ госпиталѣ. Старые и женатые солдаты всегда обращались ко мнѣ при болѣзняхъ своихъ женъ и дѣтей, и многіе просили меня быть у нихъ кумомъ при рожденіи у нихъ дѣтей. Чрезъ такія усиленныя занятія при больныхъ, въ короткое время меня узнали офицеры полка и искали моего пособія и совѣтовъ при своихъ болѣзняхъ; а наконецъ я сдѣлался врачомъ и у полкового командира и его семейства. Нѣкоторые изъ офицеровъ старались пріобрѣсти даже мою дружбу; въ числѣ такихъ былъ первый Д. П. Зыковъ—умный и любознательный офицеръ, который занимался, подъ моимъ руководствомъ, латинскимъ и греческимъ языкомъ.

Г. штабъ-докторъ Мильчевскій, находя меня впослѣдствіи неоднократно на службѣ совершенно исправнымъ, началъ обходиться со мною очень благосклонно, такъ что познакомилъ меня со своимъ семействомъ и приглашалъ часто къ обѣду. Онъ былъ женатъ на весьма образованной вдовѣ и съ ними вмѣстѣ жили ея сестра, также вдова—обѣ высокаго образованія. Изъ посѣщеній этого семейства я много извлекъ пользы относительно общественнаго образованія. Такимъ образомъ дѣла мои, по службѣ и по практикѣ, пошли самымъ благопріятнымъ образомъ. Г. Мильчевскій нерѣдко рекомендовалъ меня для практики въ частные дома. А между тѣмъ и хозяйственныя наши съ Марковымъ дѣла приняли лучшее устройство и порядокъ. Оба мы начали уже пріобрѣтать практикою порядочное пособіе.

Нужно упомянуть здѣсь, что, будучи еще студентомъ, я извѣстенъ былъ лично президенту академіи и главному по арміи медицинскому инспектору баронету Вилліе [1]), какъ по успѣхамъ, такъ и по участію въ составленіи его военной фармакопеи, для коей я обработывалъ нѣкоторыя статьи по назначенію доктора Орлая [2]), составлявшаго второе изданіе этого сочиненія.

Въ концѣ ноября 1819 года вдругъ я получилъ приказъ отъ г. Мильчевскаго: на другой день въ 7 часовъ утра явиться во дворецъ къ Вилліе. Я поспѣшилъ предварительно видѣть самого г. Мильчевскаго и узнать отъ него причину требованія меня къ главному начальнику. Принявъ меня холодно, но съ какимъ-то скрытнымъ участіемъ, г. Мильчевскій объявилъ мнѣ, что г. Вилліе, какъ ему кажется, предполагаетъ сдѣлать мнѣ особенное какое-то назначеніе. Это поставило меня въ непріятное недоумѣніе.

Въ назначенный часъ явился я въ канцелярію Вилліе, въ Зимній дворецъ, а вскорѣ за мною прибылъ въ оную состоящій при немъ секретаремъ по академіи г. Костогоровъ. На холодный вопросъ его: что мнѣ нужно? я отвѣчалъ учтиво: «мнѣ приказано явиться къ его превосходительству». Кивнувъ мнѣ головой, онъ пошелъ къ

---

[1]) Вилліе, Яковъ Васильевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, баронетъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ Александра I, главный военно-медицинскій инспекторъ (1767—1854). Выходецъ изъ Шотландіи, Вилліе, съ самаго поступленія на русскую службу, пользовался расположеніемъ императора Александра и достигъ первенствующаго положенія въ русскомъ медицинскомъ мірѣ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Вилліе не остался неблагодарнымъ ко второй своей родинѣ: почти все свое состояніе онъ оставилъ петербургской медико-хирургической академіи.

[2]) Орлай (Orlay de Corva), Иванъ Семеновичъ, угро-руссъ по происхожденію, докторъ медицины и хирургіи, лейбъ-хирургъ, былъ впослѣдствіи директоромъ лицея Безбородко въ Нѣжинѣ, а затѣмъ Ришельевскаго музея въ Одессѣ (1771—1829).

Вилліе,—который чрезъ нѣсколько минутъ потребовалъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ шлафрокѣ. Обратясь къ Костогорову, Вилліе спросилъ:

— Ты его знаешь?

— Какъ же, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Костогоровъ.

Потомъ, съ видомъ положительнаго начальника, спросилъ меня:

— Умѣешь ли писать бумаги?

— Неважныя служебныя бумаги писать мнѣ случалось,—я отвѣчалъ.

— Какіе знаешь ты языки?

— Латинскій, французскій и отчасти греческій,—почтительно сказалъ я.

— Мнѣ хотѣлось бы взять тебя въ канцелярію на мѣсто доктора Рихтера, котораго, по причинѣ болѣзни, я увольняю,—продолжалъ Вилліе.

Я поклонился и не сказалъ на это ничего.

Потомъ взялъ латинскую книгу и, перелистовавъ немного, подозвалъ меня и сказалъ:

— Поди въ библіотеку и переведи мнѣ эту статью, пока я возвращусь.

Взявъ книгу и поклонясь, я пошелъ въ назначенное мѣсто.

Прочитавъ статью, которая была довольно проста и заключала много техническихъ словъ, я крайне былъ смущенъ такимъ школьнымъ экзаменомъ. Мнѣ представилась моя будущность въ самомъ мрачномъ видѣ. Вилліе скоро куда-то уѣхалъ. Я перевелъ скоро статью, безъ особеннаго старанія, и переписалъ ее набѣло довольно чистенько. Часа черезъ два Вилліе возвратился и видимо былъ не въ духѣ. Меня позвали въ кабинетъ, и я подалъ свою школьную задачу.

Прочитавъ ее, Вилліе сказалъ мнѣ:

— Кажется, ты годишься—ступай внизъ въ канцелярію и занимайся тамъ.

Г. Костогоровъ, указавъ мнѣ мѣсто, сказалъ:

— Вотъ тутъ сидѣлъ и занимался докторъ Рихтеръ,—дѣло нетрудное, будемъ заниматься вмѣстѣ.

Я поблагодарилъ его въ вѣжливыхъ выраженіяхъ и съ глубокою грустью сѣлъ на показанное мѣсто. Оставшись одинъ, я едва удержался отъ слезъ при размышленіи о столь нечаянной и скоропостижной перемѣнѣ моего поприща, съ которымъ я уже довольно было свыкся, и занятія мои начали приносить мнѣ существенную пользу.

Командиръ полка, генералъ-адъютантъ Розенъ, узнавъ о моемъ новомъ назначеніи, позвалъ меня немедленно къ себѣ. Встрѣтивъ меня съ встревоженнымъ видомъ, сказалъ:

— Какимъ образомъ г. Виллліе взялъ изъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ полка медика, весьма необходимаго для всего полка?

— Мнѣ это совершенно неизвѣстно,—отвѣчалъ я:—только я уже получилъ отъ него лично приказаніе—заниматься дѣлами въ его канцеляріи.

— Быть этого не можетъ, я завтра же буду просить государя, чтобъ мнѣ оставили васъ по-прежнему въ полку!

— Мнѣ остается усерднѣйше благодарить ваше превосходительство за столь милостивое ко мнѣ вниманіе,—сказалъ я:—но я обязанъ доложить вамъ, что и въ случаѣ успѣха вашего ходатайства объ оставленіи меня въ вашемъ полку,—участь службы моей будетъ также состоять во власти г. Вилліе, которому вѣрно не будетъ пріятно, что я уклонился отъ его назначенія.

— Да вы развѣ сами не желаете оставаться въ полку?—сказалъ генералъ Розенъ.

— Совсѣмъ напротивъ, но въ настоящемъ положеніи моемъ я совсѣмъ не въ правѣ располагать собою,—отвѣчалъ я,—а быть подъ неблагопріятнымъ замѣчаніемъ главнаго моего начальника это можетъ имѣть худыя послѣдствія на мою будущность, которой главное основаніе есть служба, ибо я образовался на казенный счетъ.

— Нечего дѣлать,—сказалъ онъ наконецъ:—вѣрно эта ваша судьба; но я крайне сожалѣю, что не могу удержать васъ въ моемъ полку, который теряетъ въ васъ лучшаго врача.

Итакъ, я окончательно поступилъ въ канцелярію баронета Виллie.

Прежде всего я счелъ нужнымъ познакомиться съ своимъ предмѣстникомъ, чтобъ отъ него узнать, по крайней мѣрѣ, главныя обязанности моей новой службы. Рихтеръ принялъ меня весьма хорошо и съ участіемъ товарища.

— Я самъ желалъ съ вами познакомиться,—сказалъ онъ,—и какъ почтенному преемнику сообщить нѣкоторыя особенности новой вашей должности.

Передавъ мнѣ обстоятельно всѣ предметы моихъ занятій по канцеляріи, при первомъ свиданіи, онъ просилъ меня бывать у него почаще.

Я воспользовался столь полезною для меня его готовностью.

Изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ г. Рихтеромъ, я съ прискорбіемъ убѣдился, что я вступилъ на самое трудное поприще службы.

Призвавъ на помощь Промыслъ Всевышняго, я принялся за дѣло. Назначеніе мое послѣдовало 28-го ноября 1819 года; мѣсто въ Преображенскому полку оставалось за мною, а къ г. Виллie я былъ прикомандированъ для исправленія должности правителя дѣлъ его канцеляріи

по военно-медицинской части. Въ 7 часовъ утра я долженъ былъ ежедневно являться въ канцелярію, а къ 4-мъ оставлять ее.

Штабъ-докторъ Мильчевскій, когда я къ нему явился, откровенно сказалъ: «Ну, любезный, дѣло кончено, но я васъ не поздравляю!.. Много приведется вамъ испить горькаго и перенести труднаго!..»

Въ теченіе полугода я довольно ознакомился съ ходомъ дѣлъ и пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ исполнять ихъ правильно. Бар. Вилліе вскорѣ замѣтилъ это и даже показывалъ мнѣ въ своихъ отзывахъ, что я могу вполнѣ замѣнить при немъ д-ра Рихтера. Между тѣмъ вдругъ стало извѣстно, что государь императоръ изволитъ скоро отправиться въ путешествіе по Россіи и въ Варшаву, а можетъ быть и за границу на конгрессъ.

Съ одной стороны это извѣстіе для меня было пріятно, ибо весьма лестно было находиться въ свитѣ его величества во время путешествія, а съ другой трудность занятій, ибо и обязанность г. Костогорова (онъ былъ секретаремъ при президентѣ академіи), на время высочайшихъ путешествій, переходила ко мнѣ, а при томъ, во время путешествія, я долженъ быть докторомъ свиты его величества, и неопытность въ путешествіяхъ поставляла меня въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что при мнѣ назначался одинъ придворный лекарскій ученикъ, для медицинскихъ при свитѣ занятій; но самую канцелярію при бар. Вилліе я составлялъ одинъ; она вся сосредоточивалась во мнѣ одномъ: не было даже и писаря.

Въ концѣ мая 1820 года высочайше повелѣно сдѣлать всѣ приготовленія къ путешествію.

Бар. Вилліе объявилъ мнѣ приказаніе, чтобъ я приготовилъ все нужное къ путешествію, продолженіе коего ему было неизвѣстно.

Выѣздъ въ вояжъ государь изволилъ назначить 8-го іюня изъ Царскаго Села. Мнѣ назначена была коляска вмѣстѣ съ маіоромъ фельдъегерскаго корпуса Михайловымъ.

Однажды, возвратясь въ квартиру,—это было наканунѣ нашего выѣзда,—я нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ надписью на мое имя—въ собственныя руки. Вскрывши его, я нашелъ въ немъ 2.000 р. ассигнаціями и листокъ бумаги, на которомъ написано: «Отъ благодарныхъ больныхъ за успѣшное и усердное о нихъ попеченіе». Вскорѣ я узналъ, что это приношеніе было отъ гг. офицеровъ Преображенскаго полка. Это было для меня чрезвычайно пріятно, потому въ особенности, что было лучшимъ доказательствомъ вниманія ко мнѣ всего общества офицеровъ полка.

7-го іюня 1820 г. въ ночь мы выѣхали съ маіоромъ Михайловымъ въ Царское Село. При мнѣ назначенъ придворный лекарскій ученикъ Николай Щедринъ, которой былъ единственный мой помощникъ въ путешествіи.

8-го іюня (1820 года) въ семь часовъ утра, государь изволилъ выйти изъ дворца на подъѣздъ подлѣ церкви и, перекрестясь, сѣлъ въ коляску съ княземъ Волконскимъ [1]). По маршруту назначалось въ гор. Осташковѣ, Тверской губерніи, пробыть два дня. Государь изволилъ прибыть туда 10-го іюня вечеромъ и остановился въ домѣ купца Саввина. На другой день по утру, принявъ представленія отъ дворянства, служащихъ и гражданъ,

---

[1]) Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, пользовавшійся особенною дружбою императора Александра Павловича и состоявшій при его особѣ со времени восшествія на престолъ императора Павла. При императорѣ Николаѣ I кн. П. М. Волконскій до самой своей смерти (ум. 1852 г.) занималъ постъ министра двора; незадолго до кончины пожалованъ былъ въ фельдмаршалы.

государь изволилъ отправиться водою черезъ озеро въ Нилову пустынь, гдѣ слушалъ обѣдню и прикладывался къ святымъ мощамъ преподобнаго Нила. Во время возвращенія его величества въ городъ изъ пустыни, собралась надъ городомъ темная туча; однакожъ государь еще до дождя успѣлъ доѣхать до дома купца Саввина, и вскорѣ вышелъ къ обѣденному столу, къ коему были приглашены, кромѣ свитскихъ, гражданскіе начальники и предводители дворянства.

Едва успѣли сѣсть за столъ, вдругъ надъ городомъ разразилась туча весьма сильнымъ громовымъ ударомъ, такъ что государь изволилъ, перекрестясь, сказать:

— Это ужъ вѣрно не безъ несчастья гдѣ-либо!

Я обѣдалъ за гофмаршальскимъ столомъ въ домѣ же Саввина, но въ другой комнатѣ.

Вдругъ вбѣжалъ городничій къ намъ въ комнату, съ тревожнымъ видомъ, и донесъ, что черезъ два дома отъ дома Саввина, въ каменномъ домѣ громъ убилъ г-жу Болговскую, пріѣхавшую изъ своего помѣстья въ Осташковъ, чтобъ видѣть государя.

Бар. Вилліе вышелъ изъ зала, гдѣ государь изволилъ кушать, и приказалъ мнѣ ѣхать туда тотчасъ съ городничимъ.

Я нашелъ г-жу Болговскую лежащею въ креслахъ въ ея кабинетѣ, съ повисшими головою и правою рукою, близъ печи, у коей труба на это время не была закрыта. Она была жива, но не могла мнѣ сказать ни слова. Приказавъ ея дѣвушкѣ раздѣть ее, я нашелъ, что, начиная отъ верхняго праваго плеча, весь правый бокъ, рука и нога были обожжены молніей и покрыты обширными багровыми пятнами, или полосами. Вслѣдъ почти за мною пріѣхалъ и бар. Вилліе, по приказанію государя.

Приличными средствами мы привели ее въ чувство и

положили въ кровать. При выѣздѣ государя изъ Осташкова ей было уже лучше.

Замѣчательно, что домъ, занимаемый г-жею Болговскою, предназначался губернаторомъ, какъ лучшій, для помѣщенія государя; но купецъ Саввинъ упросилъ, чтобъ онъ осчастливилъ его домъ своимъ помѣщеніемъ. Комната, гдѣ Болговская была поражена громомъ, предназначалась также для кабинета его величества!..

Изъ Осташкова государь изволилъ отправиться прямо въ Тверь, гдѣ былъ назначенъ большой смотръ кавалеріи и конной артиллеріи. Онъ остановился во дворцѣ, принадлежавшемъ покойной великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, гдѣ помѣстилась и вся свита его величества.

На другой день назначенъ былъ парадъ всѣмъ собраннымъ тамъ войскамъ. Я получилъ отъ бар. Вилліе приказаніе быть при немъ верхомъ, имѣть при себѣ хирургическіе инструменты и все нужное для поданія перваго пособія, въ случаѣ какого-либо приключенія. Это былъ первый опытъ моей вояжной службы, который былъ не совсѣмъ удаченъ; ибо на маневрахъ, во время атаки кавалеріи, поспѣшая на помощь упавшему съ лошади офицеру, я самъ упалъ съ лошади и порядочно ушибъ себѣ лѣвый бокъ. Это было въ виду государя. Бар. Вилліе поспѣшилъ прискакать на мѣсто моего паденія и разругалъ меня въ пухъ за то, что я не умѣю ѣздить. Хотя здѣсь гнѣвъ совсѣмъ былъ не у мѣста, но я этимъ не обидѣлся, ибо совершенно было справедливо замѣчаніе его насчетъ моей верховой ѣзды. Маневры были на другой день парада, и я не успѣлъ взять хотя первоначальнаго урока верховой манежной ѣзды у государева берейтора Исакова, который, по пріязни, самъ вызвался научить меня ѣздѣ съ мундштукомъ.

Послѣ маневровъ, которыми государь изволилъ быть доволенъ, среди самаго поля подъ палатками былъ обѣ-

денный столъ, гдѣ всѣ обѣдали, начиная отъ государя до послѣдняго рядового, бывшаго въ строю. Это представляло великолѣпнѣйшую картину. Государь самъ изволилъ предложить первый тостъ: «За здравіе россійскаго побѣдоноснаго воинства!» Раздалось отовсюду оглушающее ура! Затѣмъ, командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ [1]) предложилъ тостъ: «За здравіе государя императора!» При всеобщемъ оглушающемъ «ура!» раздались пушечные выстрѣлы, которые то залпомъ, то батальнымъ огнемъ продолжались, по крайней мѣрѣ, четверть часа.

Изъ Твери государь изволилъ отправиться въ Москву, гдѣ пробылъ цѣлую недѣлю, занимаясь смотромъ собранныхъ тамъ войскъ, а равно и всѣхъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеній.

Въ Москвѣ я познакомился съ докторомъ Пикулинымъ [2]), занимавшимъ мое мѣсто при бар. Вилліе во время кампаніи 1812 года до Вѣнскаго конгресса въ 1815 году. Онъ меня очень обласкалъ и былъ мнѣ не менѣе полезенъ, какъ и предмѣстникъ мой д-ръ Рихтеръ. Пикулинъ былъ тогда профессоромъ при м.-х. академіи въ Москвѣ и читалъ анатомію и физіологію.

Къ бар. Вилліе онъ являлся всякій день и оказывалъ ему большое уваженіе и усердіе, которыя, впрочемъ, были совсѣмъ не искренни. Впослѣдствіи я узналъ

---

[1]) Командиръ гвардейскаго корпуса Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ уже въ слѣдующемъ году лишился этой должности въ связи съ раскассированіемъ Семеновскаго полка. Въ царствованіе императора Николая I Васильчиковъ назначенъ былъ председателемъ государственнаго совѣта и пожалованъ княжескимъ достоинствомъ. Род. въ 1777 г., ум. въ 1847 г.

[2]) Пикулинъ, Лука Егоровичъ, докторъ медицины и хирургіи, проф. московской медико-хирургической академіи, издатель «Руководства къ леченію бактерій» (1784—1824).

отъ него основательную причину такого поведенія въ отношеніи къ его начальнику. Д-ръ Пикулинъ разсказалъ мнѣ все прохожденіе своей службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, и особливо при бар. Вилліе, которое очень замѣчательно. Нѣкоторое время онъ пользовался особеннымъ личнымъ вниманіемъ императора Александра, но на этомъ моментѣ его жизни остановился его военно-медицинскій карьеръ. А между тѣмъ, къ его несчастію, его постигла болѣзнь, требовавшая продолжительнаго леченія за границею.

Изъ Москвы государю благоугодно было отправиться черезъ Рязань въ гор. Козловъ, Тамбовской губерніи, гдѣ собранъ былъ кавалерійскій корпусъ, подъ командою генерала Дука [1]).

Не видавъ шесть лѣтъ слишкомъ ни родины, ни родныхъ, я испросилъ себѣ позволеніе, за два дня до выѣзда изъ Москвы государя, напередъ отправиться въ Рязань, съ тѣмъ, чтобы тамъ присоединиться къ свитѣ его величества. Мнѣ, по приказанію генералъ-адъютанта князя Меншикова, управлявшаго канцеляріею начальника главнаго штаба его величества [2]), выдана курьерская подорожная, и я стрѣлою пустился на родину.

Отца моего я нашелъ въ Рязани, который въ то время былъ священникомъ при церкви Дома Трудолюбія. Неожиданному моему пріѣзду онъ до того обрадовался, что, увидавъ меня и благословивъ, прижалъ къ своей груди,

---

[1]) Дука, Илья Михайловичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, впослѣдствіи сенаторъ (1767—1820).

[2]) Директоръ канцеляріи главнаго Штаба, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (1787—1869), при Николаѣ I—адмиралъ, начальникъ главнаго морского штаба и главнокомандующій крымской арміей. Императоръ Александръ I былъ невысокаго мнѣнія о Меншиковѣ, сказавъ, что «душа у него чернѣе сапога», и незадолго до кончины своей уволилъ его отъ службы.

не бывъ въ состояніи произнести ни одного слова. Наконецъ, поцѣловавъ меня, сказалъ: «Благодарю Тебя, Творецъ Всевышній, что Ты ниспослалъ мнѣ счастіе еще разъ въ жизни видѣть моего добраго сына». Не менѣе того и я былъ тронутъ этою сценою. Старикъ, узнавъ отъ меня, что я служу при дворѣ и нахожусь въ вояжѣ при свитѣ императора, былъ чрезвычайно доволенъ и радъ отъ всей души. Повидавшись съ нѣкоторыми родными и посѣтивъ всѣхъ прежнихъ моихъ въ семинаріи наставниковъ, 19-го іюля я присоединился снова къ свитѣ.

Во всѣхъ мѣстахъ бар. Виллie имѣлъ высочайшее повелѣніе осматривать военные и гражданскіе госпитали и лазареты. Для этого онъ всегда бралъ меня съ собою. Это было его любимымъ предметомъ въ путешествіяхъ; я писалъ всегда его ординаціи при постеляхъ больныхъ и выполнялъ нѣкоторыя другія его порученія. Нерѣдко случалось, особенно когда онъ былъ не въ духѣ, что дѣлалъ самыя жестокія замѣчанія медикамъ и самимъ старшимъ врачамъ, если встрѣчалъ какую-либо неисправность, или неправильность въ леченіи [1]). Нельзя, впрочемъ, не отдать ему справедливости въ мастерствѣ этого дѣла.

Въ Воронежѣ къ бар. Виллie явился дивизіонный докторъ Мартини во фракѣ. Онъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, изъ гор. Орла, гдѣ была расположена его дивизія, съ семействомъ корпуснаго командира барона Корфа, прибылъ къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ. Бар. Виллie, увидавъ г. Мартини не въ

---

[1]) О жестокости и грубости замѣчаній, какія дозволялъ себѣ обыкновенно Виллie, мы встрѣчаемъ еще указанія въ любопытныхъ «Запискахъ» Николая Викторовича Веригина, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ».

Баронетъ Я. В. Виллiе.

Съ современнаго портрета.

формѣ и узнавъ отъ него о причинѣ прибытія въ Липецкъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, до того разсердился, что въ ту же минуту пошелъ къ князю Волконскому, донесъ ему оффиціально о поступкѣ Мартини и, выпросивъ у него фельдъегеря, въ то же время просилъ на тележкѣ съ нимъ отправить его, Мартини, въ Орелъ къ мѣсту его службы. Это обстоятельство потому наиболѣе было замѣчательно, что отправленіе г. Мартини на телѣжкѣ съ фельдъегеремъ происходило въ виду всей липецкой публики!

23-го іюля, въ ночи, государь изволилъ прибыть въ Воронежъ, гдѣ былъ встрѣченъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Балашовымъ, управлявшимъ тогда пятью центральными губерніями на особенныхъ правахъ [1]). Его величество остановился въ домѣ г. Тулинова.

При Курскѣ собраны были двѣ кирасирскихъ дивизіи, съ артиллеріею, коимъ государь изволилъ дѣлать смотръ и маневры, коими остался совершенно доволенъ. Здѣсь замѣчателенъ былъ обѣдъ, который давали граждане Курска государю императору и всему войску, среди военнаго поля, за городомъ. Праздникъ этотъ походилъ отчасти на данный государю, также въ полѣ, подъ Тверью, но былъ несравненно великолѣпнѣе и расположенъ въ лучшемъ порядкѣ и съ большею изысканностью. Государь изволилъ остаться чрезвычайно довольнымъ преданностью и усердіемъ курскихъ гражданъ.

Изъ Курска государь изволилъ отправиться въ украинское военное поселеніе—въ гор. Чугуевъ, куда

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (1770—1837) перемѣщенъ былъ на эту должность съ поста министра полиціи, который занималъ онъ съ 1810 г. Въ 1812 г. онъ принималъ участіе въ интригѣ противъ Сперанскаго, но вслѣдъ затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ должности министра послѣ отзыва императора Александра, что «второй экземпляръ Палена ему не нуженъ».

29-го іюля прибылъ на ночлегъ, гдѣ встрѣченъ былъ графомъ Аракчеевымъ [1]).

Въ это время военныя поселенія начали только устраиваться, и гор. Чугуевъ былъ обращенъ въ военный городъ, гдѣ сосредоточилось главное управленіе Украинскаго военнаго поселенія. Мѣстнымъ военнымъ начальникомъ былъ генералъ Саловъ, извѣстный своими жестокими мѣрами въ Чугуевѣ при водвореніи военнаго поселенія, на которое мирные жители Украйны очень неохотно соглашались. При видѣ, какъ въ самое короткое время совершено преобразованіе края въ военное положеніе и жители приняли военную форму, нельзя не удивляться твердости воли главнаго учредителя военныхъ поселеній. Но съ другой стороны нельзя не ужасаться, слышавъ отъ очевидцевъ, какія жертвы принесены жителями при обращеніи ихъ въ военные поселяне!..

Государь изволилъ остаться вполнѣ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ему представлялъ графъ Аракчеевъ.

Въ Полтавѣ встрѣтился со мною землякъ мой Добротворскій, который познакомилъ меня съ проживавшимъ тамъ въ отставкѣ полковникомъ лейбъ-гвардіи

---

[1]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (1769—1834) пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность какъ «вѣрный другъ» императора Александра I. Заслуги его какъ организатора военнаго министерства и русской артиллеріи померкли предъ его жестокими дѣяніями при устройствѣ временныхъ поселеній и мрачнымъ вліяніемъ на ходъ правительственной дѣятельности во вторую половину царствованія Александра I. «Временщикъ и подлый, и коварный» принялъ на себя весь одіумъ реакціонныхъ мѣропріятій императора и, снискавъ себѣ тѣмъ довѣріе монарха, заслужилъ проклятія современниковъ и осужденіе потомства. Послѣдніе годы царствованія Александра Павловича оставили на себѣ печальный слѣдъ въ русской исторіи, пріобрѣли даже въ потомствѣ недобрую славу «аракчеевщины» по имени всѣми ненавидимаго временщика, не знавшаго предѣловъ своему самовластію.

Семеновскаго полка Муравьевымъ-Апостоломъ [1]). Этотъ самый, который черезъ шесть лѣтъ послѣ того былъ во главѣ заговора и погибъ на эшафотѣ, по приговору верховнаго суда, въ кронверкѣ подлѣ Петропавловской крѣпости.

5-го августа государь изволилъ прибыть въ Херсонскія военныя поселенія на рѣкѣ Бугѣ, въ гор. Вознесенскъ, гдѣ его встрѣтили графъ Аракчеевъ и графъ Виттъ [2]), начальникъ Новороссійскаго военнаго поселенія. Вознесенскъ—небольшой военный городъ, недавно возникшій изъ незначительнаго мѣстечка, населеннаго болгарами, народомъ зажиточнымъ и торгующимъ скотомъ и хлѣбомъ. Введеніе здѣсь военнаго поселенія сопряжено было съ большими затрудненіями. Въ это время городъ Вознесенскъ только началъ населяться частными жителями; но всѣ принадлежности военнаго поселеннаго города уже отстраивались. Государь изволилъ остановиться въ домѣ, занимаемомъ графомъ Виттомъ и выстроенномъ на возвышенномъ и самомъ лучшемъ положеніи.

Въ это время изъ Одессы въ Вознесенскъ прибылъ отставной генералъ Кобле, бывшій нѣкоторое время градоначальникомъ гор. Одессы. Онъ посѣтилъ бар. Виллie, какъ землякъ и старинный знакомый. Съ нимъ

[1]) Извѣстный декабристъ, полковникъ Черниговскаго полка Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, только что уволенный тогда отъ службы послѣ Семеновской исторіи. Послѣ неудачнаго возмущенія Черниговскаго полка, куда онъ поступилъ на службу впослѣдствіи, Муравьевъ-Апостолъ, вмѣстѣ съ другими декабристами: Рылѣевымъ, Пестелемъ, Каховскимъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ повѣшенъ въ 1826 году по конфирмаціи императора Николая I.

[2]) Графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ (1772—1840), генералъ-отъ-кавалеріи, былъ главнымъ сотрудникомъ Аракчеева при устройствѣ южныхъ военныхъ поселеній. Въ должности начальника ихъ онъ оставался до упраздненія ихъ въ царствованіе императора Николая I.

была дочь его—дѣвица лѣтъ двадцати, брюнетка, живая и довольно пріятной наружности. Изъ очень частыхъ посѣщеній Кобле я заключилъ, что между имъ и бар. Вилліе должно быть какое-нибудь особенной важности дѣло. Догадка моя была не безъ основанія.

Однажды бар. Вилліе, взявъ меня подъ руку, повелъ въ садъ и до того былъ откровененъ, что раскрылъ мнѣ все свое сердце. Получивъ отъ меня благопріятный отзывъ насчетъ дѣвицы Кобле, которую я нѣсколько разъ видѣлъ, спросилъ меня: «Хорошо ли будетъ, если я женюсь?» Вслѣдъ за вопросомъ онъ прибавилъ, что ему 54 года (въ 1820 году). Я, нимало не затрудняясь, отвѣчалъ ему утвердительно, присовокупивъ къ тому, что только этого, т. е. семейнаго счастія, недостаетъ ему въ жизни. По всему видно было, что онъ былъ очень близокъ къ рѣшимости сдѣлать предложеніе дѣвицѣ Кобле,—и едва ли уже не сдѣлалъ его,—ибо онъ тутъ же сдѣлалъ ей подарокъ въ три тысячи рублей ассигнаціями. Это былъ довольно богатый брилліантовый перстень, пожалованный ему незадолго передъ тѣмъ императрицею Маріей Өеодоровною, кажется, за консультацію во время болѣзни императрицы [1]) Александры Өеодоровны. Но это сватовство тѣмъ и окончилось; ибо когда мы уѣхали на конгрессъ за границу, бар. Вилліе совершенно забылъ о своей невѣстѣ, которая впослѣдствіи вышла за маркиза Паулуччи, бывшаго потомъ военнымъ губернаторомъ Остзейскихъ губерній, котораго она однако-жъ скоро совсѣмъ оставила.

8-го августа, послѣ обѣда, оставивъ Вознесенскъ, государь изволилъ отправиться въ гор. Умань, Кіевской

[1]) Въ описываемое Д. К. Тарасовымъ время (1820 г.) императрица Александра Өеодоровна, супруга великаго князя Николая Павловича, была еще великой княгиней.

губерніи, куда прибылъ 10 августа. Умань составлялъ центръ обширнѣйшаго имѣнія графа Потоцкаго, близъ котораго этотъ вельможа, въ честь и память своей жены [1]), устроилъ превосходный садъ и паркъ, называемый Софіевкою. Въ этомъ превосходномъ мѣстѣ къ пріѣзду государя приготовленъ былъ праздникъ и иллюминація. Освѣщеніе аллей, огромныхъ каскадовъ и высокихъ фонтановъ и прелестное мѣстоположеніе дѣлало этотъ праздникъ самымъ замѣчательнымъ. Всѣ въ Софіевкѣ построенія отдѣланы самою роскошною рукою. Мнѣ сказывалъ докторъ Абрагамсонъ, состоявшій при этомъ имѣніи, что устройство этого мѣста графу Потоцкому стоитъ шесть милліоновъ рублей ассигнаціями. Нынѣ Софіевка поступила въ казну и носитъ названіе Царицына Сада.

Здѣсь къ бар. Вилліе явился докторъ И. Семеновичъ Орлай, носившій званіе придворнаго медика и бывшій ученымъ секретаремъ конференціи императорской медико-хирургической академіи. Вилліе принялъ его страннымъ образомъ; вмѣсто приличнаго обращенія съ этимъ ученымъ и замѣчательнымъ мужемъ, онъ осыпалъ его сарказмами, которые даже и для меня показались очень обидными! Бар. Вилліе скоро долженъ былъ слѣдовать за государемъ, а я имѣлъ нѣкоторое время пробыть съ докторомъ Орлаемъ, коему я уже былъ извѣстенъ по моему участію въ составленіи полевой военной фармакопеи, когда я еще былъ студентомъ академіи. Докторъ Орлай былъ примѣрной нравственности и очень религіозенъ. Оставшись со мною наединѣ въ теченіе цѣлаго часу, онъ сообщилъ мнѣ самое подробное описаніе качествъ моего начальника. Это произвело во мнѣ самое

[1]) Извѣстной красавицы-фанаріотки, въ первомъ бракѣ графини Виттъ, графини Потоцкой.

печальное впечатлѣніе насчетъ моего настоящаго положенія. Это замѣтилъ и самъ докторъ Орлай и, какъ умный и нравственный человѣкъ, не хотѣлъ оставить меня безъ наставленія и совѣта, которые были для меня весьма назидательны. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «для васъ—молодого и только что начавшаго поприще врача—тѣмъ болѣе чести и заслугъ, если вы успѣете оправдать свое назначеніе при такомъ начальникѣ точнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей и похвальнымъ поведеніемъ. Надѣюсь, что вамъ Богъ поможетъ успѣть въ этомъ, имѣйте на Него полную надежду!»

Государь изволилъ прибыть въ Варшаву 15 августа къ вечеру. Въ Пулавѣ, 14 августа, на ночлегѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу его императорское высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ нимъ государь въ одной коляскѣ въѣхалъ въ Варшаву и остановился въ королевскомъ дворцѣ, называемомъ Бургомъ, расположенномъ однимъ фасомъ на площадь Сигизмунда, а другимъ—на Вислу противъ Праги.

Комнаты бар. Вилліе были въ верхнемъ этажѣ дворца, окнами на Вислу; подлѣ его помѣщенія о стѣну было мое помѣщеніе съ канцеляріею, состоящею изъ одной довольно обширной комнаты, которую я большими ширмами раздѣлилъ на двѣ. Такое близкое сосѣдство съ начальникомъ вскорѣ мнѣ очень не понравилось; часто случалось, что ежечасные призывы его, или вовсе безъ надобности, или за дѣломъ совсѣмъ ничтожнымъ, лишали меня возможности заняться дѣломъ серьезнымъ по службѣ, или принять къ себѣ кого-либо изъ товарищей или знакомыхъ. На мою бѣду бар. Вилліе въ это время занимался аглицкою газетою, въ коей помѣщался обширнѣйшій и сложный процессъ развода аглицкой королевы съ царствовавшимъ тогда королемъ. Всякій разъ, когда онъ окончитъ номеръ газеты, приглашалъ меня

выслушать отъ него все прочитанное, что для меня особенно было скучно.

Въ Варшавѣ пребываніе государя было довольно продолжительно. До открытія сейма, его величество осматривалъ войска русскія и польскія, дѣлалъ маневры отдѣльно каждому и обоимъ войскамъ вмѣстѣ. Бар. Вилліе повелѣно было осмотрѣть военные госпитали русскій и польскій, которые оба помѣщались въ бывшемъ Уяздовскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ составляетъ обширное зданіе, которое очень удобно впослѣдствіи принаровлено къ помѣщенію обоихъ госпитатей высшаго класса. Устройство ихъ не оставляетъ ничего желать, такъ что при подробнѣйшемъ и строгомъ осмотрѣ они найдены въ отличномъ положеніи, какъ по медицинской, такъ и по хозяйственной части.

Здѣсь мнѣ въ первый разъ представились всѣ трудности моей обязанности по управленію канцеляріею главнаго по арміи медицинскаго инспектора и президента академіи (бар. Вилліе вмѣстѣ былъ и президентъ императорской медико-хирургической академіи). Дѣлъ стеклось множество; нѣкоторыя изъ нихъ были сложны и особенной важности, требующей большой опытности и соображеній; ни помощниковъ, ни совѣтниковъ нѣтъ. Не было даже писаря для переписки бумагъ набѣло и для веденія журналовъ по канцеляріи. Ко всему этому представилась еще особенная трудность: начальникъ мой имѣлъ горькую для меня страсть—рѣшенія свои на нѣкоторыя бумаги диктовать или писать по-французски и всегда поручалъ переводить это по-русски, для составленія исполнительныхъ бумагъ, особенно высшему начальству, и даже для доклада его императорскому величеству...

Я былъ не довольно силенъ во французскомъ языкѣ, хотя французскія сочиненія я читалъ безъ затрудненія. Но французскій языкъ, на какомъ бар. Вилліе переда-

валъ мнѣ свои рѣшенія на служебныя бумаги и распоряженія на службѣ,—едва былъ доступенъ моему понятію, особенно въ самомъ началѣ, такъ что я часто вынужденъ былъ прибѣгать къ догадкамъ, соображаясь съ сущностью дѣла. Но это не всегда было достаточно; ибо бар. Виллie иногда желалъ, чтобъ въ бумагахъ была изложена его собственная мысль любимыми для него выраженіями. Это послѣднее обстоятельство, въ теченіе нѣкотораго времени, составляло для меня камень преткновенія дотолѣ, пока я могъ ознакомиться короче съ служебнымъ характеромъ и нѣкоторыми отношеніями моего начальника. Между тѣмъ, пока я успѣлъ достигнуть этого, нерѣдко случалось, что, при неутомимыхъ постоянныхъ трудахъ, я упадалъ духомъ, не находя ни отъ кого ни совѣта, ни помощи.

Сеймъ въ Варшавѣ продолжался до октября; несогласія въ сужденіяхъ представителей и депутатовъ, доходившія нерѣдко на сеймѣ до раздора, крайне были непріятны императору. Для соглашенія противныхъ сторонъ и для принятія вѣрнѣйшихъ мѣръ къ упроченію благосостоянія Царства Польскаго, его величество изволилъ употреблять съ своей стороны г. Новосильцова и статсъ-секретаря Царства Польскаго графа Соболевскаго. Наконецъ государь изволилъ повелѣть сеймъ закрыть. Назначенъ былъ день для торжественнаго и окончательнаго собранія сейма, на которомъ въ назначенный часъ его величество, въ полномъ польскомъ мундирѣ, изволилъ присутствовать. Когда государь императоръ изволилъ взойти на тронъ, повсюду водворилась тишина и какое-то особенное чувство благоговѣнія къ его августѣйшей особѣ. Поистинѣ, нельзя было безъ особеннаго чувства умиленія въ то время видѣть его величество. Въ лицѣ его выражалось величіе неземное, мудрость, правда и милость!

На тронѣ государь изволилъ стоять въ обычной своей, ему исключительно одному принадлежащей, позѣ. Онъ былъ великъ! Съ трона онъ произнесъ ту знаменитую рѣчь къ представителямъ Царства, которая въ исторіи должна занять почетное мѣсто между великими дѣяніями, коими ознаменовано его царствованіе. Рѣчь эта, на французскомъ языкѣ, хранится между моими бумагами. Она была произнесена на французскомъ языкѣ; а по прочтеніи статсъ-секретарь Царства Польскаго прочелъ ее на польскомъ языкѣ. Я замѣтилъ, что рѣчь эта произвела во всѣхъ присутствовавшихъ живѣйшее впечатлѣніе, а бывшія на хорахъ дамы до такой степени были тронуты, что всѣ плакали отъ умиленія. Подобной торжественности и величія государя я болѣе не имѣлъ счастья видѣть во всю жизнь мою...

Съ закрытіемъ сейма, въ Варшавѣ вдругъ разнесся слухъ о конгрессѣ, для коего назначено мѣсто въ Богеміи, въ городѣ Троппау, который расположенъ вблизи границъ—польской, прусской и австрійской. Поводомъ къ этому конгрессу были смуты въ Италіи, производимыя партіями карбонаріевъ. Смуты эти имѣли важное политическое значеніе, и для подавленія ихъ требовались энергическія мѣры со стороны государствъ, составлявшихъ священный союзъ (sainte alliance).

Въ октябрѣ 17 дня 1820 г. государь изволилъ оставить Варшаву и отправиться въ Троппау со всею своею свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Путешествіе продолжалось благополучно и недолго; на третій день государь и вся свита прибыли въ этотъ уединенный, но довольно значительный городъ, расположенный въ долинѣ между Богемскими горами. Городъ по себѣ не заключаетъ ничего особеннаго, но окрестности его очаро вательны. Вблизи Троппау много помѣстій и превос ходно устроенныхъ мызъ, принадлежащихъ аристокра-

тическимъ древнимъ австрійскимъ фамиліямъ. Наилучшая и замѣчательнѣйшая изъ нихъ была мыза графа Лихніовскаго, куда направлялись почти ежедневныя прогулки всѣхъ, составляющихъ свиту его величества и дипломатическій корпусъ. Вскорѣ по прибытіи государя, пріѣхали для свиданія съ его величествомъ великая княгиня Марія Павловна и великій князь Николай Павловичъ.

Государь любилъ прогуливаться съ августѣйшею своею сестрою и братомъ. А какъ въ городѣ не было тротуаровъ и мостовыя очень негладки, то, по особенному распоряженію австрійскаго правительства, городское начальство нарочито устроило за городомъ, на довольно значительномъ пространствѣ, досчатый тротуаръ, или помостъ, для прогулокъ государя. Его величество всегда изволилъ гулять, ведя подъ руку Марію Павловну, а Николай Павловичъ всегда слѣдовалъ за ними одинъ.

Во время конгресса въ Троппау охота въ окрестныхъ мызахъ до того сдѣлалась общею, что даже я, не бывши никогда охотникомъ, и несмотря на трудныя занятія по службѣ, многократно участвовалъ въ охотѣ. Бар. Вилліе, не знаю почему, открылъ во мнѣ особенную къ охотѣ способность и, чтобы довести оную до настоящаго развитія, обѣщалъ подарить мнѣ одно изъ своихъ ружей. Разумѣется, способность эта осталась во мнѣ неразвитою...

Въ Троппау мнѣ назначена была квартира у городового доктора, помѣщавшагося въ зданіи городской больницы. Я скоро съ нимъ познакомился и часто посѣщалъ съ нимъ больничныя палаты, гдѣ нерѣдко случались довольно важныя и занимательныя болѣзни. Въ то время (1820 г.) только что начиналъ входить во врачебное употребленіе іодъ; мнѣ случалось неоднократно наблюдать успѣшное его дѣйствіе противу зоба у молодыхъ субъектовъ и неслишкомъ застарѣвшаго.

Въ Троппау насъ застигла зима, и морозы доходили до 10 гр. по Р. У меня не было совсѣмъ теплаго платья, да и денегъ было очень немного. Таковое мое положеніе доведено было до высочайшаго свѣдѣнія, и его величество изволилъ повелѣть купить для меня хорошую енотовую шубу, которая, какъ памятникъ монаршей милости, сохранялась мною слишкомъ тридцать лѣтъ.

Въ самомъ началѣ декабря 1820 г. изъ Петербурга курьеръ привезъ печальную вѣсть о безпорядкахъ, происшедшихъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Вѣсть эта хранилась въ самой строгой тайнѣ. Государь два дня не изволилъ выходить на прогулку; въ канцеляріи начальника главнаго штаба работали день и ночь, и черезъ два дня того же курьера отправилъ князь Волконскій обратно въ Петербургъ.

Около половины декабря объявлено намъ было, что его величество изволитъ скоро отправиться въ Вѣну, а оттуда на конгрессъ въ Штирію, въ гор. Лайбахъ. Ихъ высочества: Марія Павловна и Николай Павловичъ, выѣхали изъ Троппау прежде,— а на другой день и государь отправиться изволилъ въ Вѣну. Зима была не хуже русской; въ дорогѣ насъ сопровождали морозы и вьюга, и дорога черезъ Богемскія горы, по этой причинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была не безопасна.

Мы пріѣхали въ Вѣну при 17 гр. морозу. Государь императоръ изволилъ остановиться въ Бургѣ, т. е. императорскомъ дворцѣ, а для насъ отведены были квартиры вблизи Бурга. Парадной встрѣчи для нашего государя не было. Въ Вѣнѣ мы пробыли всего трое сутокъ. Мнѣ однако-жъ удалось быть въ императорскомъ театрѣ и слышать знаменитую уже и въ то время (1820 г.) пѣвицу Пасту. Къ бар. Виллie въ то время явился путешествовавшій за границею русскій докторъ Гаммель, который мнѣ доставилъ случай осмотрѣть всѣ вѣнскіе госпи-

тали, терапевтическую, хирургическую и окулистическую клиники, университетъ и іозефинскую академію и ея знаменитый анатомическій кабинетъ, состоящій изъ превосходныхъ восковыхъ препаратовъ. При этомъ я познакомился съ профессорами: Кернеромъ, завѣдывавшимъ хирургическою клиникою, Егеремъ, управлявшимъ, по смерти Бери, окулистическою клиникою; у него я въ первый разъ видѣлъ египетское воспаленіе глазъ въ полномъ его развитіи,—и при мнѣ произведена была операція катаракты. Сверхъ того докторъ Гаммель познакомилъ меня съ профессоромъ физіологіи Леносекомъ, и акушерства Гартманомъ.

Изъ Вѣны государь императоръ изволилъ отправиться прямо въ гор. Лайбахъ, въ Штиріи, куда прибыла и вся свита его величества 27 декабря 1820 года.

Въ городѣ два монастыря, женскій и мужской, гражданскій и военный госпиталь, главная гимназія, духовная семинарія и бискупскій домъ. Послѣдній составляетъ наилучшее строеніе въ городѣ, а потому и назначенъ былъ для резиденціи нашего императора; въ томъ же домѣ помѣщались князь Волконскій, баронетъ Вилліе, князь Меншиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба его императорскаго величества и всѣ придворныя службы. Въ лучшемъ залѣ этого дома была расположена военно-походная церковь. Для служенія въ церкви вытребованъ былъ изъ Венгріи іеромонахъ Геннадій съ четырьмя пѣвчими, коими управлялъ придворный пѣвчій Берлинскій.

Вслѣдъ за нашимъ императоромъ, прибылъ въ Лайбахъ и австрійскій императоръ Францъ I, съ своею фамиліею, свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Вскорѣ прибыли дипломаты и прочихъ европейскихъ дворовъ.

Во время конгресса гарнизонъ Лайбаха составлялъ пѣхотный полкъ, состоящій весь изъ однихъ кроатовъ,

которые были православнаго исповѣданія,—кромѣ офицеровъ. Сіи послѣдніе были австрійцы и католики.

Вскорѣ по открытіи конференціи дипломатовъ, императоръ съ особеннымъ важнымъ порученіемъ послалъ генералъ-адъютанта Чернышева [1]) въ Мюнхенъ. На обратномъ оттуда пути, въ горахъ близъ гор. Сентъ-Мишель, опрокинулась его коляска и при этомъ паденіи онъ получилъ сильный ушибъ въ грудь съ переломомъ лѣвой ключицы—на плечевой ея половинѣ. По полученіи о семъ извѣстія, я чрезъ князя Волконскаго получилъ высочайшее повелѣніе немедленно отправиться навстрѣчу къ А. И. Чернышеву; но когда пріѣхалъ отъ генералъ-адъютанта Чернышева курьеръ, то государю благоугодно было повелѣть ѣхать немедленно бар. Вилліе для поданія ему первоначальной помощи и безопаснаго доставленія его въ Лайбахъ. Чрезъ два дня бар. Вилліе возвратился съ генераломъ Чернышевымъ, коему мы съ бар. Вилліе дѣлали первую перевязку переломленной ключицы.

При наложеніи повязки я чрезвычайно былъ встревоженъ, увидѣвъ мѣсто перелома и около лежащія части, которыя покрыты были опухолью синебагроваго цвѣта. Самое мѣсто перелома обозначалось ссадиною, изъ коей просачивалась сукровица, а разъединенные концы ключицы явственно ощущались подъ пальцемъ на мѣстѣ ссадины. Вообще поврежденіе представлялось весьма важнымъ и почти не обѣщало благопріятнаго исхода.

---

[1]) Александръ Ивановичъ, со времени своего посольства въ Парижѣ при Наполеонѣ I, гдѣ онъ исполнялъ секретныя порученія императора Александра I, пользовавшійся особымъ его довѣріемъ. Въ войнѣ за освобожденіе Германіи Чернышевъ умѣлъ выставить на первый планъ партизанскія свои дѣйствія и тѣмъ еще болѣе снискалъ милость государя. При Николаѣ Чернышевъ носилъ званіе военнаго министра и получилъ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости.

Обмывши тщательно мѣсто перелома и сдѣлавъ со всею осторожностью соединеніе концовъ ключицы, покрыли его компрессомъ, смоченнымъ fomento minerali acido и наложили повязку Дезольта съ измѣненіями, каковыхъ требовала важность поврежденія.

Таковой необыкновенный видъ переломъ этотъ получилъ отъ слѣдующаго обстоятельства. Въ городѣ С.-Мишель къ генералъ-адъютанту Чернышеву призваны были два медика, которые, принявъ это поврежденіе за вывихъ лѣваго плеча, производили вытягиваніе лѣвой руки самымъ грубымъ образомъ. Черезъ повторенные пріемы таковаго вытягиванія, концы переломленной ключицы, расходясь многократно въ разныхъ направленіяхъ, произвели столь важное разстройство въ покрывающихъ ключицу мягкихъ частяхъ.

На другой день къ вечеру оказалось у больного сильное воспаленіе подреберной плевы на лѣвой сторонѣ груди. Это неблагопріятное осложненіе столь важнаго поврежденія потребовало обильнаго кровопусканія и измѣненія въ повязочномъ аппаратѣ, стѣснявшемъ свободное дыханіе. Больной находился нѣсколько дней въ опасномъ положеніи; я при немъ находился почти неотходно слишкомъ мѣсяцъ, и, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, генералъ-адъютантъ Чернышевъ совершенно выздоровѣлъ и переломъ ключицы сросся, только неровно, такъ что грудной конецъ перелома нѣсколько выстоитъ кнаружи. Эту неровность срощенія ключицы, для отвращенія давленія отъ помочей, я присовѣтовалъ постоянно покрывать мягкою подушечкою изъ ваты.

Государь императоръ въ положеніи ген.-адъют. Чернышева изволилъ принимать живѣйшее участіе, посѣщалъ его очень часто и по выздоровленіи его изволилъ оказать полное свое благоволеніе бар. Вилліе и мнѣ.

На этомъ конгрессѣ въ числѣ нашихъ дипломатовъ былъ графъ Каподистріа [1]). Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ я имѣлъ случай близко познакомиться, по случаю его болѣзни. Онъ со мною всегда говорилъ полатыни, и столько былъ ко мнѣ благосклоненъ, что ознакомилъ меня отчасти съ своею біографіею. Онъ былъ грекъ, уроженецъ изъ Корфу, выслушалъ полный курсъ медицины и получилъ степень доктора. Въ Россію онъ прибылъ съ адмираломъ Сенявинымъ (какъ мнѣ помнится) и вступилъ на дипломатическое поприще. Я всегда съ особливымъ наслажденіемъ слушалъ глубокомысленныя сужденія его о разныхъ предметахъ. Доселѣ я твердо удержалъ въ памяти разговоръ его съ княземъ Любецкимъ-Друцкимъ, о весьма остроумномъ примѣненіи или сравненіи государственнаго правленія съ процессомъ жизни въ человѣческомъ организмѣ. Разговоръ этотъ имѣлъ соотношеніе съ возникавшими въ то время политическими переговорами.

Въ это время получено въ Лайбахѣ извѣстіе о возстаніи Греціи противъ турецкаго правительства, начатомъ княземъ Ипсилантіемъ, который немедленно былъ исключенъ изъ россійской службы.

Графъ Каподистріа во время Лайбахскаго конгресса получилъ увольненіе и, какъ было слышно, отправился въ Швейцарію.

Въ продолженіе дипломатическихъ конференцій, вдругъ разнесся слухъ объ итальянской войнѣ, въ коей должна участвовать и россійская армія. Въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго

---

[1]) Графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрія (1776—1831), министръ иностранныхъ дѣлъ при Александрѣ I, долженъ былъ оставить въ это время русскую службу вслѣдствіе неблагопріятнаго отношенія Александра къ возстанію грековъ, внушеннаго ему происками австрійскаго канцлера Меттерниха.

величества началась необыкновенная дѣятельность. Бар. Виллїе, какъ главный по арміи медицинскій инспекторъ, по ввѣренной ему части получилъ высочайшее повелѣніе о сдѣланіи скорѣйшихъ распоряженій по части медицинской, по случаю движенія арміи. Занимаясь со мною непрерывно, въ продолженіе 24 часовъ, онъ выполнилъ высочайшее повелѣніе и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ донесъ князю Волконскому для доклада государю, который изволилъ остаться ими доволенъ.

Вскорѣ за симъ начали проходить черезъ Лайбахъ полки австрійской арміи; главнокомандующимъ россійскою дѣйствующею арміею назначенъ былъ генералъ Ермоловъ, который не замедлилъ прибыть въ Лайбахъ [1]), потомъ прибыли: баронъ Дибичъ [2]), генералъ Нейдгардтъ [3]), генералъ-интендантъ Канкринъ [4]) и нѣсколько штабъ-офицеровъ, долженствующихъ войти въ составъ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

По крайнему недостатку чиновниковъ въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества, князь А. С. Меншиковъ, съ согласія бар. Виллїе, пригласилъ меня заниматься при немъ военно-походными дѣлами, которыя требовали усиленныхъ трудовъ.

Около половины апрѣля (1821 г.) вопросъ объ объявленной войнѣ, чрезъ ежедневныя дипломатическія конференціи, былъ разрѣшенъ благопріятно, и государь

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ (1776—1861), командовавшій въ то время кавказскимъ корпусомъ.

[2]) Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ. Въ это время онъ былъ начальникомъ штаба первой арміи.

[3]) Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса.

[4]) Егоръ Францовичъ, при Николаѣ I графъ и министръ финансовъ.

императоръ изволилъ повелѣть остановить дальнѣйшее движеніе авангарда нашей арміи, который въ то время уже приближался къ границамъ Галиціи.

Такимъ образомъ, Лайбахскій конгрессъ окончился, и 1 мая 1821 г. государь императоръ изволилъ оставить Лайбахъ и отправиться въ Венгрію, минуя Вѣну.

Кроаты, составлявшіе во время конгресса гарнизонъ въ Лайбахѣ, всѣ были православнаго исповѣданія, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ. Передъ самымъ праздникомъ Пасхи, чрезъ свое начальство, гарнизонъ этотъ просилъ позволенія, чрезъ князя Волконскаго, отпраздновать Пасху въ походной церкви вмѣстѣ съ нами. По докладѣ о семъ императору, его величество изволилъ изъявить на это свое соизволеніе и повелѣлъ, чтобъ къ дню Пасхи походная церковь расположена была въ другомъ, обширнѣйшемъ залѣ. Въ великую субботу въ ночи, за часъ до начала службы, значительная часть гарнизона введена была въ залъ, занимаемый церковью, и въ другой, прилежащій оному. Ровно въ 12 часовъ ночи императоръ со свитою изволилъ выйти парадно въ церковь и занялъ мѣсто подлѣ праваго клироса. Такъ онъ обыкновенно всегда становился въ церкви, ибо любилъ пѣть церковное служеніе вмѣстѣ съ пѣвчими—своимъ весьма пріятнымъ баритономъ.

Когда іеромонахъ Геннадій провозгласилъ Христосъ Воскресе и проч., то вмѣстѣ съ пѣвчими начали пѣть и всѣ бывшіе въ церкви кроаты различными своими голосами, впрочемъ довольно согласно съ нашими пѣвчими. Только въ началѣ это всеобщее, совсѣмъ неожиданное пѣніе всѣхъ насъ очень удивило и даже обратило вниманіе нашего государя. Напѣвъ и произношеніе совершенно были одинаковы съ нашими, и даже самый канонъ Пасхи пѣли почти всѣ кроаты. Нельзя было не замѣтить ихъ всеобщаго и единодушнаго восторга

отъ соединенія съ нами, а особенно съ нашимъ императоромъ, въ православной церкви нашей!..

По окончаніи заутрени государь изволилъ христосоваться со всею своею свитою, а равно и со всѣми кроатами; а послѣ обѣдни, по повелѣнію императора, всѣ кроаты разгавливались во дворцѣ вмѣстѣ съ нашими русскими. Это произвело неописанный энтузіазмъ и особенную любовь и преданность къ нашему великому императору во всемъ гарнизонѣ, такъ что австрійскіе военные начальники замѣчали это очень неравнодушно.

Былъ слухъ, что и самому австрійскому правительству несовсѣмъ было пріятно, что нашему императору благоугодно было предпринять обратное свое путешествіе не черезъ Вѣну, а чрезъ славянскія народонаселенія въ гор. Офенъ, въ Венгріи.

По выѣздѣ изъ Лайбаха, 1-го мая, въ четвертой день, т. е. 4-го мая, государь прибылъ къ вечеру въ Буду, прямо въ дворецъ палатинуса, который встрѣтилъ его величество съ военною церемоніей.

Проѣзжая славянскими племенами, мы могли коекакъ объясняться съ жителями, говорящими на близкомъ къ нашему языкѣ; но когда въѣхали въ Венгрію, на первой станціи встрѣтилось большое затрудненіе въ объясненіяхъ. По-венгерски у насъ въ свитѣ никто не понималъ ни слова. Полковникъ Михайловъ, платившій прогоны, на первой станціи сталъ втупикъ. Къ счастью, мы узнали, что служащіе чиновники въ Венгріи всѣ говорятъ по-латыни; здѣсь всѣхъ выручило мое знаніе латинскаго языка. Я немедленно обратился съ латинскимъ комплиментомъ къ смотрителю почтъ, съ коимъ и предстояло имѣть сношеніе. Не менѣе меня и онъ былъ обрадованъ, что встрѣтилъ лицо, могущее съ нимъ свободно объясняться. Такимъ образомъ, въ теченіе всего путешествія по Венгріи, до самыхъ границъ Галиціи, во

всей свитѣ я былъ общимъ переводчикомъ при сношеніяхъ съ жителями.

Народъ венгерскій отличается отъ племенъ славянскихъ своею наружностью и характеромъ. Это есть особенное племя, отчасти похожее на нашихъ малороссовъ, но превосходитъ сихъ послѣднихъ крѣпостью физическихъ силъ и дѣятельностью. Замѣчательна наружность поселянъ; они носятъ длинные волосы, которые они смазываютъ очень роскошно простымъ саломъ, такъ что отъ этого замѣчается большая неопрятность въ наружномъ ихъ платьѣ, состоящемъ изъ короткой блузы и очень широкихъ шароваровъ. Поля у нихъ вообще обрабатываются хорошо; но, проѣзжая большею частью проселочными дорогами, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчали бѣдность жителей чрезвычайную. Женщины одѣваются, подобно нашимъ малороссіянкамъ, но только не такъ опрятно.

Въ Офенѣ государь изволилъ пробыть два дня и отправлялся съ палатинусомъ на гробъ августѣйшей своей сестры, надъ которымъ построена греко-россійская церковь и постоянно находятся для служенія іеромонахъ и четверо пѣвчихъ. Въ Офенѣ я имѣлъ благопріятный случай осмотрѣть военный и гражданскій госпитали, обсерваторію и университетъ. Послѣдній особенно для меня былъ замѣчателенъ по своему весьма удобному въ Пестѣ устройству, богатымъ кабинетамъ и музеуму и обмундировкѣ профессоровъ, которые принимали высокаго посѣтителя—нашего государя, всѣ въ богатыхъ гусарскихъ мундирахъ. Въ Офенѣ Дунай уже дѣлается большою рѣкою и составляетъ превосходное украшеніе города.

Здѣсь въ первый разъ я ознакомился съ настоящимъ венгерскимъ токайскимъ виномъ. Оно и въ самой Венгріи цѣнится весьма высоко и вовсе не походитъ на продавае-

мое у насъ подъ этимъ названіемъ вино. Оно цвѣта золотисто-соломеннаго, очень густо, весьма ароматно и удивительно пріятнаго вкусу. Каждому изъ насъ, свитскихъ, каждое утро, на цѣлыя сутки, отпускалась порція этого вина, не болѣе трехъ среднихъ рюмокъ, независимо отъ винъ прочихъ сортовъ.

23-го мая 1821 г. императоръ изволилъ прибыть на ночлегъ въ Царское Село.

III.

Путешествіе императора Александра I въ Витебскую и Виленскую губернію въ 1821 г.—Смотръ гвардейскому корпусу.—Въ Бѣшенковичахъ. Путешествіе въ 1822 г. въ Вильну и Бѣлостокъ въ 1822 г.—Село Романшино маркиза Траверсе.—Путешествіе осенью 1822 г. въ Варшаву и оттуда въ Италію на веронскій конгрессъ.—Посѣщеніе Зальцбурга и Тироля.—Пребываніе въ Веронѣ.—Венеція.—Поѣздка государя въ Баварію.—Принцесса Фредерика, невѣста великаго князя Михаила Павловича.

Для смотра гвардейскаго корпуса, расположеннаго осенью 1821 г. въ Витебской губерніи, государь предпринялъ путешествіе въ м. Бѣшенковичи, принадлежащее графу Хребтовичу. Здѣсь назначено было собраніе всему гвардейскому корпусу. Государь 12-го сентября 1821 года выѣхалъ изъ Царскаго [1]) и 16-го сентября прибылъ на ночлегъ въ Бѣшенковичи. Погода не совсѣмъ благопріятствовала путешествію,—а притомъ государь былъ недоволенъ въ дорогѣ новою коляскою, сдѣланною, впрочемъ, со всѣми удобностями для пу-

---

[1]) Императоръ, и зимою, жилъ въ Царскомъ Селѣ на половину, такъ что одну недѣлю въ Петербургѣ, а другую проводилъ въ Царскомъ, куда и министры призывались съ докладами; а потому и зимою въ Царскомъ Селѣ при государѣ всегда находился я. Уединенная жизнь въ Царскомъ доставляла мнѣ возможность заниматься чтеніемъ, для чего императоръ разрѣшилъ мнѣ брать книги изъ библіотеки Лицея, купленной имъ у Петра Ивановича Лагарпа. Д. Т.

тешествій. Она была тряска и не такъ покойна, какъ прежняя его коляска. Къ несчастію, въ одну темную ночь, несмотря на освѣщеніе факелами, кучеръ Илья Ивановъ Байковъ, не могши разсмотрѣть дороги, наѣхалъ колесомъ въ рытвину и сдѣлалъ такой толчокъ, что государь, дремавшій въ то время въ закрытой коляскѣ, подскочилъ такъ сильно вверхъ, что получилъ довольно сильный ушибъ въ голову съ небольшою царапиною въ кожѣ, несмотря на то, что на немъ была фуражка.

Государь дѣлалъ смотръ всему корпусу и большіе маневры и, повидимому, остался всѣмъ доволенъ. Въ заключеніе гвардейскій корпусъ давалъ богатѣйшій обѣдъ его величеству въ полѣ послѣ маневровъ. Для этого устроена была великолѣпнѣйшая галлерея на берегу Двины и украшена изящнѣйшимъ образомъ всѣхъ родовъ оружіями. Столы накрыты были на 1,200 кувертовъ, и притомъ такъ, что всѣ гости обращены были лицомъ къ государю, сидѣвшему въ центрѣ за особымъ столомъ, со всѣми своими тремя августѣйшими братьями, командующимъ корпусомъ и генералъ-адъютантами. Надъ главою государя возвышалось лучистое сіяніе, съ неподражаемымъ искусствомъ устроенное изъ штыковъ, сабель и другихъ оружій. При произнесеніи тоста за здоровье государя императора, по данному сигналу, сдѣланъ весьма удачно залпъ изъ всѣхъ бывшихъ на маневрахъ орудій и ружей. Залпъ этотъ неописанно былъ торжественъ и до такой степени громокъ, что, казалось, застонала земля и потряслась. Залпъ этотъ повторился при произнесеніи государемъ тоста за здоровье гвардейскаго корпуса,—но уже не такъ удачно, какъ первый.

По всему казалось, что государь остался гвардейскимъ корпусомъ доволенъ, и всѣ надѣялись, что разрѣ-

шено будетъ возвращеніе гвардіи въ столицу; несмотря, однако же, на все это, весь корпусъ оставленъ былъ зимовать въ Витебской и Виленской губерніи.

25-го сентября государь возвратился въ Царское Село.

Съ открытіемъ весны (1822 г.) назначено было высочайшее путешествіе въ Вильну, для смотра гвардейскаго корпуса. Мая 15-го дня, въ 7 часовъ утра, государь выѣхалъ изъ Царскаго, а 20-го мая прибылъ на ночлегъ въ Вильну, гдѣ весь корпусъ былъ давно собранъ, подъ командою уже генералъ-адъютанта Уварова, поступившаго на мѣсто генералъ-адъютанта Васильчикова. Бригадными командирами были тогда великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ.

На смотръ гвардейскаго корпуса прибылъ изъ Варшавы и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Парадъ былъ блистательный, а равно и маневры происходили очень удачно. Государь остался очень доволенъ войсками.

Изъ Бѣлостока, распростясь съ цесаревичемъ, государь возвратился въ Вильну, гдѣ ночевавъ 28-го мая, отправился въ обратный путь чрезъ Динабургъ и Псковъ въ Царское Село, куда и прибылъ на ночлегъ 3-го іюня.

Въ Динабургѣ баронетъ Вилліе получилъ повелѣніе осмотрѣть тамошній военный госпиталь, который при подробномъ осмотрѣ найденъ былъ имъ въ неисправномъ положеніи, особенно по части медицинской. Главный докторъ, французъ (не припомню его имени), не зналъ своего дѣла. Изъ ординаторовъ въ палатахъ штабъ-лекаря Гайтанникова найдены неправильныя ординаціи, доказывающія незнаніе ни химическихъ, ни фармацевтическихъ правилъ. По докладу о семъ его величеству, г. Гайтанниковъ былъ разжалованъ въ лекаря и отправ-

ленъ въ Петербургъ въ военный госпиталь, для слушанія лекцій въ академическихъ клиникахъ [1]).

Нельзя не упомянуть, при путешествіяхъ по бѣлорусскому тракту, о селѣ Романшинѣ, которое, въ 10-ти верстахъ отъ гор. Луги, въ сторонѣ отъ большой дороги, расположено на довольно пріятномъ мѣстѣ и принадлежало тогда маркизу де-Траверсе, бывшему морскому министру [2]). Маркизъ постоянно тамъ жилъ съ своею дочерью—фрейлиною. Онъ всегда встрѣчалъ императора въ полномъ мундирѣ и андреевской лентѣ,— и государь, во всѣхъ путешествіяхъ, почти ни разу не миновалъ Романшины, отправляясь и возвращаясь изъ путешествій по бѣлорусскому тракту. Государю село Романшино нравилось, какъ по мѣстоположенію своему, на коемъ съ особеннымъ искусствомъ раскинутъ садъ и паркъ, при скромномъ деревянномъ домѣ, въ коемъ, несмотря на наружную его скромность, сосредоточены всевозможныя удобства жизни, по особливому радушію и добротѣ маститаго маркиза. При домѣ, въ особенномъ флигелѣ, устроены были квартиры, со всѣми удобствами, для всѣхъ особъ, составляющихъ свиту его величества. Однажды, когда я, по обязанности, имѣлъ счастіе въ Романшинѣ быть у государя въ кабинетѣ, его величество спросилъ меня, доволенъ ли я ночлегомъ, и на утвердительный отвѣтъ мой отозвался съ видомъ удовлетворенія: «Домъ хозяина я ни съ чѣмъ не могу сравнить, какъ

[1]) Г. Гайтанниковъ, въ званіи лекаря, слишкомъ годъ слушалъ лекціи въ академическихъ клиникахъ; послѣ ему возвращено штабъ-лекарское званіе, съ назначеніемъ старшимъ врачомъ артиллерійской бригады въ арміи. Д. Т.

[2]) Траверсе, Иванъ Ивановичъ, маркизъ, адмиралъ, членъ государственнаго совѣта (1754—1836). Какъ морской министръ, онъ отличался бездѣятельностью. По его титулу, часть Финскаго залива отъ Петербурга до Кронштадта названа была Маркизовой лужей.

съ отличнымъ искусствомъ и разсчетливостію устроеннымъ линейнымъ кораблемъ. Здѣсь ничего не забыто для удобства, или—какъ говорятъ англичане—для комфорта».

Въ концѣ іюля объявлено высочайшее повелѣніе о приготовленіяхъ къ путешествію. Подобныя повелѣнія всегда объявлялись секретно, и до самаго выѣзда изъ Царскаго Села почти никогда не объявлялось, куда государь намѣренъ ѣхать.

Въ первыхъ числахъ августа, съ довольно большою свитою, государь отправился въ Варшаву прямо по бѣлорусскому тракту.

Въ Варшавѣ государь пробылъ 8 дней. Большая часть этого времени употреблена была на смотръ войскъ русскихъ и польскихъ, на маневры и разныя частныя ученья различныхъ частей войскъ.

Изъ Варшавы путешествіе продолжалось чрезъ Троппау, Брюнъ, Ольмюцъ до Вѣны. Здѣсь воспріялъ свое начало конгрессъ Веронскій; въ продолженіе трехъ недѣль происходили дипломатическія конференціи.

Я воспользовался случаемъ осмотрѣть загородные императорскіе дворцы въ Лаксембургѣ и Шенбрюнѣ, съ ихъ обширными парками и звѣринцами. Въ Шенбрюнѣ въ то время жилъ сынъ Наполеона [1]), съ матерью—герцогинею Пармскою, котораго я видѣлъ прогуливающимся въ паркѣ съ своимъ гувернеромъ. Онъ былъ лѣтъ 12-ти мальчикъ, благовидной наружности; въ чертахъ его отражалось нѣчто напоминающее о его знаменитомъ отцѣ. Онъ былъ свѣжъ и довольно живъ и при-

---

[1]) Герцогъ Рейхштадтскій (Duc de Reichstadt) коварною политикою Австріи, сколько было извѣстно, принесенъ въ жертву дипломатическимъ разсчетамъ. Онъ умеръ лѣтъ 18-ти отъ физическаго истощенія, пріобрѣтеннаго распутною жизнію, при любовной связи съ знаменитою танцоркою Фанни Эйслеръ, бывшею впослѣдствіи на нашей сценѣ.

томъ прочнаго тѣлосложенія, которое отклоняло всякую мысль о столь преждевременной его кончинѣ...

Во время пребыванія государя, въ Зальцбургѣ показывалась за деньги великанша-дѣвица изъ Богеміи, 22-хъ лѣтъ, огромнѣйшаго роста и размѣровъ и необыкновенной силы. Она была весьма хорошо и пропорціонально сложена и имѣла довольно пріятныя черты лица. Государю угодно было видѣть ее. Во дворецъ ее привезли въ каретѣ съ ея роднымъ братомъ, который былъ лѣтъ около 30-ти, а росту ниже былъ средняго,—тогда какъ младшая сестра его была 2 арш. 15 вершковъ.

Императоръ принялъ ее милостиво, и предложилъ ей, если она пожелаетъ пріѣхать въ Россію, то онъ ей найдетъ хорошаго жениха изъ своей гвардіи. Послѣ того государь приказалъ кн. Волконскому подарить ей 50 червонцевъ. Получивъ ихъ, великанша, въ присутсвіи его величества, сказала, что она очень довольна и этимъ,—но отъ такого императора, каковъ Александръ, она желала бы имѣть такой подарокъ, который она намѣрена сохранить во всю свою жизнь. Государь приказалъ князю тотчасъ подать какую-нибудь изъ брилліантовыхъ вещей. На этотъ разъ изъ вещей не было ни одной дешевле 3,000 р. асс.; такимъ образомъ, сверхъ 50-ти червонцевъ, эта великанша получила отъ императора фермуаръ слишкомъ въ 3,000 руб. асс. Князь Волконскій очень былъ недоволенъ этою вынужденною щедростію для простой богемки.

Послѣ свиданія съ баварскимъ королемъ въ Тегернзее, государь 28-го сентября прибылъ на ночлегъ въ гор. Раттенбергъ, въ Тиролѣ. Жители этого города встрѣтили императора съ восторгомъ и разными ихъ восклицаніями. Когда государь вошелъ въ назначенный ему домъ, всѣ граждане, составивъ военный отрядъ, съ знаменами и ружьями проходили парадно мимо

этого дома. Государь вышелъ на балконъ и благодарилъ жителей. Послѣ того, члены магистрата испросили позволеніе представиться императору съ начальникомъ города и цеховымъ. Наконецъ представлялись значительныя дамы и дѣвицы лучшихъ фамилій въ національныхъ костюмахъ. Нѣсколько дѣвицъ, при представленіи государю, составили хоръ и пропѣли нѣсколько тирольскихъ своихъ пѣсенъ.

Во время пребыванія государя въ Инсбрукѣ была открыта гимназія для стрѣльбы въ цѣль. Для состязанія туда собрались всѣ наилучшіе стрѣлки изъ всего Тироля. На сей конецъ отъ правительства назначены были различные и значительные призы, которые выдавались въ награду тѣмъ изъ стрѣлковъ, которые могли выполнить всѣ условія, въ программѣ изложенныя. Государь самъ стрѣлялъ въ цѣль и получилъ призъ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ главнымъ докторомъ города, который показалъ мнѣ городской госпиталь и особенное отдѣленіе, гдѣ содержатся кретины или идіоты (cretins). Меня крайне удивило то, что рѣдкая изъ женщинъ Инсбрука не имѣла, въ большей или меньшей степени, зобъ, который у нѣкоторыхъ былъ необыкновенной величины. На вопросъ мой о причинѣ этого патологическаго явленія, которое, очевидно, было эндемическое, докторъ не далъ мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Во время пребыванія государя окрестныя горы Инсбрука ночью были иллюминованы смолевыми бочками.

Изъ Инсбрука государь выѣхалъ по тракту на Бриксенъ. 2-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ городъ Ботценъ. Нигдѣ по Тиролю, развѣ кромѣ Раттенберга, народонаселеніе не встрѣчало императора съ такимъ восторгомъ, какъ въ Ботценѣ. Крики и восклицанія не имѣли конца; государь неоднократно долженъ

былъ выходить на балконъ, чтобы благодарить и умѣрить восторгъ жителей, кои наполняли всю площадь.

4-го октября государь прибылъ въ Верону, гдѣ для его величества было приготовлено помѣщеніе на главномъ проспектѣ въ великолѣпномъ замкѣ маркиза ди-Каносса, расположенномъ на самомъ берегу рѣки Адижа. Въ самомъ замкѣ, вмѣстѣ съ государемъ, помѣщались: князь Волконскій съ семействомъ, князь Меншиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба его величества и съ чиновниками, ее составляющими, и походная церковь.

Къ прибытію нашего императора, на этотъ знаменитый конгрессъ съѣхались министры всѣхъ державъ съ своими дипломатическими чиновниками; императоръ австрійскій и король прусскій также находились уже въ Веронѣ. На другой же день былъ смотръ австрійскимъ войскамъ и парадный разводъ, на коихъ присутствовалъ нашъ императоръ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ.

Изъ достопримѣчательностей Вероны вниманіе государя обратили на себя арена или амфитеатръ, остатокъ римскаго зодчества. Императору было любопытно знать, сколько можетъ помѣститься народу въ этой аренѣ. На этотъ конецъ, по повелѣнію императора австрійскаго, назначена была карусель и безденежная лоттерея, коей билеты раздавались даромъ, для привлеченія зрителей. Всего собралось 64,000 человѣкъ, которые размѣщены были по уступамъ довольно просторно, такъ что могло бы помѣститься еще до 6,000 человѣкъ. Слѣдовательно, внутренность арены можетъ вмѣщать до 70,000 человѣкъ, кромѣ дѣйствующихъ на сценѣ.

Во все время конгресса въ Веронѣ, по распоряженію австрійскаго императора, была итальянская опера, труппа коей была составлена изъ лучшихъ пѣвцовъ

Италіи. Изъ нихъ замѣчательнѣйшіе были: Велюти, знаменитѣйшій того времени пѣвецъ во всей Италіи—голосъ его высокое сопрано,—онъ изъ капеллы папы...; по немъ Гравелли, Галли—баритоны; пѣвицы: Този, Моренъ. Во время конгресса была въ Веронѣ извѣстная Россіи г-жа Каталани; но она ни разу не пѣла публично, а очень часто пѣвала въ квартирѣ князя П. М. Волконскаго, гдѣ нерѣдко слушалъ ее и государь императоръ. Въ то же время въ Веронѣ былъ и знаменитый композиторъ Россини, который неоднократно, въ присутствіи монарховъ, самъ управлялъ оркестромъ. Всѣ чиновники, принадлежащіе къ свитѣ россійскаго императора, имѣли ложи и кресла на оперу даромъ.

Въ Веронѣ въ это время была замѣчательная конская скачка, какой мнѣ болѣе нигдѣ не случалось видѣть. Ипподромъ былъ устроенъ въ видѣ галлереи, по которой было пущено до 12-ти лошадей ломбардской породы безъ всадниковъ, изукрашенныхъ разными фантастическими знаками, прикрѣпленными къ сбруѣ конской рыцарскихъ временъ, но такъ что на этой сбруѣ, особенно около крупа и заднихъ ногъ лошадей, были придѣланы въ большомъ количествѣ желѣзныя колючки, которыя тѣмъ болѣе кололи лошадь, чѣмъ она болѣе силилась бѣжать быстрѣе. Эта скачка была очень забавна и смѣшна для зрителей,—но вовсе не занимательна. Скакавшія лошади были мелкой породы и самаго простого склада. На этой скачкѣ присутствовали всѣ вѣнчанныя особы.

Въ Веронѣ насъ застигла, въ концѣ ноября, такая зима, что морозъ доходилъ до 10 градусовъ по Р. Насъ, русскихъ, упрекали за то, что будто мы завезли съ собою въ Италію свою зиму. Не менѣе того однако-жъ итальянская зима вынудила насъ принять противъ нея русскія мѣры. Мы надѣли свои шубы и принялись то-

пить въ комнатахъ камины, что впрочемъ мало защищало отъ холода, особенно потому, что въ Веронѣ топливо продается на вѣсъ.

Въ Веронѣ, между благотворительными заведеніями, есть городской госпиталь, гдѣ призрѣваются больные жители города и окрестныхъ селеній.

Между разными болѣзнями, самая значительная намъ представилась Pellagra, которую мы видѣли здѣсь во всѣхъ степеняхъ и видахъ, какъ удостовѣрилъ сопровождавшій насъ по госпиталю медикъ. Это есть эндемическая болѣзнь, постоянно почти существующая на берегахъ рѣки По. Она состоитъ изъ слѣдующихъ объективныхъ признаковъ: видъ больного блѣдный, очень близкій къ цынготному; общее разслабленіе и неохота къ движенію, равнодушіе ко всему окружающему; начальный видъ болѣзни обнаруживается сыпью по всему тѣлу, а особенно на конечностяхъ и груди, имѣющею видъ петехій. Въ дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, на мѣстахъ, покрытыхъ сыпью, начинается слущиваніе (derquammatici), которое на конечностяхъ почти не оканчивается до крайняго истощенія организма. Болѣзнь эта трудно излечивается. Болѣе надежнымъ средствомъ признается перемѣна мѣста жительства. Такихъ больныхъ въ госпиталѣ было до 20-ти.

Мы осматривали этотъ госпиталь съ баронетомъ Вилліе, который о положеніи онаго довелъ до свѣдѣнія государя императора и представилъ его величеству разность, какая существуетъ между подобными заведеніями въ Россіи и Австріи. По этому случаю баронетъ Вилліе поручилъ мнѣ составить подробное описаніе положенія веронскаго госпиталя, которое онъ послалъ къ лейбъ-медику Рюлю и просилъ его довести о томъ до свѣдѣнія императрицы Маріи Өеодоровны. Описаніе это мною составлено было въ видѣ картины, довольно

удачно, такъ что баронетъ Виллiе показывалъ оное нѣкоторымъ нашимъ дипломатамъ [1]).

Въ день выѣзда морозъ былъ до 8° по Р., а къ вечеру усилился до 16°, съ страшною вьюгою. Доѣхавши до Падуи вечеромъ, мы едва отогрѣлись своимъ русскимъ чаемъ. По причинѣ сильной вьюги и мороза, его величеству для ночлега назначенъ былъ загородный дворецъ, теплый и устроенный съ роскошью и со всевозможными удобствами и хозяйственными принадлежностями. Во дворцѣ этомъ всегда останавливался и любилъ проводить время Наполеонъ, во время своихъ завоеванiй въ этомъ краю. Я прiѣхалъ въ этотъ дворецъ за полночь, съ большимъ затрудненiемъ и не безъ опасности отъ вьюги и итальянскаго мороза. Писаря и экипажные служители до того перезябли, что нѣкоторые поморозили пальцы на рукахъ и ногахъ.

На другой день утро было прекрасное; солнце взошло во всемъ блескѣ, горизонтъ былъ совершенно чистъ и морозъ понизился почти до точки замерзанiя. Государь изволилъ встать въ 7-мъ часу и отправился пѣшкомъ гулять въ паркъ, превосходно раскинутый вокругъ дворца на очаровательномъ мѣстоположенiи. Слышно было, что будто бы Наполеонъ назначалъ это мѣсто для своей резиденцiи весною и лѣтомъ.

Въ Венецiю мы прибыли 4-го декабря; на другой день, 5-го декабря, было великолѣпное представленiе всѣхъ властей и сословiй нашему императору и большой обѣденный столъ у императора австрiйскаго, а ве-

---

[1]) Князь А. М. Горчаковъ, старшiй тогда секретарь посольства, впослѣдствiи министръ иностранныхъ дѣлъ, прочитавъ мое описанiе, отозвался: «Что онъ почелъ бы себя очень счастливымъ, если бы могъ такъ владѣть русскимъ языкомъ и такимъ даромъ изложенiя»... Очень жаль, что я не сохранилъ для себя эту замѣчательную статью.

Д. Т.

черомъ большой спектакль на театрѣ Фениче. Дана была опера «Il matrimonio secreto», на коей дебютировалъ въ первый разъ знаменитый впослѣдствіи, столь извѣстный петербургской публикѣ баритонъ Тамбурини. Театръ Фениче есть наибольшій во всей Италіи, кромѣ миланскаго и неаполитанскаго, и устроенъ такъ, что стѣна его за сценою можетъ быть открыта въ большой каналъ, что, какъ меня увѣряли, и дѣлается во время венеціанскаго празднества, называемаго Regata; тогда сцена представляется на водѣ. Всѣ царствующія особы присутствовали въ театрѣ съ своими свитами. Весь залъ и даже сцена освѣщены были толстыми восковыми свѣчами, что, впрочемъ, производило непріятную копоть, не дѣлая надлежащаго блеска.

6-го декабря нашъ императоръ слушалъ литургію въ греческомъ монастырѣ, на коей велѣно было находиться всей россійской свитѣ. Настоятель обители, епископъ греческій, и все монашество встрѣтили императора при входѣ въ монастырь со всѣмъ церковнымъ великолѣпіемъ. Послѣ обѣдни, государь съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности Венеціи, коими она чрезвычайно богата; ибо въ ней почти все доселѣ уцѣлѣло, со временъ дожей.

Во время посѣщенія академіи художествъ императорами случилось быть и мнѣ. Въ ней самое знаменитое художественное произведеніе составляетъ огромная картина Тиціана, представляющая Вознесеніе Божіей Матери на небо. Императоръ нашъ долго разсматривалъ эту картину и потомъ, обратясь къ императору австрійскому, сказалъ:

— Вы имѣете единственную и превосходную во всемъ мірѣ картину.

Она и дѣйствительно такова. Въ то время ей было

уже около 500 лѣтъ; но колоритъ ея такъярокъ и свѣжъ, что она кажется только что оконченнымъ произведеніемъ художника. Что же касается до самаго сочиненія картины и выраженія всѣхъ лицъ, то все это съ перваго взгляда поражаетъ зрителя... Вообще венеціанская академія есть одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ всякаго рода художественными произведеніями.

8-го декабря на площади св. Марка была великолѣпная иллюминація, посредствомъ люстръ, повѣшенныхъ на стѣнахъ, окружающихъ площадь зданій въ три яруса, въ коихъ горѣли большія восковыя свѣчи; купола же всѣ св. Марка, башни и кровли дворцовъ иллюминованы были разноцвѣтными фонарями. Площадь эта была превращена въ огромнѣйшій великолѣпный залъ, гдѣ венеціане давали балъ монархамъ Европы. Дѣйствительно, они всѣ здѣсь прохаживались съ многочисленною публикою.

Мы оставили этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ, и тѣмъ же путемъ, т.-е. моремъ, на императорскихъ гондолахъ, прибыли въ Местро, гдѣ оставались наши экипажи. Уложившись въ нихъ снова по дорожному, императоръ нашъ, распростясь съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, отправился чрезъ Тревизу, Бассано, на тирольскую дорогу, по коей мы ѣхали въ Верону. Въ Бриксенѣ, 12-го декабря, государь слушалъ обѣдню. Это былъ день его рожденія. Къ этому дню приготовлена была въ Бриксенѣ заблаговременно походная церковь, направленная туда прямо изъ Вероны, а равно и духовникъ его величества съ пѣвчими. Государь, послѣ литургіи, принималъ поздравленія и былъ особенно благосклоненъ.

14-го декабря, рано по утру, я получилъ чрезъ князя Волконскаго высочайшее повелѣніе слѣдовать за его величествомъ въ Баварію, въ городъ Миттен-

вальдъ. Государю угодно было взять съ собою въ это короткое путешествіе князя Волконскаго, генерала Константина Бенкендорфа [1]), дожидавшаго прибытія государя въ Инсбрукѣ, меня, на мѣсто своего лейбъ-медика, и камердинера Анисимова. Прочіе свитскіе всѣ оставались въ Инсбрукѣ.

Въ Миттенвальдъ мы пріѣхали къ обѣду, въ часу 4-мъ пополудни. Государь остановился въ деревянномъ 2-хъ-этажномъ домѣ, насупротивъ коего былъ каменный 2-хъ-этажный, самый лучшій въ городѣ домъ, который занималъ герцогъ виртембергскій со своимъ семействомъ. По прибытіи, государь тотчасъ послалъ къ нему генерала Бенкендорфа извѣстить о своемъ прибытіи; вскорѣ затѣмъ герцогъ самъ въ полномъ мундирѣ прибылъ въ квартиру государя, чтобы представиться его величеству. Герцогъ пробылъ у государя съ полчаса и потомъ они оба пошли въ домъ, занимаемый герцогомъ и его фамиліею. Государь и князь Волконскій обѣдали у герцога, а мнѣ генералъ Бенкендорфъ приказалъ принести обѣдъ съ кухни герцога въ квартиру государя, въ коей мнѣ была отведена комната рядомъ съ комнатою князя Волконскаго, которая могла помѣщать математически не болѣе одного человѣка. Замѣтить слѣдуетъ, что я совсѣмъ не зналъ, зачѣмъ государь изволилъ прибыть въ этотъ Миттенвальдъ. На другой день, князь Волконскій объявилъ мнѣ, чтобъ къ столу я приходилъ въ домъ герцога въ мундирѣ. Выполненіе этого

---

[1]) Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи посланникъ при виртембергскомъ дворѣ. Старшій братъ его, Александръ Христофоровичъ, также генералъ-адъютантъ, былъ при Николаѣ I; шефомъ жандармовъ. Оба они были сыновьями подруги дѣтства императрицы Маріи Θеодоровны, Юліаны Бенкендорфъ, рожденной Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, и пользовались чрезвычайной милостію императорской фамиліи.

приглашенія поставляло меня въ немалое затрудненіе, ибо я могъ объясняться хорошо только съ княземъ Петромъ Михайловичемъ и генераломъ Бенкендорфомъ; всѣ же свитскіе герцога нѣмцы и говорили только исключительно на своемъ языкѣ. Я къ обѣду пришелъ нарочно пораньше, чтобъ поосмотрѣться напередъ и замѣтить новыя лица. Въ залѣ пріемномъ я нашелъ генерала Бенкендорфа, двухъ адъютантовъ герцога и чиновника его, и тутъ же дожидался чего-то камердинеръ государя Анисимовъ.

Раскланявшись со всѣми, я обратился къ г. Бенкендорфу, какъ къ знакомому, съ коимъ у насъ раскрылась матерія къ приличному разговору. Но императоръ потребовалъ моего собесѣдника, и я остался съ послѣднимъ знакомымъ, камердинеромъ Анисимовымъ. Говоря съ нимъ, я замѣтилъ, что премилая и очень красивая дѣвочка, лѣтъ 14-ти, часто отворяетъ понемногу дверь въ пріемный залъ и, заглянувъ на насъ, тотчасъ затворяетъ оную съ особенною улыбкою. Она привлекла на себя особенное мое вниманіе, такъ что я спросилъ Анисимова:

— Чья эта милая дѣвица, вѣрно дочь хозяина дома?

— Какъ! Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ,—это невѣста нашего великаго князя Михаила Павловича, которую государь пріѣхалъ сюда видѣть и познакомиться съ нею и ея отцомъ.

Такъ точно и было. Государь, предназначивъ эту принцессу въ невѣсты своему брату, изволилъ окончательно о томъ постановить, по соглашеніи съ ея родителемъ. Въ 1824 году, эту самую, казавшуюся мнѣ ребенкомъ, принцессу въ Зимнемъ дворцѣ я имѣлъ счастіе нерѣдко видать у императора, къ коему всегда представляла ее императрица Елисавета Алексѣевна,

развернувшеюся въ полномъ блескѣ красоты и образованности... [1]).

Въ мѣстечкѣ Пильзенъ, въ Богеміи, государя ожидала его сестра Марія Павловна со всѣмъ ея семействомъ, т.-е. съ своимъ супругомъ и обѣими прелестными ея дочерьми. Въ Пильзенъ государь прибылъ 21-го декабря вечеромъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ ея высочествомъ. Нельзя было безъ чувства умиленія видѣть, до какой степени государь любилъ сестру свою и дѣтей ея. Старшей дочери Маріи Павловны въ то время было не болѣе 14, а меньшой лѣтъ 12-ти. Впослѣдствіи обѣ дочери Маріи Павловны сдѣлались женами прусскихъ принцевъ, родныхъ братьевъ нашей императрицы Александры Θеодоровны.

20-го января (1823 г.) государь прибылъ на ночлегъ въ свое Царское Село, а свитѣ повелѣно было отправиться прямо въ Петербургъ. Итакъ, окончилось благополучно послѣднее заграничное на конгрессъ путешествіе его величества.

---

[1]) Принцесса виртембергская Фредерика-Шарлотта-Марія, дочь герцога Виртембергскаго Павла, вступила въ супружество съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ 1823 г. и была наречена великой княгиней Еленой Павловной (род. 1806 г., ум. 1873 г.). Въ Россіи великая княгиня Елена Павловна впослѣдствіи прославилась своею широкою просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью.

IV.

Путешествіе императора Александра по Россіи въ 1823 г.—Тихвинъ, Ярославль, Ростовъ, Москва, Орелъ, Брянскъ, Заселье.—Маневры у Брестъ-Литовска.—Поѣздка по Бессарабіи.—Смотръ 2-й арміи у Тульчина.—Несчастный случай съ Вилліе и Тарасовымъ.—Болѣзнь Вилліе и леченіе его Тарасовымъ въ Новомиргородѣ.—Возвращеніе Виллiе и Тарасова въ Петербургъ.—Награда государя Тарасову и бесѣда съ нимъ Аракчеева.

Въ началѣ августа (1823 г.), послѣ маневровъ гвардейскаго корпуса, при дворѣ стало извѣстно, что государь скоро отправится въ путешествіе по Россіи и, можетъ быть, въ Царство Польское.

16-го августа, въ 8 часовъ утра, государь выѣхалъ изъ Царскаго въ Павловское, чтобъ проститься съ своею августѣйшею матерью и братьями,—а свитѣ, въ томъ числѣ и мнѣ, приказано было ѣхать прямо въ Ижору и дожидаться тамъ возвращенія его величества изъ Павловска. Государь не замедлилъ прибыть въ Ижору и направилъ свое путешествіе въ Новую Ладогу, гдѣ и былъ первый ночлегъ. 17-го августа ночлегъ былъ въ городѣ Тихвинѣ, гдѣ государь на другой день по утру былъ въ женскомъ монастырѣ, находящемся въ самомъ городѣ. Въ этой древней обители на всемъ видны порядокъ, устройство и опрятность. Настоятельница обители, почтенной наружности и замѣтной образованности, приняла его величество при духовномъ причтѣ,

съ подобающимъ приличіемъ, при вратахъ обители. Государь, приложась ко св. кресту и принявъ благословеніе отъ священника [1]), шествовалъ въ церковь, гдѣ о его здравіи совершено было краткое молебствіе, и, приложась къ св. иконамъ, принялъ поднесенную настоятельницею икону Тихвинскія Божія Матери.

Изъ Тихвина чрезъ Мологу и Рыбинскъ государь путешествовалъ въ Ярославль, куда и прибылъ на ночлегъ 20-го августа. Нельзя умолчать объ отличномъ устройствѣ дороги по Ярославской губерніи. Бывшій въ то время начальникомъ губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ довелъ дорогу до такой степени совершенства, что ее можно почесть за бульваръ для прогулки. По этому распоряженію нельзя было не замѣтить, что г. Безобразовъ былъ тонкій дипломатъ и мастеръ своего дѣла. Онъ хорошо зналъ, какую имѣетъ важность во всякомъ дѣлѣ первое впечатлѣніе... И успѣлъ въ разсчетѣ. Государь остался вполнѣ довольнымъ какъ Ярославскою губерніею, такъ и начальникомъ ея.

23-го августа, послѣ обѣденнаго стола, государь выѣхалъ изъ Ярославля по тракту въ Москву, и имѣлъ ночлегъ въ городѣ Ростовѣ. По пріѣздѣ, вскорѣ, пѣшкомъ императоръ одинъ изволилъ отправиться въ Дмитріевскій монастырь. Во вратахъ обители былъ встрѣченъ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Иннокентіемъ съ братіею, съ подобающею церемоніею. Вошедъ въ обитель, государь приказалъ затворить ворота и не впускать никого. Часа полтора его величество оста-

[1]) Императоръ имѣлъ обыкновеніе всегда цѣловать руку у священниковъ, какъ прикладываясь къ св. кресту, такъ и принимая отъ нихъ благословеніе, и крайне бывалъ недоволенъ, когда священникъ удалялъ руку свою, изъ уваженія къ высокому сану его величества.

Д. Т.

вался въ обители. Молился при гробницѣ Дмитрія Ростовскаго чудотворца, посѣтилъ въ кельѣ преподобнаго отца Амфилогія [1]) и настоятеля Иннокентія; у перваго государь пробылъ долго, и былъ особенно доволенъ бесѣдою этого старца.

Во время посѣщенія настоятеля обители, сей послѣдній имѣлъ случай объяснить его величеству о своей болѣзни въ ногѣ, коею онъ страдаетъ уже нѣсколько лѣтъ, и что всѣ до того употребляемыя врачебныя средства не принесли ему пользы. Государь, возвратясь въ квартиру, тотчасъ приказалъ лейбъ-медику Виллліе осмотрѣть архимандрита Иннокентія и подать ему необходимый совѣтъ и врачебное пособіе; баронетъ Виллліе взялъ съ собою и меня. Больному пазначены были приличныя врачебныя средства, и нѣкоторыя изъ нихъ даны были изъ собственной его величества дорожной аптеки. Пользующему его медику поручено тщательно наблюдать за больнымъ и о его положеніи ежемѣсячно доносить баронету Виллліе.

24-го августа государь прибылъ ввечеру въ Москву и остановился въ кремлевскомъ дворцѣ. Его величество пробылъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю. Замѣтить должно, что въ это путешествіе въ свитѣ государя находился графъ Аракчеевъ, а начальникомъ главнаго штаба, на мѣсто князя Волконскаго, былъ баронъ Дибичъ. Во

---

[1]) Отецъ Амфилогій, замѣчательная личность между монашествующими. 80-ти-лѣтній старецъ, лишенный употребленія ногъ. Изъ кельи возили его въ телѣжкѣ въ церковь къ гробу св. Дмитрія, при гробницѣ и св. мощахъ коего онъ находился постоянно слишкомъ 20 лѣтъ. Мужъ строгихъ правилъ и святости. Онъ одинъ въ обители раздавалъ нуждающимся пособія и милостыню. Всѣ важныя приношенія обители отдавались ему для раздачи бѣднымъ. Изъ кельи онъ отправлялся всегда съ мѣшкомъ денегъ въ рукахъ, и на пути въ церковь дѣлалъ подаянія стоящимъ по сторонамъ нищимъ. Д. Т.

все время пребыванія въ Москвѣ государь занимался смотромъ собранныхъ подъ Москвою войскъ и маневрами на петровскомъ полѣ, посѣщеніемъ всѣхъ главныхъ заведеній—военнаго госпиталя и городскихъ больницъ. Также былъ на балу въ благородномъ собраніи и посѣтилъ нѣкоторыхъ вельможъ московскихъ,—и московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ, по выѣздѣ изъ Москвы, въ Орлѣ, его величество дѣлалъ смотръ всѣмъ собраннымъ войскамъ и большіе маневры въ окрестностяхъ города Орла; въ день окончанія оныхъ былъ данъ войсками императору обѣдъ, который былъ устроенъ въ палаткѣ, украшенной съ замѣчательнымъ искусствомъ арматурою. На этотъ обѣдъ приглашены были всѣ особы свиты его величества, гражданскіе начальники и дворянство. Государь также осматривалъ всѣ богоугодныя заведенія и военно-временные госпитали, коими остался совершенно доволенъ. Въ то время въ Орлѣ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Солнцевъ, замѣчательный своею опытностью и распорядительностью, а губернія Орловская принадлежала къ тѣмъ пяти губерніямъ, которыя были ввѣрены особенному управленію генералъ-адъютанта Балашова.

7-го сентября, въ 7 часовъ утра государь выѣхалъ изъ Орла по тракту въ городъ Брянскъ, гдѣ имѣлъ ночлегъ, а 8-го сентября осматривалъ издревле устроенное тамъ (со временъ Петра Великаго) артиллерійское заведеніе, для дѣланія лафетовъ и всѣхъ прочихъ деревянныхъ принадлежностей артиллеріи.

9-го сентября, рано по утру, государь выѣхалъ изъ Брянска и прибылъ на ночлегъ Могилевской губерніи на военныя поселенія въ Заселье, гдѣ предварительно

полковникомъ флигель-адъютантомъ Клейнмихелемъ[1]) все было приготовлено къ принятію его величества и для представленія военнаго поселенія, гдѣ были водворены два пѣхотныхъ полка.

Для поселенія выбрано неудачно мѣсто, которое, не касаясь стратегической цѣли, было чрезвычайно дико. Грунтъ земли большею частью песчаный, требующій усиленной обработки и удобренія, чтобъ сдѣлать его плодороднымъ. Но повсюду здѣсь видна твердость воли графа Аракчеева—основателя военныхъ поселеній. Въ короткое время здѣсь воздвигнуты огромныя зданія, въ коихъ помѣщаются штабы полковъ, лазареты и дома для полковыхъ и батальонныхъ командировъ. На воздвигнутыхъ зданіяхъ и на поляхъ виденъ отпечатокъ: «Improbus labor omnia vincit».

17-го сентября, на обширномъ полѣ близъ Бреста-Литовскаго произведенъ былъ его величествомъ общій смотръ или парадъ всѣмъ собраннымъ войскамъ. День былъ ясный и тихій. Всѣ войска были въ отличнѣйшемъ положеніи, какъ русскія, такъ и польскія. Цесаревичъ былъ въ восторгѣ, который онъ не могъ скрывать, что онъ представленіемъ ввѣренныхъ ему войскъ вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ своего августѣйшаго брата. 18-го сентября императоръ занимался частными осмотрами нѣкоторыхъ частей войскъ и разныхъ заведеній въ городѣ, и въ особенности военнаго госпиталя. На 19-е сентября назначены были большіе маневры обѣимъ арміямъ, которые начались въ 6 часовъ утра и продол-

---

[1]) Это былъ креатура Аракчеева, начальникъ штаба военныхъ поселеній Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Особенную силу и значеніе пріобрѣлъ Клейнмихель при Николаѣ I, какъ довѣренное лицо государя, сначала какъ дежурный генералъ, а затѣмъ какъ главноуправляющій путями сообщенія, пожалованный графскимъ титуломъ. Умеръ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи въ 1869 г.

жались до 6 часовъ пополудни. Всѣ эволюціи пѣхоты и кавалеріи, а равно и артиллеріи производимы были съ возможною быстротою и въ отличномъ порядкѣ. Императоръ былъ вполнѣ доволенъ маневрами и многократно благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ цесаревича за отличное состояніе командуемыхъ имъ войскъ.

Къ крайнему прискорбію всѣхъ, во время маневровъ случилось весьма непріятное происшествіе. Во время проѣзда императора по фронту польской кавалеріи, его величество изволилъ потребовать къ себѣ полковника для отданія ему какого-то приказанія. Полковникъ подъѣхалъ къ императору съ правой стороны и выслушалъ приказаніе; но когда поворотилъ лошадь свою вправо, то сія послѣдняя лягнула и подковою задней ноги ударила въ правое берцо (cros) императора. Несмотря на довольно сильный ударъ по такому чувствительному мѣсту, государь не показалъ наружно ни малѣйшаго чувства сильной боли и оставался верхомъ до самаго окончанія маневровъ, нимало не измѣняя своего положенія.

Когда же его величество возвратился съ маневровъ въ квартиру, то тотчасъ потребовалъ баронета Вилліе, который нашелъ правое берцо распухшимъ, такъ что надобно было разрѣзать сапогъ, чтобъ его снять и осмотрѣть ногу. Довольно сильный ушибъ былъ на средней части берца, сбоку берцовой кости, и представлялъ синеватую, довольно замѣтную припухлость безъ поврежденія покрововъ. Тотчасъ приложена была холодная примочка изъ гулардовой воды. Императоръ, снова одѣвшись по походному, немедленно вышелъ къ обѣденному столу, къ коему приглашено было слишкомъ 200 человѣкъ генералъ- и штабъ-офицеровъ обѣихъ армій.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ чрезвычайно былъ встревоженъ этимъ приключеніемъ и уже отдалъ прика-

заніе—строжайше изслѣдовать это обстоятельство, которое, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе заключало въ себѣ важности, что виновникъ онаго былъ полковникъ польской арміи. Но государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ оставить это происшествіе безъ всякаго изслѣдованія, и чтобъ этотъ полковникъ польской кавалеріи отнюдь не былъ признаваемъ виновнымъ въ этомъ происшествіи.

20-го сентября, рано по утру, императоръ выѣхалъ изъ Бреста въ Волынскую губернію и прибылъ на ночлегъ въ городъ Ковель. Во всю дорогу государь ногу держалъ горизонтально съ приложенною примочкою, которую удобно можно было перемѣнять и на дорогѣ. 21-го сентября ночлегъ былъ въ городѣ Острогѣ; боль въ ногѣ начала уменьшаться и государь провелъ ночь спокойно.

Здѣсь государь получилъ донесеніе, что командующій 2-ю арміею графъ Витгенштейнъ [1]), при паденіи съ лошади, вывихнулъ руку въ плечѣ. Его величество повелѣлъ лейбъ-медику Вилліе немедленно отправиться въ м. Тульчинъ для поданія ему помощи, а больную ногу императора повелѣно осмотрѣть и лечить мнѣ. Изъ города Проскурова, гдѣ былъ ночлегъ 22-го сентября, баронетъ Вилліе отдѣлился отъ свиты его величества и поѣхалъ прямо къ графу Витгенштейну. 23-го сентября поутру я явился въ квартиру императора для осмотра его ушибленной ноги, но его величество чрезъ своего камердинера Анисимова приказалъ объявить мнѣ: «что онъ спалъ очень хорошо, ногѣ его лучше и что прикладываемая примочка дѣлаетъ свое дѣло успѣшно».

[1]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ (1768—1843), фельдмаршалъ, извѣстный герой Отечественной войны. Въ это время онъ командовалъ 2-ю арміею, главная квартира которой находилась въ мѣстечкѣ Тульчинѣ.

Вскорѣ затѣмъ выѣхалъ въ Подольскую губернію, а мнѣ повелѣно было осмотрѣть въ Проскуровѣ полковой лазаретъ, что я и выполнилъ, по выѣздѣ императора.

Чрезъ Каменецъ-Подольскъ государь прибылъ въ Хотинъ. Государь отобѣдалъ одинъ и поспѣшилъ отправиться на австрійскую границу въ м. Черновицы, гдѣ ожидалъ его величество императоръ австрійскій. Государь пробылъ въ Черновицахъ 25-го и 26-го сентября. Съ императоромъ въ Черновицы отправился одинъ начальникъ штаба, баронъ Дибичъ, всѣ же прочія особы свиты его величества оставались въ Хотинѣ до возвращенія государя.

26-го сентября, послѣ завтрака, съ М. М. Брискорномъ и А. Г. Вилламовымъ [1]) я отправился для осмотра окрестностей Хотина. За шлагбаумомъ города мы увидѣли небольшіе холмы, расположенные въ нѣкоторомъ порядкѣ и немного возвышающіеся надъ горизонтомъ земли. Подойдя къ нимъ, мы узнали, что это землянки, въ коихъ живутъ крѣпостные гарнизонные солдаты женатые и составляютъ такъ называемую Арсенальную слободу.

Увлеченные любопытствомъ, мы вошли въ одну изъ этихъ землянокъ, которая наиболѣе обращала наше вниманіе. Мы сошли узкимъ проходомъ въ это подземелье, въ которое проникалъ очень слабый свѣтъ, который, впрочемъ, далъ намъ возможность разсмотрѣть расположеніе этого жилища. Направо мы увидѣли хлѣвъ, въ коемъ была одна корова и одна свинья; встрѣтившая насъ хозяйка занималась кормленіемъ этихъ ея животныхъ. Она была женщина лѣтъ 40, опрятно одѣта,

---

[1]) Брискорнъ, Максимъ Максимовичъ, и Вилламовъ, Артемій Григорьевичъ,—свитскіе офицеры.

привѣтлива и довольно расторопна; она предложила намъ войти налѣво въ ея комнату, чисто содержанную, выкрашенную бѣлою краскою и освѣщаемую однимъ небольшимъ окномъ, устроеннымъ вверху близъ потолка. Вся мебель состояла изъ стола и двухъ скамеекъ; двое ея ребятишекъ испугались нашего присутствія и начали плакать: мать скоро ихъ успокоила и предложила намъ присѣсть, спросивъ, не угодно ли намъ молока? Поблагодаривъ ее за предложеніе, мы разспрашивали ее о разныхъ предметахъ, до ея жизни относящихся, и она вполнѣ удовлетворяла наши всѣ вопросы. Мужъ ея, гарнизонный унтеръ-офицеръ, въ то время былъ на службѣ въ крѣпости. Между прочимъ, мы спросили, чего стоитъ ея домъ?—«По крайней мѣрѣ червонецъ,—отвѣчала она,— и то это потому, что мужъ ея, большею частію, самъ занимался постройкою онаго». Шутя мы спросили, не продастъ ли она его намъ?—«Если вамъ угодно, извольте»,—отвѣчала она, улыбаясь. Мы тотчасъ дали ей червонецъ и сказали:—«Съ этого времени домъ принадлежитъ намъ; а она съ мужемъ и дѣтьми можетъ въ немъ жить и управлять имъ, впредь до нашего востребованія». Но домъ долженъ быть записанъ, гдѣ слѣдуетъ, на наше имя, для чего мы ей оставили записку о нашихъ именахъ. Она учтиво поклонилась и благодарила насъ, сказавъ, что она все это передастъ своему мужу, который выполнитъ это въ точности. Такимъ образомъ, мы доселѣ считаемся хозяевами дома въ городѣ Хотинѣ...

26-го сентября, поздно вечеромъ, государь возвратился изъ Черновицъ благополучно и совершенно здоровымъ, такъ что не призналъ нужнымъ показывать мнѣ свою ушибленную ногу, на боль въ коей болѣе не жаловался.

27-го сентября, рано по утру, государь выѣхалъ по

тракту въ Бессарабію, по правому берегу Днѣстра, изъ коей переправился чрезъ Днѣстръ въ Могилевъ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ въ домѣ негоціанта-еврея, самаго богатаго въ Могилевѣ. Замѣчательно, что этотъ домъ совсѣмъ не похожъ на домъ еврейскій. Онъ изящной архитектуры, внутри расположенъ со всѣми удобностями въ роскошномъ видѣ; внутренняя отдѣлка и мебель лучшаго вкуса. А всего замѣчательнѣе то, что всѣ члены этого еврейскаго семейства чрезвычайно красивой наружности, особенно женщины совершенныя красавицы. Онѣ представлялись императору въ богатыхъ своихъ нарядахъ и всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ, и, какъ замѣтно, имѣли нѣкоторую степень образованія. Въ домѣ вездѣ отличный порядокъ и примѣрная опрятность и чистота.

Я очень былъ доволенъ, что выѣхалъ изъ Бессарабіи безъ приключенія. Путешествіе въ этой странѣ въ большихъ экипажахъ сопряжено съ большою опасностью. При дикости тамошнихъ лошадей, извозчики закладываютъ ихъ въ экипажи безъ хомутовъ и безъ шлей, а накидываютъ только на шею лошади родъ широкой плетеной петли, похожей нѣсколько на шору, но безъ шлеи. При такой упряжи, извозчики гонятъ лошадей во весь карьеръ, совсѣмъ не разбирая ни горъ, ни лощинъ. Были случаи, гдѣ при такой ѣздѣ я не надѣялся собрать костей своихъ; но, благодаря Провидѣнію, ни я и никто изъ свиты императорской не потерпѣлъ никакого непріятнаго и опаснаго приключенія. Въ Могилевѣ всѣ эти опасенія прекратились, ибо здѣсь снова началась упряжь русская.

28-го сентября государь выѣхалъ изъ Могилева въ 10-мъ часу утра и поздно вечеромъ прибылъ на ночлегъ въ мѣстечко Тульчинъ. А я пріѣхалъ 29-го сентября рано по утру и немедленно отыскалъ своего

баронета Вилліе въ богатой квартирѣ, которую ему приготовилъ генералъ-штабъ-докторъ Хановъ [1]).

Баронетъ Вилліе, повидимому, радъ былъ моему пріѣзду. Я ему подробно донесъ о положеніи ушибенной ноги императора, о чемъ онъ уже успѣлъ самъ удостовѣриться при представленіи своемъ его величеству.

Графъ Витгенштейнъ, вывихнувшій руку, къ коему баронетъ Вилліе былъ посланъ государемъ съ дороги, совершенно поправился и занимался вполнѣ командованіемъ арміею.

Къ моему пріѣзду въ Тульчинъ у Вилліе очень много накопилось дѣлъ, какъ по арміи, такъ и привезенныхъ курьеромъ изъ Петербурга. Я тотчасъ занялся ими, и для скорѣйшаго выполненія выпросилъ у генералъ-штабъ-доктора Ханова писца и пригласилъ въ помощь себѣ его секретаря, доктора Вольфа. Мнѣ пріятно было познакомиться съ этимъ молодымъ и образованнымъ врачомъ, одареннымъ, какъ мнѣ казалось, лучшими качествами, но, три года спустя, оказавшимся въ числѣ важныхъ государственныхъ преступниковъ, съ коими онъ и раздѣлилъ всю строгость правосудія [2]).

---

[1]) Сергѣй Ѳедоровичъ Хановъ, докторъ медицины, умеръ въ 1850 г. въ званіи непремѣннаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета.

[2]) Докторъ Вольфъ, бывъ въ короткихъ отношеніяхъ съ полковникомъ Пестелемъ, старшимъ адъютантомъ гр. Витгенштейна, былъ вовлеченъ имъ въ заговоръ противъ правительства. По открытіи заговора 14-го декабря 1825 года, вслѣдствіе бунта въ С.-Петербургѣ, рѣшеніемъ верховнаго суда былъ приговоренъ въ каторжную работу навсегда. Работая въ ссылкѣ наравнѣ съ своими соучастниками, докторъ Вольфъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ихъ врачомъ и пріобрѣлъ общую ихъ довѣренность и уваженіе. Послѣ 15-ти лѣтъ каторжной жизни, онъ, вмѣстѣ съ прочими, былъ освобожденъ, и ему позволено было поселиться въ слободѣ въ 20 верстахъ отъ Иркутска, какъ ссыльному поселянину безъ всякихъ правъ. Несмотря на свое положеніе, онъ постоянно занимался медициною, пользовалъ всегда больныхъ. При со-

Цѣль прибытія императора въ Тульчинъ состояла въ подробномъ осмотрѣ всей 2-й арміи. Для сего его величество предположилъ шесть дней. Смотръ войскъ производился по корпусамъ, но въ маневрахъ, продолжавшихся три дня, участвовала вся армія, въ полномъ ея составѣ. Всѣ эти три дня государь провелъ въ полѣ, и ночлегъ имѣлъ на бивуакахъ, которые устроены были съ удивительнымъ искусствомъ и съ военными украшеніями. Для обѣда государя со свитою, всѣми генералами, штабъ- и оберъ-офицерами были устроены, среди поля, соломенные великолѣпные павильоны или шатры, предъ которыми, въ видѣ полукруга, въ виду его величества, были расположены войска и артиллерія. При провозглашеніи графомъ Витгенштейномъ тоста его величеству, всѣ войска, съ артиллеріею, производили батальный огонь, при оглушающихъ крикахъ «ура».

Вообще государь былъ доволенъ войсками и маневрами и неоднократно изъявлялъ свое удовольствіе, въ присутствіи всѣхъ, графу Витгенштейну и генералъ-лейтенанту Киселеву[1]), бывшему тогда начальникомъ штаба 2-й арміи. Несмотря даже на то, что сей послѣдній, не

дѣйствіи своихъ товарищей, онъ составилъ себѣ очень хорошую библіотеку, которую пополнилъ новѣйшими сочиненіями, и, наконецъ, пріобрѣлъ такую довѣренность, что постоянно практиковалъ въ Иркутскѣ въ лучшихъ домахъ. Онъ померъ въ 1849 году и оплакапъ всѣми жителями Иркутска. Несчастіе произвело въ немъ разительную перемѣну; онъ сдѣлался очень религіознымъ, кроткимъ, человѣколюбивымъ и примѣрно добродѣтельнымъ. Д. Т.

[1]) Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (1788—1872), любимѣйшій флигель-адъютантъ императора Александра I, въ должности начальника штаба 2-й арміи пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе умѣньемъ сочетать фронтовыя требованія съ гуманностью. Впослѣдствіи, какъ предсѣдатель дивановъ Молдавіи и Валахіи и какъ первый министръ государственныхъ имуществъ, Киселевъ, пожалованный графскимъ титуломъ, упрочилъ свою славу тонкаго и просвѣщеннаго администратора.

задолго до прибытія императора, убилъ на дуэли бригаднаго генерала,—онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ его величеству.

Вслѣдствіе этого смотра, послѣдовали награды военнымъ и военно-медицинскимъ чинамъ. Изъ числа послѣднихъ генералъ-штабъ-докторъ Хановъ получилъ 2,000 десятинъ земли въ Бессарабіи, а секретарь его, докторъ Вольфъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Нельзя не отдать полной справедливости распорядительности г. Ханова и заботливости о больныхъ военныхъ врачей; вездѣ и во всякое время тульчинскій госпиталь и всѣ полковые лазареты при осмотрѣ находимы были въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ по части медицинской и хозяйственной.

Хотя государь императоръ, при осмотрѣ 2-й арміи, вообще былъ состояніемъ ея вполнѣ доволенъ, но при осмотрѣ отдѣльно 16-й дивизіи, коею командовалъ тогда генералъ Михаилъ Орловъ [1]), и въ составъ которой вошли солдаты и нѣкоторые офицеры бывшаго во Франціи обсерваціоннаго корпуса графа М. С. Воронцова [2]),—остался оною недовольнымъ, какъ по части фронтовой, такъ особенно по части дисциплины и неблагопріятнаго направленія духа, посѣяннаго въ этой дивизіи, вѣроятно, офицерами, изъ коихъ впослѣдствіи оказались нѣкоторые причастными къ заговору, обнаруженному 14-го декабря 1825 года, по случаю возмущенія въ С.-Петербургѣ.

---

[1]) Этотъ генералъ Орловъ, родной братъ генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта. Онъ принадлежалъ къ обществу декабристовъ, но оставилъ оное благовременно. Очень образованный и большой знатокъ технической химіи. Д. Т.

[2]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ занималъ въ это время должность новороссійскаго генералъ-губернатора.

Въ Новомиргородѣ (въ Херсонской губерніи) съ баронетомъ Виллie случилось важное приключеніе, которое для меня было замѣчательною эпохою въ жизни моей и имѣло нѣкоторое вліяніе на мое служебное поприще. Приключеніе это случилось слѣдующимъ образомъ.

8-го октября, въ 4-мъ часу по полудни, баронетъ Виллie и я поѣхали въ коляскѣ въ 4 лошади осмотрѣть полковой лазаретъ, устроенный на краю города. Лошади, испуганныя скачущими къ намъ въ разрѣзъ уланами, вдругъ насъ понесли въ сторону отъ дороги, бросились къ буераку, въ который мы оба и опрокинулись вмѣстѣ съ коляскою. Слѣдствіемъ этого несчастнаго паденія было:

1) Баронетъ Виллie, при стремительномъ паденіи изъ коляски, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ упалъ на подогнувшуюся подъ него лѣвую ногу; вслѣдствіе этого произошелъ переломъ малой берцовой кости въ верхней ея трети, разрывъ и растянутіе связокъ колѣннаго состава и, по всему вѣроятію, разрывъ или поврежденіе бедреннаго нерва. Поврежденія эти произвели ужасныя послѣдствія и страданія. При чемъ онъ ушибъ еще и правый бокъ и давно страждущую свою печень.

2) Я получилъ сильный ударъ въ голову, съ потерею на нѣкоторое время чувствъ, и сорвалъ кожу съ лѣваго локтя.

Пришедъ въ себя, я всталъ и увидѣлъ, въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи, распростертаго баронета Виллie, съ подогнутою лѣвою ногою, которою онъ совсѣмъ не могъ владѣть и въ коей онъ чувствовалъ невыносимую раздирающую боль. Призвавъ на помощь слѣдовавшаго за нами дивизіоннаго доктора Протопопова, я тщательно осмотрѣлъ всѣ поврежденія на мѣстѣ, и съ помощью бывшихъ тутъ людей мы внесли его въ ближайшій домъ, стоящій за городомъ отдѣльно и принадлежащій штабъ-лекарю поселеннаго кавалерійскаго полка Затлеру;

расположивъ больного на диванѣ, сдѣлалъ я надлежащую перевязку и приложилъ прохлаждающую примочку Шмукера. При этомъ сдѣлано ему кровопусканіе изъ руки болѣе 2-хъ фунтовъ.

О такомъ несчастномъ происшествіи я поспѣшилъ доложить графу Аракчееву, который немедленно довелъ о томъ до свѣдѣнія государя императора. Графу Аракчееву я объяснилъ всю важность поврежденій и то опасное положеніе, въ какомъ баронетъ Вилліе дѣйствительно находился. Его величество принялъ большое участіе въ положеніи больного и, призвавъ меня, спросилъ: «Можно ли перевезти больного изъ Новомиргорода въ другое мѣсто и скоро ли онъ можетъ поправиться?» Я доложилъ на это его величеству: «Больного непремѣнно слѣдуетъ оставить въ Новомиргородѣ и даже нельзя его перенести въ другой домъ, а насчетъ его поправленія въ настоящее время ничего положительнаго сказать нельзя; это будетъ зависѣть отъ хода поврежденій и послѣдствій отъ оныхъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны быть очень важны для жизни больного».

Къ вечеру, въ часу 8-мъ, оказались судороги въ поврежденной ногѣ съ ужаснѣйшими болями, отъ коихъ баронетъ Вилліе терялъ сознаніе и кричалъ, несмотря на всю твердость его шотландской натуры. Въ теченіе ночи къ этимъ страданіямъ присоединились конвульсіи во всей нервной системѣ, именно tetanus и trismus. Я немедленно выпустилъ ему еще полтора фунта крови. Между тѣмъ, въ то же время представилъ донесеніе графу Аракчееву о положеніи больного.

9-го октября, рано по утру, графъ Аракчеевъ мое донесеніе доложилъ государю. Его величество, прочитавъ его, отозвался:

— Положеніе больного опасно; я почти не имѣю надежды на его выздоровленіе; жаль, очень жаль мнѣ

этого стараго моего сослуживца. Я думаю, что если кто можетъ ему помочь въ такомъ опасномъ положенiи, то это только одинъ Тарасовъ, который близко знаетъ его натуру и характеръ и, какъ благоразумный медпкъ, можетъ употребить всевозможныя средства къ его выздоровленiю, если только оно еще возможно. Оставить Тарасова при больномъ и снабдить его достаточною суммою для проживанiя здѣсь».

Вслѣдствiе таковой высочайшей воли, я получилъ отъ графа Аракчеева повелѣнiе остаться въ Новомиргородѣ при баронетѣ Виллiе, для его пользованiя, и чтобъ дважды въ недѣлю доносилъ его величеству о положенiи больного по эстафетѣ, надписывая на донесенiи: *Его императорскому величеству въ собственныя руки.*

Отъ барона Дибича при предписанiи я получилъ 10 т. руб. асс. на содержанiе и разныя издержки на время нашего пребыванiя въ Новомиргородѣ.

9-го октября его величество, выѣзжая изъ Новомиргорода въ Вознесенскъ для осмотра поселенныхъ войскъ, посѣтилъ больного Виллiе, чтобъ съ нимъ проститься, ибо онъ не надѣялся на его выздоровленiе. Присутствiемъ государя Виллiе былъ чрезвычайно тронутъ, особенно отеческимъ вниманiемъ къ его опасному положенiю. Государь, какъ истинный христiанинъ, въ краткихъ, но сильныхъ выраженiяхъ преподалъ больному утѣшенiе и надежду на выздоровленiе. Съ государемъ были: графъ Аракчеевъ, баронъ Дибичъ, графъ Виттъ и всѣ генералы, бывшiе при его величествѣ. Прощаясь съ Виллiе, государь прослезился; по выходѣ изъ дому, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: «Я никому лучше не придумалъ поручить леченiе Виллiе, какъ тебѣ, и я увѣренъ, что если еще есть возможность спасти этого человѣка, то она исключительно заключается въ твоемъ врачебномъ знанiи, твоей преданности къ больному и

совершенномъ знаніи его привычекъ и характера. Прощай! да поможетъ тебѣ Богъ; доноси мнѣ о больномъ, какъ тебѣ приказано». При этой столь трогательной сценѣ я не могъ удержаться отъ слезъ. Поклонясь его величеству, я поцѣловалъ руку государя, сказавъ: «Слушаю, ваше величество, и сдѣлаю все, что могу, чтобъ спасти больного и оправдать довѣріе вашего величества».

Послѣ этого графъ Аракчеевъ и сопровождавшіе государя съ большимъ участіемъ простились со мною...

По отъѣздѣ государя припадки у больного чрезвычайно усилились; боль въ ногѣ и судороги въ прочемъ тѣлѣ были невыносимы. Я терялъ всякую надежду на успѣхъ моего леченія; впрочемъ, нимало не ослабѣвалъ въ моей дѣятельности. Первый бюллетень, отправленный мною съ фельдъегеремъ, вслѣдъ за государемъ, былъ очень неутѣшителенъ. Государь получилъ его въ Вознесенскѣ 11-го октября и, прочитавъ, сказалъ: «Мы должны, кажется, лишиться нашего Вилліе». Выѣзжая изъ Вознесенска, его величество повелѣлъ генералъ-адъютанту Чернышеву (впослѣдствіи свѣтлѣйшему князю) отправиться въ Новомиргородъ для посѣщенія больного. Вилліе былъ нѣсколько успокоенъ посѣщеніемъ генерала Чернышева.

До 14-го октября страданія больного нимало не уступали; горячка была съ бредомъ, боль и судороги продолжались почти въ одинаковой степени. Пульсъ доходилъ до 140 въ минуту, сна вовсе не было, нетерпѣніе и тревожное положеніе больного были невыносимы. Это поставило меня въ необходимость показать своему больному, что я имѣю высочайшее порученіе распоряжаться леченіемъ по моему усмотрѣнію, а потому прошу его выполнять все то, что я признаю полезнымъ и нужнымъ для его выздоровленія. Такой рѣшительный отзывъ мой имѣлъ благопріятное вліяніе на больного. Онъ безуслов-

но сталъ мнѣ послушенъ и соглашался на всѣ мои распоряженія и назначенія.

Къ потерпѣвшему наибольшее насиліе колѣну, которое чрезвычайно было опухло и напряжено и невыносимо болѣзненно, три раза были приставлены пьявки въ большомъ количествѣ. Отвлеченіе мѣстное крови видимо облегчало боли и ослабляло спазмы и конвульсіи, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Больной всякій разъ былъ спокойнѣе послѣ пьявокъ.

Отъ ужасныхъ страданій, обильныхъ кровопусканій, жестокости горячки, а особенно отъ страданія моральнаго, неизбѣжнаго для всякаго придворнаго лица, отлученнаго отъ сношенія съ дворомъ, Вилліе находился въ крайнемъ почти изнуреніи. Зная хорошо его честолюбивую сторону, я съ видимымъ успѣхомъ къ ободренію его употреблялъ представленіе ему того вниманія, участія и милостей, каковыя ему оказываются его императорскимъ величествомъ. Дѣйствительно, это для него было животворнымъ бальзамомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ самое опасное время болѣзни Вилліе я счелъ необходимымъ написать, между прочими, его родному племяннику съ тѣмъ, чтобъ онъ поспѣшилъ пріѣхать къ больному дядѣ, котораго положеніе крайне опасно и сомнительно. Это я сдѣлалъ въ особенности для того, чтобъ, въ случаѣ смерти Вилліе, не поставить себя въ непріятное положеніе еще и съ той стороны, что не предварилъ его ближайшаго и единственнаго родственника у насъ въ Россіи [1]). Сдѣлавъ это, я намекнулъ больному: «Хорошо, если бы къ намъ прі-

---

[1]) Баронетъ Вилліе—шотландецъ и на подданство Россіи не присягалъ. Онъ не соглашался на это даже по сдѣланномъ ему лично предложеніи отъ императора, изъявившаго желаніе даже сдѣлать его россійскимъ дворяниномъ. Д. Т.

ѣхалъ вашъ племянникъ?»—«Зачѣмъ его сюда,—отвѣчалъ онъ,—у него есть свое дѣло въ Петербургѣ, здѣсь ему дѣлать нечего»...

Здоровье моего больного начало постепенно улучшаться; всѣ припадки общіе миновались, кромѣ большой слабости.

Въ одинъ день, кажется, въ воскресенье, вдругъ мнѣ докладываютъ, что изъ Петербурга пріѣхалъ докторъ Виллie — племянникъ больного. Я обрадовался его прибытію, несмотря на то, что оно не столько уже было нужно, какъ прежде. Я поспѣшилъ предварить больного о пріѣздѣ его родственника. Баронетъ Виллie сказалъ:

— Развѣ онъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ сегодня рано, — сказалъ я,—на курьерскихъ и совершенно благополучно.

Больной мой, помолчавъ немного и по размышленіи, обратилъ на меня слезящій свой взоръ и съ чувствомъ внутренняго сознанія сказалъ:

— Теперь я совершенно убѣжденъ, что вы, любезный Дмитрій Климентовичъ, есть мой истинный благодѣтель, и вашихъ попеченій обо мнѣ и самоотверженія я никогда не забуду,—и если я останусь въ живыхъ, то этимъ я обязанъ единственно вашему обо мнѣ старанію и неусыпности. Вы истинный и ближайшій мой родной!

При этомъ баронетъ Виллie прослезился и, оправясь нѣсколько отъ сильнаго чувства, просилъ меня позвать къ нему племянника. По входѣ къ нему сего послѣдняго, онъ обошелся съ нимъ ласково и видимо былъ радъ его пріѣзду. Я вышелъ отъ больного, чтобъ оставить ихъ однихъ для родственной бесѣды.

Изъ данныхъ мнѣ барономъ Дибичемъ, по повелѣнію императора, денегъ я издержалъ на разные домашніе расходы до 400 р. асс., и когда баронетъ Виллie довольно поправился въ силахъ, я доложилъ ему, что я получилъ

на содержаніе его во время болѣзни деньги, изъ коихъ нѣсколько я издержалъ, а остальныя у меня,—и что онъ прикажетъ съ ними дѣлать?

Онъ приказалъ подать деньги ему, что я исполнилъ, вручивъ ему 9,600 р. асс. Взявъ отъ меня, онъ положилъ деньги подъ подушку, на коей онъ лежалъ. Спустя полчаса, Вилліе позвалъ меня, и взявъ меня за руку, сталъ настоятельно мнѣ предлагать 1,000 р. асс., говоря: «прошу васъ это принять, вы терпите недостатокъ, и это вамъ годится». Поблагодаривъ его и сказавъ, что я нужды не терплю, я рѣшительно отказался отъ такого предложенія, которое мнѣ чрезвычайно не понравилось и произвело на меня непріятное какое-то впечатлѣніе. На другой день поутру, когда я къ нему вошелъ въ первый разъ,—онъ снова атаковалъ меня своимъ настойчивымъ убѣжденіемъ—принять отъ него предлагаемую сумму. Когда я, отказавшись снова, хотѣлъ идти отъ него, онъ, взявъ меня за руку, положилъ деньги ко мнѣ за сюртукъ, сказавъ, что онъ непремѣнно желаетъ, чтобъ я взялъ эти деньги. Оставалось бы еще вынуть деньги и отдать съ негодованіемъ; но я отъ этого удержался,—и деньги 1,000 р. остались при мнѣ. Это полученіе отъ Вилліе денегъ нисколько меня не радовало, но сопровождалось какимъ-то особенно непріятнымъ чувствомъ [1]).

Наконецъ, я донесъ его величеству о выздоровленіи Вилліе, и что онъ скоро будетъ въ состояніи предпринять обратный путь въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ того къ намъ присланъ отъ барона Дибича фельдъегерь, для со-

---

[1]) Такое чувство впослѣдствіи оправдалось самымъ обиднымъ для меня образомъ. По прибытіи въ Петербургъ, чрезъ нѣкоторое время, баронетъ Вилліе сказалъ своему секретарю академіи, г. Костогорову, что онъ за леченіе свое заплатилъ мнѣ 1,000 руб. Г. Костогоровъ этотъ фактъ сдѣлалъ вскорѣ извѣстнымъ между всѣми знакомыми баронета Вилліе. Д. Т.

провожденія насъ изъ Новомиргорода и для заготовленія для насъ лошадей и ночлеговъ.

30-го ноября, въ 6 часовъ вечера, прибыли мы въ Петербургъ благополучно. На послѣднемъ ночлегѣ, въ гор. Лугѣ, у генерала Берхмана, баронетъ Виллiе имѣлъ довольно времени для отдыха отъ трудностей путешествія; а потому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ былъ довольно крѣпокъ, хотя самъ, безъ посторонней помощи, никакъ не могъ ходить, особенно по лѣстницѣ. Съ помощью людей его и племянника я его ввелъ въ квартиру его, бывшую тогда въ Зимнемъ дворцѣ, на Салтыковскомъ подъѣздѣ. Онъ чрезвычайно былъ доволенъ своимъ благополучнымъ возвращеніемъ. Я, по приказанію его, безъ всякой перемѣны дорожнаго платья, немедленно отправился въ почивальню императора, чтобъ лично донести его величеству о благополучномъ прибытіи моего больного. По приходѣ въ почивальню, я просилъ дежурнаго камердинера доложить его величеству обо мнѣ. Императоръ изволилъ приказать мнѣ чрезъ него, чтобъ я шелъ къ Виллiе, къ коему онъ самъ вслѣдъ за мною будетъ. По возвращеніи моемъ къ Виллiе, у коего я уже нашелъ дежурнаго генералъ-адъютанта, князя Меншикова, я тотчасъ предварилъ его о желаніи императора немедленно видѣть его; и не прошло 10-ти минутъ, какъ его величество вошелъ въ кабинетъ баронета Виллiе въ сюртукѣ и фуражкѣ.

Посѣщеніе императоромъ баронета Виллiе, на выздоровленіе коего его величество не имѣлъ надежды, представляло самую трогательную и умилительную сцену. Виллiе, въ дорожномъ сюртукѣ, съ двумя костылями, сидѣлъ на своемъ диванѣ; при входѣ императора я помогъ ему приподняться на ноги. Вотъ были первыя слова его величества.

— Здравствуй, Яковъ Васильевичъ! Очень радъ, что

вижу тебя въ такомъ положеніи. Я почти никакой не имѣлъ надежды на твое выздоровленіе. Слава Богу, что Онъ спасъ тебя!

Потомъ, обратясь ко мнѣ, государь сказалъ:

— Благодарю тебя, Тарасовъ. Яковъ Васильевичъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ единственно твоему искусству и особенному о немъ твоему попеченію—очень благодаренъ тебѣ.

Баронетъ Вилліе прослезился отъ избытка чувствъ и хотѣлъ было, въ чувствѣ благодарности, поцѣловать руку императора, но государь не допустилъ его, самъ поцѣловалъ его въ лобъ. Пробывъ минутъ пять у Вилліе, государь возвратился въ свои комнаты.

На другой день, въ 7 часовъ утра, я являлся къ графу Аракчееву и донесъ ему о благополучномъ возвращеніи Вилліе. Графъ, принявъ меня благосклонно въ своемъ кабинетѣ, сказалъ извѣстнымъ своимъ тономъ:

— Спасибо, спасибо, г. Тарасовъ, что вылечилъ Вилліе, въ жизни котораго мы всѣ отчаявались; государь очень доволенъ тобою,—пожалуйста, когда случится, не откажись полечить и меня.

12-го декабря, въ день рожденія императора, графъ Аракчеевъ, въ 8 часовъ утра, прямо отъ доклада государю, зашелъ къ баронету Вилліе. Это было при мнѣ въ то время, когда я Вилліе докладывалъ разныя бумаги.

— Ну, здравствуй, Яковъ Васильевичъ!—сказалъ графъ: его величество изволилъ спрашивать о твоемъ здоровьѣ и повелѣлъ мнѣ объявить тебѣ, что онъ жалуетъ тебя въ тайные совѣтники,—и, вынувъ изъ портфеля своего подписанный государемъ указъ, прочитавъ его громогласно, тутъ же контрасигнировалъ его и подалъ баронету Вилліе. Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А тебѣ, г. Тарасовъ, его величество жалуетъ Вла-

димірскій крестъ — вотъ и указъ на оный, — который онъ также контрасигнировалъ.

Такимъ образомъ, и больной, и врачъ были награждены въ одно время. Баронетъ Вилліе очень былъ обрадованъ такою наградою; но я болѣе его радъ былъ своей наградѣ.

Баронетъ Вилліе, хотя съ трудомъ, могъ ходить, приступая на больную ногу, но не иначе, какъ съ помощью костылей. Но его моральная сторона чрезвычайно возвысилась такимъ неожиданнымъ успѣхомъ выздоровленія, послѣ ужасныхъ страданій и столь важнаго поврежденія.

Со мною онъ былъ очень хорошъ и благосклоненъ, но, при всемъ томъ, знавъ изгибы его сердца, я по временамъ замѣчалъ, что такія отношенія его ко мнѣ не совсѣмъ искренни, и, весьма вѣроятно, это происходило оттого, что государь, посѣтивъ его по возвращеніи, въ присутствіи бывшихъ тогда, изволилъ сказать:

— Что ты, Яковъ Васильевичъ, остался живъ, то этимъ ты обязанъ исключительно г. Тарасову.

V.

Болѣзнь императора Александра въ январѣ 1824 г.—Тревога Виллie и Тарасова за теченie болѣзни.—Методъ леченiя.—Заботы Тарасова о здоровьѣ государя.—Посѣщенie больного членами императорской фамилiи.—Великiй князь Николай Павловичъ и бесѣда его съ Тарасовымъ.—Награды Тарасову.—Бракосочетанie великаго князя Михаила Павловича.—Выздоровленie государя.—Прiѣздъ цесаревича Константина Павловича.—Образъ жизни императора въ Царскомъ Селѣ.—Встрѣча Тарасова съ императоромъ Александромъ въ Царскосельскомъ паркѣ.

Послѣ церковной церемонiи и парада войскъ гвардiи, 6-го января, въ день Богоявленiя, 1824 года государь, по обыкновенiю, изволилъ уѣхать въ Царское, гдѣ онъ наичаще работалъ съ своими министрами и графомъ Аракчеевымъ. 12-го января, прогуливаясь въ саду и оставшись чѣмъ-то особенно недовольнымъ, почувствовалъ сильные признаки лихорадки, съ жестокою головною болью, вскорѣ послѣдовала тошнота и рвота. Его величество, почувствовавъ себя столь сильно пораженнымъ болѣзнью, поспѣшилъ въ тотъ же день возвратиться въ Зимнiй дворецъ, куда прибылъ ночью въ возкѣ.

Баронетъ Виллie немедленно былъ позванъ къ государю; съ большимъ трудомъ взошедъ въ кабинетъ государя по высокой лѣстницѣ, сколько могъ, изслѣдовалъ свойство болѣзни и прописалъ лекарство. Императоръ провелъ ночь очень безпокойно.

13-го января, въ 7 часовъ утра, только что я успѣлъ войти въ канцелярію, Вилліе тотчасъ меня потребовалъ къ себѣ и съ большимъ участіемъ и тревогою разсказалъ мнѣ о болѣзни императора. Въ 8 часовъ я повелъ его вверхъ въ почивальню государя. По приходѣ, онъ, спрося предварительно дежурнаго камердинера, какъ его величество провелъ ночь, просилъ доложить о немъ, и тотчасъ получилъ позволеніе войти въ кабинетъ къ государю, а мнѣ приказалъ дожидаться въ дежурной комнатѣ. Спустя минутъ 10 камердинеръ вышелъ и сказалъ: «пожалуйте къ государю». Вошедъ, я увидѣлъ государя лежащимъ на канапе въ форменной шинели, застегнутой спереди на всѣ пуговицы, въ большомъ жару, съ сухостью во рту и въ сильномъ безпокойствѣ. Баронетъ Вилліе съ своими костылями сидѣлъ подлѣ его величества на стулѣ. Тихо приблизившись къ дивану, на коемъ лежалъ государь, я сталъ позади Вилліе, сдѣлавъ почтительный поклонъ монарху. «Здорово, Тарасовъ,—сказалъ императоръ, взглянувъ на меня томными своими глазами.— Посмотри, Яковъ Васильевичъ, мою лѣвую ногу,—сказалъ государь,—въ ней я чувствую какое-то непріятное жженіе и боль; да вотъ, пусть это сдѣлаетъ Тарасовъ, и вы оба посмотрите!»

По снятіи съ ноги туфли и чулка, она представилась припухшею почти до колѣна и покрытою рожистымъ сильнымъ воспаленіемъ. Теперь было очевидно, съ чѣмъ предлежало врачу здѣсь имѣть дѣло. Мѣстами, особенно на срединѣ голени, цвѣтъ рожи былъ темнокрасный. Баронетъ Вилліе, видимо, былъ встревоженъ положеніемъ императора, страдавшаго горячкою съ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ. Когда Вилліе поднялся съ мѣста, государь ему изволилъ приказать: «Тарасова оставь при мнѣ, а самъ будешь приходить ко мнѣ, когда понадобится. Онъ будетъ, что

нужно, передавать тебѣ о моемъ положеніи и ходѣ болѣзни».

Его величеству назначены были приличныя его положенію врачебныя средства, а на всю ногу я поспѣшилъ приготовить довольно сложную повязку съ ароматными травами, которую сдѣлать было довольно затруднительно, ибо императоръ любилъ чрезвычайную аккуратность около его во всемъ, даже въ самыхъ мелочныхъ вещахъ.

По приказанію его величества, я оставался неотходно при немъ днемъ и ночью. Горячка усиливалась постепенно; больной съ 13-го на 14-е января провелъ ночь весьма безпокойно, сна вовсе не было, жаръ былъ палящій съ бредомъ; въ ногѣ больной ощущалъ чувство жженія и стрѣлянія; сухость во рту съ сильною жаждою. Чрезъ каждые два часа ночью я входилъ въ кабинетъ, чтобы вѣрнѣе наблюдать за положеніемъ больного, ходомъ болѣзни, и чтобъ давать въ назначенные часы лекарство. Рожа на ногѣ постепенно усиливалась, краснота становилась гуще, и припухлость голени распространилась даже выше колѣна.

Всѣ замѣчаемые мною припадки, явленія и перемѣны съ императоромъ я, со всѣми подробностями, вносилъ въ особую клиническую исторію, которая доселѣ хранится между моими бумагами [1]).

14-го января (1824 г.), осмотрѣвъ больного во всей подробности и сосчитавши вѣрно пульсъ, который доходилъ до 115 ударовъ въ минуту, въ 7 часовъ по утру я поспѣшилъ къ баронету Вилліе, чтобъ передать ему все, что мною замѣчено въ теченіе ночи въ положеніи больного. Выслушавъ меня внимательно, Вилліе погрузился въ

---

[1]) Въ этотъ день я получилъ приказаніе писать бюллетени о положеніи государя, которые тогда печатались ежедневно для публики.

Д. Т.

глубокую думу; особенно онъ опасался за ногу императора, пораженную сильнымъ рожистымъ воспаленіемъ, потому болѣе, что эта самая нога перенесла уже въ разныя времена два значительные ушиба.

Баронета Виллie я повелъ вверхъ къ больному императору, положенiе коего онъ нашелъ совершенно сходнымъ съ моимъ ему объясненiемъ. Я перемѣнилъ повязку съ ароматными травами на ногѣ больного; прочiя врачебныя средства оставлены тѣ же. При всемъ нашемъ настоянiи, императоръ не согласился снять свою форменную шинель, чтобъ остаться въ постели подъ одѣяломъ, что въ его положенiи дѣйствительно было необходимо.

Въ этотъ день объявленъ первый бюллетень о болѣзни императора, который произвелъ грустное впечатлѣнiе на публику столицы. Находясь неотлучно при больномъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ удовлетворять вопросамъ всѣхъ прiѣзжающихъ во дворецъ, для освѣдомленiя о болѣзни императора. Это было для меня самымъ труднымъ обстоятельствомъ; ибо всякой требовалъ моего личнаго объясненiя, а иной желалъ знать всѣ подробности болѣзненнаго положенiя императора. Составленiе бюллетеней о состоянiи государя лежало на моей отвѣтственности; но предварительно я всегда ихъ показывалъ баронету Виллie.

Днемъ припадки горячки нѣсколько ослабѣвали, но къ ночи снова усиливались. Рожистое воспаленiе на ногѣ постепенно усиливалось, и на срединѣ берца оказалось нѣсколько маленькихъ пузырьковъ (flictenae), которыя имѣлъ неблагопрiятный видъ и не обѣщали хорошаго исхода. По сей причинѣ составъ ароматныхъ травъ для покрыванiя рожистаго воспаленiя былъ усиленъ. Для большей удобности, я придумалъ сдѣлать на больную ногу императора повязку съ травами въ видѣ штиблета, которая была приноровлена весьма удачно, легко и

скоро накладывалась и, къ удовольствію моему, очень понравилась больному; ибо при перемѣнѣ ея нимало не безпокоила больного и очень ловко обхватывала ногу и укрѣплялась лентами.

Подлѣ почивальни императора для меня назначена особая комната, въ коей я могъ расположиться со всѣми удобствами моими занятіями и при удобномъ случаѣ заснуть, что, впрочемъ, особенно въ первые дни болѣзни, приходилось очень рѣдко.

Жестокость припадковъ горячки продолжалась до 7-го дня болѣзни. 19-го января въ ночи у императора сдѣлалась испарина по всему тѣлу, и онъ часа три сряду заснулъ совершенно покойнымъ сномъ, такъ что, когда я по утру рано вошелъ къ нему, онъ сказалъ: «Вотъ сегодня и я спалъ, и чувствую, что головѣ моей легче и она яснѣе; посмотри мой пульсъ, есть ли въ немъ перемѣна?»

Изслѣдовавши внимательно пульсъ и все положеніе больного въ подробности, я, къ величайшему удовольствію, нашелъ императора нѣсколько въ лучшемъ положеніи и въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ на вопросъ его.

— А посмотри теперь мою ногу,—сказалъ государь,—я въ ней чувствую тягость, но боли меньше.

При осмотрѣ ноги я замѣтилъ, что рожистое воспаленіе стало ограничиваться отъ краевъ и сосредоточиваться на срединѣ берца, а изъ пустулъ нѣкоторыя начали темнѣть и отдѣлять жидкую матерію—явленіе неблагопріятное. О положеніи ноги я доложилъ государю вѣрно; но о неблагопріятномъ ея положеніи умолчалъ.

Когда я объяснилъ все это баронету Виллie, онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это перейдетъ въ антоновъ огонь!» Опасеніе его было справедливо; ибо рожа сосредоточилась на срединѣ берца (crista tibiae), въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нога въ послѣдній разъ

была ушиблена копытомъ лошади на маневрахъ при Брестѣ-Литовскомъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ дней, отъ 20-го января, общее положеніе императора постепенно становилось лучше; но въ ногѣ не было перемѣны къ лучшему, кромѣ того, что рожистое воспаленіе мало-по-малу уменьшалось въ окружности, на срединѣ же берца темный цвѣтъ оставался безъ всякой перемѣны, и изъ пустулъ сочилась жидкая сукровица. Къ этому мѣсту, кромѣ ароматныхъ травъ, ничего не прикладывалось.

26-го января, по утру въ 8-мъ часу, вмѣстѣ со мною у императора былъ и баронетъ Вилліе, который желалъ удостовѣриться особенно о положеніи ноги. Общее положеніе больного было удовлетворительно, даже показался аппетитъ, особенно государь съ удовольствіемъ кушалъ уху изъ ершей. При сниманіи съ ноги штиблета изъ ароматныхъ травъ, я замѣтилъ, что онъ отъ засохшей матеріи присохъ къ ногѣ. Нужно было употребить осторожное усиліе и сноровку, чтобъ отдѣлить его безъ боли для больного. Вдругъ, къ общему нашему удивленію, я усмотрѣлъ, что присохшее мѣсто покрововъ отдѣляется вмѣстѣ съ штиблетомъ, величиною въ два дюйма длины и въ полтора дюйма ширины. Отдѣленіе это произошло безъ значительной боли. По отдѣленіи этого обширнаго гангренознаго струпа, состоящаго изъ омертвѣлыхъ общихъ покрововъ и клѣтчатки, представилась намъ обширная язва, коей дно было покрыто доброкачественнымъ гноемъ. По осторожномъ и крайне аккуратномъ снятіи гноя, оказалось, что язва простиралась до самой надкостной плевы, которая, благодареніе Богу, была невредима, покрывая большую берцовую кость (crista ossis tibiae). Удостовѣрясь о семъ, баронетъ Вилліе, бывшій до сего въ лихорадочномъ положеніи отъ страха за ногу импе-

ратора, перекрестился самымъ христіанскихъ образомъ и сказалъ:

— Ну, слава Богу!

Императоръ, замѣтивъ это, спросилъ его о причинѣ такого восхищенія.

— Я очень радъ, государь, что ваше здоровье поправляется,—отвѣчалъ Вилліе, скрывъ отъ его величества настоящую причину своего восторга.

Вилліе трепеталъ за надкостную плеву, потому что съ отдѣленіемъ ея неминуемо должно бы послѣдовать омертвѣніе или костоѣда большой берцовой кости,—а исходъ такого пораженія кости могъ бы быть самый неблагопріятный, или, по крайней мѣрѣ, продолжительный...

Съ отдѣленіемъ гангренознаго струпа припухлость ноги начала быстро уменьшаться, слупленіе кожицы послѣ рожи скоро окончилось и самая язва постепенно очищалась, и дно ея, т. е. надкостная плева, стала покрываться новою организаціею (granulatio). Язва перевязывалась простою мазью изъ спермацета и вся нога попрежнему покрывалась штиблетомъ изъ ароматныхъ травъ. Общее здоровье императора примѣтно улучшалось, такъ что по ночамъ я уже не имѣлъ надобности входить къ его величеству, для наблюденія за ходомъ его болѣзни [1]).

Перевязка ноги дѣлалась два раза въ сутки, по утру въ 7 часовъ и вечеромъ въ 11 часовъ. Для большей опрятности и удобства для больного, я придумалъ особенный способъ перевязки, по которому она производилась очень скоро и безъ всякой боли для больного. Императоръ

---

[1]) Ровно 26 дней я безотходно пробылъ во дворцѣ при больномъ императорѣ; въ первые дни даже не имѣлъ почти времени переодѣваться и спалъ сидя въ креслахъ. Д. Т.

былъ очень доволенъ моимъ хирургическимъ искусствомъ, и часто по наложеніи бандажа говорилъ: «и видно, что дѣло мастера боится,—но есть дѣла, коихъ и самъ мастеръ страшится!»

Всякій вечеръ посѣщали его величество: императрица Елизавета Алексѣевна съ невѣстою тогда, а нынѣ супругою великаго князя Михаила Павловича, а иногда и съ герцогинею виртембергскою,—великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи; а вдовствующая императрица Марія Θеодоровна ежедневно бывала у императора въ 12-мъ часу утра.

Изъ министровъ бывали у его величества графъ Аракчеевъ и князь Голицынъ; первый всегда бывалъ по вечерамъ въ 7 часовъ, и оставался иногда часа по два, а послѣдній имѣлъ позволеніе являться по утрамъ въ 10-мъ часу и всегда на короткое время.

Великій князь, а потомъ благополучно царствовавшій государь Николай Павловичъ, неоднократно вечеромъ сиживалъ по часу и болѣе въ моей комнатѣ, дожидаясь выхода отъ императора графа Аракчеева, и всегда очень милостиво бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ, а особенно о медицинѣ. Изъ этихъ незабвенныхъ бесѣдъ я съ особеннымъ удовольствіемъ одну приведу здѣсь.

— Ты, Тарасовъ, думаешь, что я не знаю медицины?—сказалъ мнѣ его высочество.—Напротивъ, я ее зналъ еще въ моемъ ребячествѣ, и вотъ тебѣ доказательство. Когда маменька и мы съ братомъ Михаиломъ жили въ Гатчинѣ, то я какъ-то испортилъ желудокъ и докторъ Рюль крайне надоѣдалъ мнѣ своимъ несноснымъ ревенемъ и недаваніемъ мнѣ ѣсть, сколько хотѣлось. У меня возродилась мысль отмстить ему. Однажды, въ 12-мъ часу ночи, когда всѣ уже спали, я написалъ рецептъ, разумѣется, самый нелѣпый, котораго теперь не упомню,

и подговорилъ дежурнаго лакея тотчасъ отнести въ придворную аптеку, взявъ съ него честное слово отнюдь не выдавать меня въ этой продѣлкѣ. Рецептъ я написалъ, сколько могъ, подъ руку И. Ѳ. Рюля и подписалъ его фамилію, точно такъ, какъ онъ подписывается на рецептахъ. Аптекарь, получивъ рецептъ и усмотрѣвъ въ немъ неправильности, тотчасъ обратился къ доктору Рюлю, давно уже спавшему, разбудилъ его и показалъ рецептъ. Докторъ Рюль тотчасъ замѣтилъ, что этотъ рецептъ фальшивый; не отвѣчая аптекарю, оставилъ рецептъ у себя. На другой день поутру докторъ Рюль немедленно сдѣлалъ розысканіе во дворцѣ, и лакей, носившій по моему порученію въ аптеку рецептъ, сознался, что онъ былъ посланъ мною въ аптеку съ рецептомъ. Роковой этотъ рецептъ былъ представленъ маменькѣ докторомъ Рюлемъ, и когда мы съ братомъ пришли поутру къ ней цѣловать ручку, то я былъ уличенъ въ этомъ проступкѣ и наказанъ арестомъ. Съ того времени я исправился, и по сіе время постоянно уважаю добраго И. Ѳ. Рюля».

Потомъ еще продолжался разговоръ о лекарствахъ, о леченіи въ госпиталяхъ, особенно въ лазаретѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, который состоялъ тогда въ бригадѣ его высочества. Наконецъ Николай Павловичъ, взявъ кусокъ бумаги, написалъ рецептъ и подалъ мнѣ, сказавъ: «Вотъ тебѣ доказательство, что я и нынѣ знаю медицину». Этотъ рецептъ, какъ важный памятникъ, и нынѣ сохраняется въ моемъ портфелѣ вмѣстѣ съ важными моими документами. Онъ подписанъ: «Pour M-r Rhül лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабъ-лекарь Николаевскій».

1-го февраля здоровье императора до того поправилось, что его величество приказалъ приготовить для себя вольтеровскія кресла, въ коихъ по нѣскольку часовъ началъ сидѣть. Большая язва на ногѣ быстро шла къ зажи-

вленію,—но ниже оной, ближе къ мыщелкамъ, оставались двѣ поверхностныя язвинки, въ коихъ не было наклонности къ заживленію; впрочемъ, онѣ ни мало не безпокоили его величество. Ароматный штиблетъ на ногѣ императора замѣненъ былъ Pulvere ad Erysipulas; а потому я измѣнилъ повязку такъ, чтобъ порошокъ, коимъ обсыпалась вся голень, могъ держаться на ногѣ постоянно, не ссыпаясь. Такая повязка государю очень нравилась.

7-го февраля я получилъ позволеніе его величества ночевать у себя въ квартирѣ и являться во дворецъ поутру въ 7, а вечеромъ въ 9 часовъ, для перемѣны повязки на ногѣ.

Въ одинъ вечеръ, когда на перевязкѣ былъ и баронетъ Вилліе, государь сказалъ ему по-англійски:

— Тарасовъ твой очень хорошій медикъ, я имъ очень доволенъ; надобно его наградить за попеченіе обо мнѣ во время моей болѣзни; а притомъ я хотѣлъ бы его назначить къ брату Михаилу, у котораго теперь нѣтъ доктора.

Я вышелъ изъ кабинета его величества, а Вилліе остался у государя.

На другой день послѣдовало высочайшее повелѣніе о пожалованіи меня въ чинъ надворнаго совѣтника и о выдачѣ мнѣ шести тысячъ руб. ассигнаціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ повелѣно состоять при его высочествѣ Михаилѣ Павловичѣ. Это повелѣніе было мнѣ дано словесно императоромъ, но письменнаго предписанія о томъ я ни отъ кого не получалъ; между тѣмъ всякое утро я долженъ былъ являться къ его высочеству.

17-го февраля назначено было бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича съ Еленою Павловною. Императоръ, несмотря на свое значительное поправленіе въ здоровьи, ходить еще не могъ, а въ кабинетѣ у себя передвигался въ вольтеровскихъ креслахъ. По сей причинѣ въ смежной съ кабинетомъ государя статсъ-секре-

тарской комнатѣ поставлена была походная церковь, въ которой и было совершено бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ. Во время совершенія бракосочетанія императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ. Его величество былъ посаженымъ отцомъ при бракосочетаніи августѣйшаго своего брата.

Я продолжалъ занимать мѣсто при Михаилѣ Павловичѣ и послѣ его бракосочетанія; однакожъ, спустя нѣсколько дней послѣ, высочайше повелѣно назначить докторомъ къ его высочеству Вилліе 2-го, родного племянника лейбъ-медика, состоявшаго тогда старшимъ докторомъ гвардейской кавалеріи. Затѣмъ я остался при государѣ и по прежнему правителемъ канцеляріи главнаго по арміи медицинскаго инспектора. Баронетъ Вилліе не допустилъ меня быть утвержденнымъ при великомъ князѣ для двухъ цѣлей: 1) чтобъ доставить мѣсто своему родному племяннику и 2) удержать меня при себѣ для канцеляріи и для нахожденія при государѣ, при коемъ неотлучное нахожденіе врача сдѣлалось необходимымъ, по причинѣ страданія его ноги, требующей ежедневной перевязки и врачебнаго наблюденія, ибо на больной ногѣ оставался постоянный небольшой отекъ (Oedema).

Такимъ образомъ, по утрамъ и вечерамъ, я всегда являлся въ почивальню государя, а днемъ занимался дѣлами въ канцеляріи баронета Вилліе.

22-го февраля императоръ въ первый разъ по выздоровленіи выѣхалъ прогуляться въ саняхъ. Народъ отовсюду стремился, чтобъ увидѣть монарха, выздоровѣвшаго послѣ тяжкой и опасной болѣзни, и кричалъ «ура!» Его величество осмотрѣлъ цѣпной мостъ на Фонтанкѣ у Лѣтняго сада, который только что былъ оконченъ, и приказалъ его открыть для проѣзду. Возвратясь во дво-

рецъ, былъ очень доволенъ своею прогулкою и тотчасъ потребовалъ, чтобъ я осмотрѣлъ и перевязалъ его ногу, которая была въ удовлетворительномъ положеніи, кромѣ небольшой припухлости около мыщелковъ. Обратясь съ обычною его благосклонностью ко мнѣ, сказалъ:

— Какъ пріятна была для меня прогулка на открытомъ воздухѣ послѣ столь продолжительнаго моего заключенія въ комнатахъ! Я видѣлъ новый мостъ (висячій) цѣпной, который отдѣланъ искусно и даже съ изяществомъ; только золоченыя украшенія дѣлаютъ его похожимъ на ложе новобрачныхъ.

Очень замѣчательно было прибытіе, за нѣсколько дней до свадьбы великаго князя, въ Петербургъ изъ Варшавы цесаревича Константина Павловича, о которомъ, какъ было замѣтно, императоръ не зналъ предварительно; ибо онъ, получивъ отъ вдовствующей императрицы извѣстіе объ опасной болѣзни государя, поспѣшилъ пріѣхать; а между тѣмъ онъ желалъ быть и при бракосочетаніи Михаила Павловича. Свиданіе ихъ, при коемъ я находился, происходило слѣдующимъ образомъ.

По утру въ 7 часовъ императоръ приказалъ мнѣ приготовить поспѣшнѣе перевязку для ноги, чтобъ можно было наложить ее въ малой уборной его комнатѣ. Во время перемѣны перевязки государь въ одной сорочкѣ сидѣлъ на диванѣ. Двери комнаты были затворены. Дежурный камердинеръ Анисимовъ (его государь всегда звалъ Геогоровичъ) вдругъ входитъ въ уборную и докладываетъ: «его высочество цесаревичъ!» Императоръ или не разслышалъ, что онъ сказалъ, или, принявъ это за неожиданное имъ извѣстіе, приказалъ Анисимову повторить сказанное. Онъ повторилъ тѣ же самыя слова.

— Полно, такъ ли?—сказалъ государь.

— Такъ точно, ваше величество,—отвѣчалъ Анисимовъ.

Въ это время перевязка ноги была только что окончена. Государь сказалъ: «Проси».

Какъ только камердинеръ отворилъ двери, цесаревичъ, въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана и, залившись слезами, цѣловалъ государя въ губы, глаза и грудь и, наконецъ, склонясь къ ногамъ императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную ногу его величества. Эта сцена столь была трогательна, что и я не могъ удержаться отъ слезъ, и поспѣшилъ выдти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ.

Причина такой сцены впослѣдствіи объяснилась. До цесаревича въ Варшаву дошли слухи, что императоръ находится въ самомъ опасномъ положеніи и что болѣзнь его приняла такой оборотъ, что врачи не надѣются на его выздоровленіе.

По выходѣ отъ императора, цесаревичъ, проходя мимо меня, спросилъ:

— Ты Тарасовъ?

— Точно такъ, ваше императорское высочество,— отвѣчалъ я.

— Спасибо, братъ, спасибо за стараніе объ отцѣ нашемъ; дасть Богъ, онъ скоро совсѣмъ поправится,— сказалъ мнѣ цесаревичъ.

Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ трое братья, въ фамильныхъ отношеніяхъ, всегда называли императора батюшкою; мнѣ въ особенности случалось часто это слышать отъ Николая Павловича и Михаила Павловича.

Общее здоровье государя совершенно возстановилось, такъ что его величество на масляницѣ присутствовалъ на придворномъ маскарадѣ, ежедневно почти выѣзжалъ верхомъ на разводъ и посѣщалъ разныя общественныя заведенія. На ногѣ, однакожъ, оставались, внизу го-

лени, двѣ маленькія язвинки, и вся голень, особенно къ вечеру, немного припухала. Для уменьшенія этой припухлости, вмѣсто разныхъ предлагаемыхъ чулковъ съ шнуровкою, я выдумалъ такую повязку, которая равномѣрно и очень крѣпко покрывала всю голень и тѣмъ препятствовала увеличиваться отеку. Его величество чрезвычайно былъ доволенъ этою повязкою и многократно благодарилъ меня за изобрѣтеніе оной.

Государь всегда называлъ меня, какъ при встрѣчахъ, такъ и при разныхъ его повелѣніяхъ, не иначе какъ Дмитріемъ Климентьевичемъ. Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, его величество далъ мнѣ позволеніе пользоваться книгами для чтенія изъ библіотеки императорскаго лицея. При такомъ соизволеніи его величество упомянулъ, что эта библіотека принадлежала Петру Ивановичу Лагарпу [1]), у котораго она куплена государемъ для лицея. Такая милость была для меня очень полезна; ибо въ Царскомъ Селѣ у меня очень много оставалось свободнаго времени.

Императоръ чрезвычайно любилъ Царское Село; и нигдѣ не случалось мнѣ замѣчать такого въ немъ благорасположенія, большаго самодовольства, возвышенныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ, какъ во время пребыванія его величества въ его Царскомъ Селѣ. Государь обыкновенно говаривалъ: «мое Царское Село».

Однажды, поутру, въ 7 часовъ (это было въ маѣ), я,

---

[1]) П. И. Лагарпъ, полковникъ швейцарской службы, былъ въ свое время однимъ изъ извѣстныхъ въ Европѣ ученыхъ людей. Екатерина II вызвала его для воспитанія Александра I, который своего наставника очень помнилъ и много уважалъ. Въ 1813 году, во время войны съ Наполеономъ, императоръ, при свиданіи съ Лагарпомъ, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Эта столь важная награда дана ему въ особенности за то, что онъ испросилъ у Швейцаріи позволенія провести наши войска чрезъ Швейцарію во Францію. Д. Т.

по требованію его величества, вхожу въ его почивальню. Государь, окончивши свое умываніе и вытираніе всего тѣла льдомъ, стоялъ предъ трюмо и застегивалъ на шеѣ свою сорочку. Утро было восхитительно и солнце въ полномъ блескѣ сквозь большихъ липъ бросало свои лучи въ почивальню его величества. Едва я успѣлъ войти, государь меня привѣтствовалъ съ неописанно пріятнымъ и милостивымъ видомъ: «Здравствуйте, Дмитрій Климентьевичъ; что новаго и каково утро?»—«Новое мнѣ неизвѣстно, все здѣсь благополучно, а утро сегодня очень хорошо и пріятно»,—отвѣчалъ я его величеству. Взглянувъ чрезъ окно въ садъ, государь продолжалъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія: «Утро прекрасное; какое благотворное солнце! какое благодатное небо! Богъ даровалъ мнѣ это мѣсто для моего успокоенія и наслажденія Его богатыми милостями и дарами природы!» Потомъ, углубясь въ самого себя, государь продолжалъ: «Здѣсь я удаленъ отъ шуму столицы, неизбѣжнаго этикета фамильнаго, и здѣсь я успѣваю сдѣлать въ одинъ день столько, сколько мнѣ не удается сдѣлать въ городѣ во всю недѣлю».

Въ Царскомъ Селѣ государь постоянно наблюдалъ весною и лѣтомъ слѣдующій порядокъ: въ 7-мъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый, съ густыми сливками и съ поджаренными гренками изъ бѣлаго хлѣба; потомъ, сдѣлавъ свой начальный туалетъ, требовалъ меня для осмотра и перевязки его ноги; послѣ того, одѣвшись окончательно, выходилъ въ садъ чрезъ собственный выходъ въ свою аллею, изъ коей постоянно направлялся къ плотинѣ большого озера, гдѣ обыкновенно ожидали его главный садовникъ Ляминъ и все птичье общество [1]),

[1]) Это общество составляли лебеди, коихъ при немъ содержалось всѣхъ въ саду до сотни, а также нѣсколько гусей и утокъ. Д. Т.

обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ этой плотины. Къ приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ разный для птицъ кормъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣтствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныя свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки, и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени г. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни.

Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга, и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ 3-мъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея ручку и, возвратясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда государь прогуливался или въ экипажѣ, или верхомъ. Въ 9-мъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ 11 часовъ кушалъ,— иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему простоквашу или черносливъ отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ

постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ почивальню, осмотрѣть и перевязать его ногу. Послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ [1]),—всегда на лѣвомъ боку. Государь всегда засыпалъ тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ дежурнаго камердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ почивальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, нимало не препятствовали сну его, что для меня, въ первый разъ, казалось чрезвычайно необыкновеннымъ и неучтивымъ со стороны его прислуги. Но его камердинеръ Завитаевъ тогда же увѣрилъ меня, что какъ только государь ляжетъ въ постель и онъ его укроетъ одѣяломъ, то хоть стрѣляй изъ пушки—онъ не услышитъ [2]).

Въ Царскомъ Селѣ однажды случилось со мною замѣчательное происшествіе. Баронетъ Вилліе однажды мнѣ сказалъ, что въ паркѣ, близъ каскадовъ, у пирамиды, похоронены собачки, любимыя императрицею Екатериною II, и что надъ одною изъ нихъ на мраморѣ изсѣчена эпитафія, чрезвычайно любопытная по своему смыслу. Часовъ въ 7 пополудни я, взявъ карандашъ и бумагу, отправился на мѣсто, чтобъ, прочитавъ, списать эту эпитафію. Отыскавъ эту дѣйствительно очень интересную

---

[1]) Императоръ былъ очень религіозенъ и истинный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отчего у него на верху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозолетѣніе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины. Д. Т.

[2]) Императоръ въ резиденціяхъ и въ путешествіи всегда почивалъ на походной кровати—на матрацѣ, набитомъ соломою, съ ложбиною на срединѣ, а въ головахъ всегда была сафьяная подушка, набитая сѣномъ. Въ ноги всегда клался сафьяный валикъ, а подъ правую руку другой валикъ, поменьше,—и всегда спалъ на одномъ лѣвомъ боку, не измѣняя этого положенія во всю ночь. Д. Т.

эпитафію, я расположился списать ее, прилегши на самомъ камнѣ. Продолжая списывать, вдругъ я увидѣлъ подлѣ меня большую англійскую собаку, которая меня обнюхивала и ласкалась. Я продолжалъ свое дѣло; вдругъ слышу поспѣшные шаги проходящаго, который, приблизясь изъ-за пирамиды ко мнѣ, вскричалъ: «Что вы тутъ дѣлаете?» Я поспѣшилъ встать и кого же я увидѣлъ передъ собою?.. государя императора. Поклонясь почтительно и извинясь прилично, я объяснилъ кратко его величеству причину моего любопытства. Государь, прежде встревоженный, успокоясь, сказалъ: «Знаешь ли, мнѣ показалось, что это кто-либо изъ офицеровъ подгулявшихъ вздумалъ расположиться въ моемъ саду отдохнуть?» Потомъ, милостиво позволивъ мнѣ докончить начатое дѣло, продолжалъ свою прогулку. Кличка этой собачки была Андерсонъ. Надгробная ея надпись хранится доселѣ у меня между бумагами. Эпитафія эта на французскомъ языкѣ и сочинена, какъ видно, самымъ тонкимъ придворнымъ дипломатомъ временъ Екатерины.

VI.

Болѣзнь и смерть Софіи Дмитріевны Нарышкиной.—Скорбь императора Александра.—Путешествіе въ Грузино.—Описаніе Грузина и пребываніе въ немъ императора.—Осмотръ новгородскихъ военныхъ поселеній и отзывы о немъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Новая поѣздка по Россіи.—Пребываніе въ Пензѣ, Симбирскѣ, Самарѣ, Оренбургѣ и Уфѣ.

Императоръ Александръ, не имѣя дѣтей своихъ, очень любилъ и имѣлъ привязанность къ дочери М. А. Нарышкиной, Софіи, которая какъ своею наружностью, такъ особенно своими нравственными качествами вполнѣ заслуживала его любовь.

Во время конгресса въ Веронѣ (въ 1822 г.), между прочими русскими вельможами, проживала графиня Шувалова съ двумя своими сыновьями, коихъ она воспитывала за границею. Въ Веронѣ я былъ ея докторомъ, и потому почти ежедневно посѣщалъ ее и познакомился съ обоими ея сыновьями. Государь къ ней особенно былъ внимателенъ и нерѣдко ее посѣщалъ. Графиня представила его величеству сыновей своихъ, уже окончившихъ свое воспитаніе, и просила высочайшаго имъ покровительства и назначенія на службу. Младшаго изъ нихъ государь назначилъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, а старшаго [1]), имѣвшаго высшее образованіе и очень солиднаго,

---

[1]) Графъ Шуваловъ, по смерти Софіи Нарышкиной, женился на вдовѣ графинѣ Зубовой, поступилъ въ придворную службу и достигъ званія оберъ-гофмаршала двора. Д. Т.

въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предназначилъ его женихомъ Софіи Нарышкиной. М. А. Нарышкина тогда была съ дочерью въ Швейцаріи, а въ 1824 году возвратилась съ нею въ Россію для совершенія свадьбы. Но, къ крайнему сожалѣнію, здоровье Софіи, давно страдавшей грудными припадками (tuberculosis), представляло немаловажныя опасенія насчетъ послѣдствій ея страданій. Положеніе здоровья Софіи производило большое сочувствіе во всѣхъ, кто только ее зналъ. Она красотою тѣлесною и нравственною дѣйствительно уподоблялась ангелу [1]).

Несмотря на усиливающіяся грудныя страданія и представляемыя о томъ наблюденія лейбъ-медиковъ Ремана и Миллера, мать Софіи всевозможно спѣшила совершить ея бракосочетаніе съ графомъ Шуваловымъ. Въ это время (весною 1824 г.) Нарышкина съ дочерью жила на своей дачѣ, на 7-й верстѣ петергофской дороги. Императоръ зналъ въ точности о положеніи здоровья Софіи и нерѣдко изволилъ посѣщать ее. Бракъ былъ отложенъ до выздоровленія Софіи, вопреки настояніямъ ея матери.

Болѣзнь Софіи очень озабочивала императора; каждое утро и вечеръ фельдъегерь привозилъ бюллетени о ней его величеству.

Въ іюнѣ государь, по выступленіи гвардейскаго корпуса въ лагерь, переѣхалъ изъ Царскаго въ Красное Село. Въ день, назначенный для ученья всей гвардейской артиллеріи, въ 9-мъ часу утра, съ дачи Нарышкина фельдъегерь привезъ роковую вѣсть о кончинѣ Софіи Нарышкиной и подалъ ее князю Волконскому. Весь ге-

---

[1]) Она была, какъ извѣстно, дочь императора отъ Маріи Антоновны Нарышкиной. Онъ ее любилъ столь нѣжно, что она составляла утѣшеніе въ его жизни. Д. Т.

нералитетъ гвардіи собрался во дворецъ и ожидалъ выхода императора, чтобъ сопровождать его на военное поле. Въ это время и баронетъ Вилліе былъ также въ Красномъ Селѣ. Въ преддверіи кабинета его величества въ это время были: я, ожидавшій приказанія войти къ государю для осмотра и перевязки его ноги, баронетъ Вилліе и князь Волконскій. Послѣдній, подошедъ къ Вилліе, объявилъ ему на ухо о плачевной новости и просилъ, чтобъ онъ объявилъ о томъ государю. Вилліе, долго не соглашаясь на это, наконецъ принялъ на себя это печальное порученіе. Между тѣмъ меня позвали къ императору. Я вошелъ и всячески спѣшилъ осмотрѣть и перевязать ногу государя, ибо онъ и самъ спѣшилъ одѣваться. За мною вскорѣ вошли князь Волконскій и Вилліе. Вилліе подошелъ ближе къ императору и, взглянувъ на ногу его, сказалъ по-французски: «онъ доволенъ положеніемъ ноги; дѣло идетъ хорошо». Князь же стоялъ подлѣ двери и молчалъ. Государь, какъ бы встревоженный, спросилъ его: «какія новости?» Князь молчалъ, сохраняя свой печальный видъ. Вилліе принялъ на себя отвѣчать его величеству; государь, обратясь къ Вилліе, повторилъ вопросъ по-англійски. Вилліе отвѣчалъ: «Все кончено: она болѣе не существуетъ!» Въ этотъ моментъ я только что окончилъ перевязку ноги. Императоръ, не сказавъ на это ни слова, возвелъ глаза свои вверхъ и залился самыми горячими слезами, такъ что вся сорочка на груди его была ими смочена. Князь Волконскій и Вилліе вскорѣ вышли, а за ними и я оставилъ кабинетъ его величества. Слѣдовало полагать, что артиллерійское ученье будетъ отказано; но спустя четверть часа императоръ выходитъ въ пріемную, обращается къ нѣкоторымъ изъ генераловъ и потомъ садится на ожидавшую его верховую лошадь.

При выходѣ императора въ пріемный залъ я внима-

тельно наблюдалъ лицо его, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ замѣтить ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной такою важною потерею великой души его. Онъ обычно былъ ко всѣмъ привѣтливъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до того сохранилъ присутствіе духа, что, кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его внутреннемъ состояніи души.

По окончаніи ученья, государь, возвратясь во дворецъ и переодѣвшись наскоро, сѣлъ въ коляску, запряженную четвернею по-загородному, и поскакалъ во весь карьеръ на дачу Нарышкиной. Въ 5-мъ часу государь возвратился только парою въ коляскѣ, а другая пара лошадей пала на дорогѣ отъ непомѣрно быстрой ѣзды. Въ этотъ день его величество не требовалъ обѣда; вечеромъ переѣхалъ въ Царское Село, а на другой день отправился въ село Грузино къ графу Аракчееву. Мнѣ повелѣно было сопровождать его величество на мѣсто баронета Вилліе.

Въ этомъ путешествіи, въ которое предположено было осмотрѣть всѣ новгородскія военныя поселенія, при государѣ мѣсто начальника главнаго штаба занималъ баронъ Дибичъ,—а князь Волконскій, по причинѣ болѣзни, былъ уволенъ за границу.

Не имѣя доселѣ понятія о селѣ Грузинѣ—столицѣ столь замѣчательнаго государственнаго человѣка, я съ особеннымъ любопытствомъ отправился въ путь въ одной коляскѣ съ барономъ Дибичемъ, ибо государь въ Грузино ѣхалъ въ коляскѣ одинъ.

Графъ Аракчеевъ, бывъ предваренъ о прибытіи императора по телеграфу изъ Чудова, ожидалъ его величество на своей пристани, на берегу Волхова; государь пере-

правился съ графомъ Аракчеевымъ на катерѣ, а коляски переправлены были на паромѣ.

Государь, по обыкновенію, занялъ свой кабинетъ въ главномъ домѣ, для барона Дибича назначенъ отдѣльный домикъ, а мнѣ дано помѣщеніе въ другомъ домикѣ, другую половину коего занималъ докторъ графа, Даллеръ.

Для императора графъ Аракчеевъ въ нижнемъ этажѣ главнаго своего дома устроилъ постоянный кабинетъ, въ коемъ его величество находилъ все, что для него необходимо, т.-е. кабинетъ этотъ былъ точно такой, какой кабинетъ у императора въ Царскомъ Селѣ; даже самыя мелочныя подробности были тѣ же самыя, какъ въ собственномъ кабинетѣ государя. Поэтому его величество всегда особенно былъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ въ селѣ Грузинѣ.

По прибытіи государь занимался съ графомъ, а мнѣ не приказано было являться въ тотъ вечеръ къ его величеству.

Занявъ назначенное мнѣ помѣщеніе, состоящее изъ двухъ комнатъ, небольшихъ, но чрезвычайно удобныхъ, я нашелъ въ немъ до самой малости все, что для меня нужно,—даже трубку и табакъ. Необыкновенная предупредительность!

Зная чрезвычайную аккуратность хозяина, я всталъ по утру очень рано и поспѣшилъ одѣться, чтобъ явиться въ кабинетъ къ его величеству. Это было шесть съ половиною часовъ утра. Только что я успѣлъ окончить совсѣмъ свой туалетъ,—вдругъ вижу вошедшаго ко мнѣ графа Алексѣя Андреевича, который очень благосклонно спросилъ меня, какъ я провелъ ночь и доволенъ ли моимъ скромнымъ помѣщеніемъ? Я вѣжливо отблагодарилъ заботливаго хозяина. Вслѣдъ за графомъ принесъ мнѣ буфетчикъ приборъ съ чаемъ и кофе.

— Вотъ вамъ и нашъ деревенскій завтракъ,—сказалъ графъ,—милости просимъ кушать нашего хлѣба и соли, чѣмъ Богъ послалъ въ моемъ уединенномъ пріютѣ.

Графъ присѣлъ, пока я пилъ чай.

— А развѣ трубку вы не будете курить?—спросилъ онъ.

Я отказался, сказавъ, что я долженъ спѣшить въ кабинетъ къ государю, гдѣ меня скоро спросятъ.

— Нѣтъ, вы должны явиться туда ровно въ восемь часовъ,—графъ замѣтилъ благосклонно,—а теперь пойдемте со мною, я вамъ покажу свое хозяйство.

Я за нимъ послѣдовалъ.

Графъ началъ съ своей церкви, которая составляла великолѣпный храмъ, выстроенный на лучшемъ возвышенномъ мѣстоположеніи. Въ церкви, которая заранѣе была отперта и отворена, онъ показалъ мнѣ всю богатую церковную утварь и ризницу и, наконецъ, близъ праваго клироса памятникъ всѣмъ офицерамъ графа Аракчеева полка, павшимъ на полѣ сраженія; а подлѣ лѣваго клироса приготовленную имъ для себя могилу, закрытую мраморною плитою, на коей уже изсѣчена и самая надпись, кромѣ дня кончины. Надъ могилою устроенъ парящимъ бронзовый, густо вызолоченный, Ангелъ, держащій икону Божіей Матери, въ золотой ризѣ; на задней сторонѣ этой иконы по золотой доскѣ вырѣзано подробное описаніе всѣхъ походовъ, въ коихъ участвовалъ лично графъ Аракчеевъ. Предъ этою иконою денно-нощно теплится лампада.

По выходѣ изъ церкви, графъ показалъ мнѣ древній крестъ, водруженный подлѣ алтаря церкви, и чугунную колоннаду съ портикомъ, великолѣпно отдѣланные по повелѣнію императора; въ срединѣ колоннады, на пьедесталѣ, стоитъ статуя апостола Андрея Первозваннаго со крестомъ—произведеніе высокаго художества.

Указавъ мнѣ на зданіе сельской больницы, графъ просилъ меня осмотрѣть оную особенно, съ его медикомъ, коему имъ дано уже о томъ приказаніе.

Потомъ графъ повелъ меня въ свои оранжереи, въ коихъ у него устроенъ маленькій кабинетъ, для занятія государственными дѣлами. Показывая его, онъ мнѣ указалъ на огромную кипу пакетовъ большого размѣра, присовокупивъ, что всѣ эти пакеты надписаны собственною рукою императора; въ нихъ онъ получалъ всѣ важныя дѣла и хранитъ ихъ свято, какъ памятникъ монаршаго довѣрія. Наконецъ, графъ показалъ мнѣ скотный и птичій свои дворы и, проведши въ садъ, показалъ гротъ князя Меншикова, гдѣ поставленъ бюстъ этого знаменитаго вельможи Петра Великаго, на пьедесталѣ коего лежитъ книга,—жизнеописаніе этого сановника. Обширный садъ въ Грузинѣ содержится въ такомъ же порядкѣ и чистотѣ, какъ садъ Царскаго Села,—и это все поддерживается одними дворовыми людьми, для коихъ весь садъ раздѣленъ на участки, и каждый изъ дворовыхъ людей отвѣчаетъ за свой участокъ.

Вынувъ часы, на коихъ было 7 часовъ и 50 минутъ, графъ мнѣ сказалъ:

— Теперь извольте идти къ императору, въ 8 часовъ ровно его величество васъ потребуетъ.

Только что я успѣлъ взойти въ большую залу предъ кабинетомъ, императоръ, позвонивъ, потребовалъ меня. Вошедши въ кабинетъ, я замѣтилъ, что при наружномъ довольствѣ у государя кроется глубокая грусть въ сердцѣ, источникъ и причина коей понятны изъ предшедшаго.

— Quomodo vales?—съ благосклонною улыбкою спросилъ меня императоръ.

Отвѣтивъ: «bene valeo, Avtocrator», я спросилъ его величество: какъ онъ провелъ ночь и что чувствуетъ въ ногѣ?

— Ночь провелъ у добраго хозяина хорошо, а ногу мою прошу посмотрѣть внимательно,—сказалъ мнѣ въ отвѣтъ императоръ.

Раскрывъ повязку, я замѣтилъ въ ногѣ перемѣну не такъ благопріятную. Опухоль была примѣтнѣе и болѣе красна, чѣмъ прежде. Приписавъ эту перемѣну въ ногѣ путешествію изъ Царскаго до Грузина и посыпавъ ногу всасывающимъ порошкомъ, я успокоилъ государя, доложивъ притомъ, что его величеству необходимо сдѣлать прогулку пѣшкомъ.

— Каково ночевалъ ты и обозрѣлъ ли хозяйство здѣшняго хозяина?—спросилъ меня государь.

Отвѣтивъ утвердительно, я прибавилъ, что порядокъ въ домѣ и устройство хозяйства поставляютъ здѣшняго помѣщика на степень самаго опытнаго и благоразумнаго хозяина.

— Да, оно такъ и есть!—сказалъ государь,—у него надобно многому учиться.

Пробывъ въ Грузинѣ двое сутокъ, императоръ съ графомъ Аракчеевымъ отправился для обозрѣнія военныхъ поселеній и прибылъ вечеромъ въ штабъ полка графа Аракчеева.

Штабъ полка расположенъ на берегу Волхова, на прекрасномъ мѣстѣ, состоитъ изъ многихъ каменныхъ корпусовъ и представляетъ цѣлый великолѣпный городъ. Нельзя не удивляться могуществу воли человѣческой при видѣ воздвигнутыхъ подобныхъ городовъ во всѣхъ поселенныхъ полкахъ, въ особенности на такихъ мѣстахъ, гдѣ были, за три года предъ тѣмъ, совершенно дикія и почти необитаемыя мѣста! Каждая рота полка составляетъ превосходную колонію; всѣ дома выстроены на величественномъ берегу Волхова въ одну линію по одному, очень красивому фасаду. Передъ домами устроены бульвары,—дома и эти бульвары содержатся въ отлич-

номъ порядкѣ. Въ каждомъ домѣ помѣщаются двѣ семьи хозяевъ, обращенныхъ въ поселенцы изъ мужиковъ, и каждый хозяинъ обязанъ содержать по нѣскольку постояльцевъ, фронтовыхъ солдатъ, которые помѣщаются отдѣльно—въ мезонинахъ домовъ, и обязаны работать вмѣстѣ съ хозяевами.

Все это прекрасно видѣть по наружности, которая военною дисциплиною поддерживается въ математическомъ порядкѣ, но крайне неестественно, что производитъ скрытный ропотъ въ новообращенныхъ поселенцахъ.

Государь повелѣлъ мнѣ осмотрѣть подробно полковой госпиталь въ штабѣ графа Аракчеева полка, который я нашелъ въ отличномъ положеніи, какъ по хозяйственной, такъ и медицинской части. Устройство и снабженіе госпиталя показываютъ, что тутъ все употреблено съ роскошью. При больныхъ отличная мебель и посуда, тонкое бѣлье и прекрасно устроенные ватерклозеты. При личномъ донесеніи о семъ государю, его величество отозвался, что «здѣсь иначе и быть не можетъ».

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ своихъ товарищей-врачей, которые мнѣ жаловались на суровость и трудность службы и увѣряли меня, что положеніе и бытъ военныхъ поселянъ ужасно стѣснительны и едва выносимы.

На берегахъ Волхова государь осмотрѣлъ полки: графа Аракчеева, короля прусскаго, императора австрійскаго и наслѣднаго принца прусскаго. Устройство, порядокъ и дисциплина вездѣ одинаковы. Потомъ, черезъ Новгородъ, государь отправился для осмотра Старорусскихъ военныхъ поселеній, гдѣ расположены для поселенія карабинерные полки. Здѣсь позже началось введеніе военныхъ поселеній и встрѣтило въ коренныхъ жителяхъ нѣкоторое сопротивленіе, требовавшее усиленныхъ мѣръ, потому особенно, что между коренными жи-

телями много старообрядцевъ, для коихъ новый порядокъ, и особливо бритіе бородъ представлялись пришествіемъ антихриста.

Изъ Старорусскихъ военныхъ поселеній государь возвращался по Бѣлорусскому тракту, чрезъ Романшину, гдѣ былъ ночлегъ. Маркизъ де-Траверсе принялъ императора обычнымъ своимъ порядкомъ. Замѣтно было, что императоръ послѣ осмотра поселеній желалъ здѣсь отдохнуть отъ трудовъ и разсѣять свою грусть. Для этого его величество пробылъ въ Романшинѣ цѣлыя сутки, гулялъ въ саду и ѣздилъ въ экипажѣ по окрестностямъ.

Послѣ двухнедѣльнаго путешествія, которое совершилось вполнѣ благополучно, императоръ, простясь съ графомъ Аракчеевымъ въ Медвѣдѣ, возвратился въ Царское.

Въ началѣ августа 1824 г. при дворѣ разнесся слухъ, что его величество отправится въ путешествіе внутрь имперіи. 12-го августа объявлено, чтобъ особы свиты его величества готовы были къ выѣзду съ государемъ въ путешествіе.

16-го августа, въ восемь часовъ утра, государь выѣхалъ съ барономъ Дибичемъ по Бѣлорусскому тракту; на станціи въ Долговкѣ былъ обѣдъ, а ночлегъ, по обыкновенію, въ Романшинѣ у маркиза де-Траверсе.

Замѣтить слѣдуетъ, что государь, въ своихъ путешествіяхъ по имперіи почти всегда старался объѣзжать Москву мимо. Гг. придворные объясняли это тѣмъ, что его величество тяготился обременительными представленіями, которыя онъ по необходимости долженъ былъ принимать въ древней столицѣ своей. По этой причинѣ маршрутъ до Рязани былъ назначенъ черезъ Псковскую, Смоленскую, Тверскую, Калужскую, Московскую и Тульскую губерніи, по дорогамъ самымъ уединеннымъ. А посему изъ Романшины путешествіе

направлено было через гор. Холмъ на Торопецъ, въ коемъ 18-го августа былъ ночлегъ.

19-го августа ночлегъ былъ въ гор. Бѣломъ, Смоленской губерніи, куда, по выѣздѣ изъ Торопца, мы ѣхали по мѣстамъ лѣсистымъ и болотистымъ, по коимъ была сдѣлана, какъ казалось, вновь дорога для проѣзда императора. Государь осматривалъ подъ Боровскомъ, гдѣ въ 1812 году, во время отечественной войны, было сраженіе съ войсками Наполеона, мѣстоположеніе и оставшіеся слѣды, гдѣ устроены были батареи. Изъ Боровска путь государю лежалъ черезъ Каширу, Зарайскъ, Рязань (23—25-го августа 1824 г.), Тамбовъ (27—28-го августа) въ Пензу (30-го августа).

Въ Пензѣ государь пробылъ четыре дня; осматривалъ всѣ заведенія города, дѣлалъ смотръ войскамъ по частямъ и большіе маневры всему корпусу. Дивизія генерала Сипягина отличилась отъ прочихъ во всѣхъ частяхъ, такъ что государь особенно ею былъ доволенъ и предъ всѣми благодарилъ командующаго оною.

На другой день прибытія императора въ Пензу случилось забавное происшествіе. Назначено было, какъ обыкновенно, представленіе его величеству всѣхъ мѣстныхъ властей. Епархіальный архіерей, долженствовавшій по порядку представиться прежде всѣхъ, собравъ все духовенство города въ соборъ, приказалъ звонить во всѣ колокола и, облачившись въ полное архіерейское облаченіе, отправился изъ соборной церкви съ великолѣпною церковною церемоніею и съ хоругвями прямо къ императорской квартирѣ, чтобъ представиться его величеству самому и представить въ облаченіи свою паству. Усмотрѣвъ изъ окна эту церемонію, шествующую по площади, его величество тотчасъ позвалъ къ себѣ барона Дибича и приказалъ узнать, для чего такая церемонія? Баронъ черезъ посланнаго

фельдъегеря узналъ, что архіерей съ духовенствомъ желаетъ съ такою церемоніею представиться императору, и на томъ именно основаніи, что всѣ, какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники обязаны представиться великому своему монарху въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. Баронъ Дибичъ тотчасъ доложилъ о томъ государю и его величество, замѣтивъ всю несообразность поступка архіерея, повелѣлъ объявить ему, чтобъ онъ возвратился съ этою церемоніею въ соборъ. Для выполненія такого повелѣнія былъ посланъ барономъ Дибичемъ генералъ Соломка, который, замѣтивъ непреклонность архіерея, употребилъ при этомъ хитрость: не обличая нелѣпость поступка архіерея, онъ объявилъ ему, что государю неблагоугодно принять его въ облаченіи у себя, а что его величество желаетъ принять его представленіе въ соборѣ, для чего вскорѣ пожалуетъ самъ въ соборную церковь. Итакъ, эта процессія, приведшая весь городъ въ движеніе, отъ дома губернатора возвратилась въ соборъ. Спустя нѣкоторое время, баронъ Дибичъ послалъ въ соборъ поручика Годефруа объявить архіерею, что его величество не можетъ быть въ этотъ день въ соборѣ, а изволитъ назначить самъ другое для сего время, и чтобы архіерей ожидалъ на то повелѣніе.

Государь, узнавъ подробно о жизни этого архіерея, впослѣдствіи повелѣлъ св. синоду назначить его на покой, а на его мѣсто назначить другого епископа [1]).

---

[1]) Епископомъ въ Пензѣ былъ въ это время извѣстный аскетъ Амвросій (Орнатскій), строго охранявшій церковные интересы и бывшій въ постоянныхъ пеладахъ съ мѣстными гражданскими властями. Это и привело къ увольненію его на покой. Чрезъ два года Амвросій скончался послѣ строгой подвижнической жизни. Преемникомъ его въ Пензенской епархіи былъ епископъИриней (Нестеровичъ), прославившійся впослѣдствіи своимъ «бунтомъ» въ Иркутскѣ.

Изъ Пензы императоръ выѣхалъ 4-го сентября въ Симбирскую губернію и имѣлъ ночлегъ въ гор. Корсунѣ; а 5-го сентября, часу въ седьмомъ пополудни, прибылъ въ Симбирскъ.

Замѣчательно, что государь, при осмотрѣ тюремныхъ замковъ, всегда останавливалъ вниманіе на важныхъ преступникахъ и вникалъ въ ихъ физіономію. Въ симбирскомъ замкѣ содержались отдѣльно и порознь двое разбойниковъ и убійцъ—дядя и племянникъ. Первый былъ атаманомъ шайки и имѣлъ видъ отъявленнаго и закоснѣлаго злодѣя, и на вопросы императора отвѣчалъ отрывисто и безъ всякаго сознанія своего злодѣйства, а послѣдній—парень лѣтъ двадцати двухъ, благовидной наружности, при видѣ государя, залился слезами и сознался, что его вовлекъ въ злодѣйство дядя и погубилъ его. Тутъ же прокуроръ указалъ его величеству преступника, недавно наказаннаго кнутомъ за убійство своей жены. Онъ былъ въ тюремномъ лазаретѣ. Государь повелѣлъ мнѣ осмотрѣть его въ присутствіи его величества. Когда я поднялъ повязку со спины преступника, которая вся была лишена покрововъ и представляла сплошную обширную язву, его величество, при видѣ такихъ ужасныхъ слѣдовъ наказанія, сказалъ: «видно, что мастеръ его не пощадилъ». Физіономія этого несчастнаго не представляла ничего замѣчательнаго.

Между приношеніями жителей Симбирска императору замѣчательны были особенно два живыхъ осетра и нѣсколько стерлядей необыкновенной величины. Они помѣщены были въ огромныхъ ваннахъ, наполненныхъ водою. Государь долго разсматривалъ этихъ обитателей Волги, и былъ очень доволенъ такимъ подаркамъ.

7-го сентября императоръ выѣхалъ изъ Симбирска, измѣнилъ нѣсколько направленіе своего путешествія,

и вмѣсто того, чтобъ ѣхать прямо въ Самару, переправился черезъ Волгу близъ гор. Ставрополя, въ коемъ имѣлъ ночлегъ.

Главная цѣль пребыванія императора въ гор. Ставрополѣ состояла въ томъ, чтобъ осмотрѣть калмыцкое войско, которое составляли осѣдлые и кочующіе въ окрестностяхъ Ставрополя калмыки.

Императору представлялись начальники войсковые и онъ смотрѣлъ и самое войско, собранное подлѣ города и состоящее изъ нѣсколькихъ сотенъ вооруженныхъ калмыковъ. Изъ начальниковъ были штабъ-офицеры, украшенные орденами и участвовавшіе въ кампаніи достопамятнаго 1812 года.

Чтобъ видѣть очаровательную картину нагорной стороны Волги, императору угодно было изъ Ставрополя въ Самару путешествовать Волгою на катерѣ, и это путешествіе по-истинѣ было восхитительно. Погода была самая благопріятная,—и 90 верстъ, по теченію Волги, мы проплыли до Самары только восемь часовъ по выѣздѣ изъ Ставрополя. Экипажамъ же свиты повелѣно было отправиться въ Самару нагорною стороною.

Въ Самарѣ государь ночевалъ 8-го сентября, а 9-го выѣхалъ въ Оренбургскую губернію и ночевалъ въ Бузулукѣ. Отсюда путешествіе продолжалось до самаго Оренбурга пограничною линіею по необозримой степи, на коей въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены такъ называемыя крѣпости, для содержанія небольшого гарнизона. По неимѣнію населенія, 10-го сентября императоръ ночевалъ среди степи въ калмыцкой кибиткѣ, а равно и для всей свиты были приготовлены кибитки; обѣдали на открытой степи.

11-го сентября государь прибылъ въ Оренбургъ и

былъ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ генераломъ Эссеномъ [1]).

Императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ оренбургскаго корпуса. Пѣхотою остался вполнѣ доволенъ, и значительное число рядовыхъ назначилъ въ гвардію, по ихъ росту и благовидности. Но смотръ иррегулярныхъ войскъ былъ чрезвычайно любопытенъ. Этими войсками командовалъ полковникъ Тимашевъ, въ домѣ коего мы съ баронетомъ Виллie квартировали [2]). Все это войско было собрано въ степи близъ Оренбурга и расположено отрядами на обширномъ пространствѣ въ нѣкоторомъ порядкѣ. Государь съ Эссеномъ и полковникомъ Тимашевымъ объѣхалъ сначала всѣ эти разнообразные отряды степныхъ войскъ, потомъ, остановясь на возвышенномъ мѣстѣ, приказалъ Тимашеву скомандовать, чтобъ они прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо его величества.

Едва полковникъ Тимашевъ успѣлъ произнести командованіе, какъ всѣ группы этихъ разнородныхъ войскъ, на степныхъ коняхъ своихъ, пустились во весь карьеръ, безъ всякаго порядка, въ разныя стороны, съ дикими и пронзительными криками, — такъ что сначала казалось это его величеству забавнымъ, а потомъ эти крики усилились до того, что Тимашевъ никакъ не могъ ихъ остановить, и государь, подозвавъ Тимашева, приказалъ остановить эти неистовыя эволюціи, и замѣтилъ при томъ, что если они не слушаютъ команды,

---

[1]) Эссенъ, графъ Петръ Кирилловичъ, впослѣдствіи петербургскій военный губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта (1772—1844).

[2]) Тимашевъ, Егоръ Николаевичъ, при Николаѣ I генералъ-майоръ и наказной атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска. По разсказу А. М. Тургенева, въ неизданной части его «Записокъ», въ ночь 11—12 марта 1801 года онъ оказалъ услугу императору Александру, но скоро затѣмъ его постигла опала.

то такія быстрыя и безпорядочныя движенія легко могутъ произвести опасныя послѣдствія. Полковникъ Тимашевъ увѣрилъ его величество, что ихъ остановить никакъ нельзя и что они сами скоро успокоятся. Такія неистовыя ихъ движенія, по увѣренію Тимашева, означаютъ свойственный имъ восторгъ при видѣ особы его императорскаго величества.

Свѣдѣніе о свойствѣ кумыса сдѣлалось извѣстнымъ императору, и государь поручилъ генералу Эссену къ будущей веснѣ отправить изъ Оренбурга двухъ опытныхъ башкирцевъ съ нѣсколькими кобылицами (дойными), въ Царское Село на ферму съ тою цѣлью, чтобъ они приготовляли тамъ кумысъ для ея величества императрицы Елизаветы Алексѣевны, коей здоровье примѣтно начинало ослабѣвать. Но приготовляемый въ Царскомъ Селѣ кумысъ не оказывалъ такого дѣйствія, какъ въ степяхъ оренбургскихъ, и императрица не имѣла отъ него пользы.

Близъ Оренбурга, въ степи, на берегу Урала въ небольшомъ домѣ, похожемъ на скромную ферму, жилъ съ семействомъ великобританскій миссіонеръ, родомъ изъ Шотландіи. Цѣль его водворенія въ томъ краю состояла въ обращеніи дикихъ тамошнихъ народовъ въ христіанство. У миссіонера была дочь, которая влюбилась въ одного изъ госпитальныхъ фельдшеровъ и вышла за него замужъ, съ согласія ея отца. Я видѣлъ эту чету и отъ всего сердца порадовался ихъ взаимному счастью; оба они пріятной наружности, и фельдшеръ имѣлъ нѣкоторую степень образованія и въ обращеніи былъ очень приличенъ и уменъ. Жена его явилась къ баронету Виллліе, какъ къ земляку, и просила у него позволенія представить ему своего мужа.

Явясь съ мужемъ и бывъ обласкана баронетомъ Вилліе, она представила ему просьбу о производствѣ ея мужа

въ офицерскій чинъ, по тому единственно уваженію, что она дочь почтеннаго миссіонера и для нея крайне непріятно и неприлично быть женою простого фельдшера, и что офицерскій чинъ мужа довершитъ ея счастье. Баронетъ Вилліе довелъ о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, и его величество въ то же время повелѣлъ произвести этого фельдшера въ 14-й классъ. Молодая шотландка чрезвычайно была обрадована такою милостью императора.

Въ 70 верстахъ отъ Оренбурга въ Киргизской степи находится Илецкая Защита,—мѣсто замѣчательное по добыванію тамъ въ большомъ количествѣ поваренной соли въ кристаллахъ, для добыванія коей въ прежнія времена ссылались въ это мѣсто преступники по судебному приговору. Нынѣ это отмѣнено и добываніемъ соли занимаются тамошніе поселяне, которые суть потомки прежнихъ ссыльныхъ и составляютъ уже довольно значительное населеніе. Императоръ посѣтилъ это мѣсто; во время пріѣзда туда его величества, почти по всему протяженію пути стояли безпрерывно киргизы, ихъ начальники и князьки съ ихъ женами и дѣтьми. Всѣхъ ихъ привлекло изъ степи къ дорогѣ любопытство видѣть величайшаго въ мірѣ императора. Съ нѣкоторыми изъ князьковъ и значительныхъ киргизовъ государь разговаривалъ чрезъ переводчика и жаловалъ имъ драгоцѣнные подарки, по ходатайству генерала Эссена.

По осмотрѣ Илецкой Защиты, государь отозвался: «Мѣсто богатое,—жаль что оно не на берегу Волги».

15-го сентября, въ восьмомъ часу утра государь выѣхалъ въ Уфу; на переѣздѣ между Оренбургомъ и Уфою императоръ обѣдалъ въ башкирскомъ аулѣ, въ коемъ онъ былъ встрѣченъ начальствомъ аула. Главный начальникъ предложилъ его величеству свое національное кушанье, называемое у нихъ бишбарманъ,

приготовленное изъ мяса жеребенка съ жиромъ, лукомъ и чеснокомъ. Государь не отказался,—отвѣдавъ самъ, рекомендовалъ и свитскимъ попробовать тутъ же въ его присутствіи и нашелъ самое мясо жеребенка довольно изряднымъ; но приправа дѣлала это кушанье едва сноснымъ. Въ Уфу государь прибылъ 16-го сентября вечеромъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ губернаторомъ Нелидовымъ. 17-го сентября осматривалъ всѣ богоугодныя заведенія и присутствовалъ при разводѣ отъ тамошняго гарнизоннаго батальона, которымъ остался вполнѣ доволенъ, и назначилъ нѣсколькихъ рядовыхъ въ гвардейскій корпусъ, по ихъ высокому росту и благовидности.

Вечеромъ государь былъ на балу, который данъ былъ отъ города. На этомъ балу случилось замѣчательное событіе: жена акушера врачебной управы, въ домѣ коего я квартировалъ и познакомился съ этою дамою, когда началась музыка, приняла смѣлость подойти къ императору и ангажировать его пройти съ нею польскій. Его величество принялъ ея предложеніе и прошелъ нѣсколько съ нею въ польскомъ. Послѣ, подозвавъ губернатора, спросилъ, кто это такая дама?

На другой день, 18-го сентября, по выѣздѣ императора изъ Уфы, его величество позволилъ губернатору его сопровождать до станціи, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ, къ коему приглашенъ былъ и губернаторъ. За обѣдомъ императоръ, благодаря его за гостепріимство, замѣтилъ ему, что уфимскія дамы, къ сожалѣнію, не знаютъ правилъ приличія и даже вѣжливости, и что madame l'Accoucheuse (выраженіе императора) явно показала это своимъ поступкомъ на балу. Государь приказалъ губернатору замѣтить ей это и чтобъ она впередъ была вѣжливѣе въ обществѣ, гдѣ обыкновенно кавалеры ангажируютъ дамъ на танцы.

VII.

Путешествіе по Уралу.—Пребываніе на Златоустовскомъ заводѣ.—Сысертскій горный заводъ.— Екатеринбургъ.— Григорій Зотовъ.— Разговоръ его съ императоромъ.—Пребываніе въ Перми.—Ижевскій оружейный заводъ.— Вятка.— Литургія въ сельской церкви.— Вологда.— Боровичи.—Возвращеніе въ столицу.—Предположеніе о поѣздкѣ государя въ Сибирь.

Послѣ Уфы путешествіе продолжалось по тракту, лежащему при подножіи отроговъ Уральскихъ горъ. Между отрогами Урала есть много частныхъ горныхъ заводовъ—желѣзныхъ и мѣдныхъ; всѣ лежащіе на трактѣ государь осматривалъ и ему были представлены замѣчательныя издѣлія заводовъ.

Продолжая столь трудное путешествіе по Уралу, 21-го сентября государь прибылъ на ночлегъ въ Златоустовскій заводъ, весьма замѣчательный выдѣлываніемъ холоднаго оружія, для коего онъ первоначально и устроенъ. Впослѣдствіи же открыты близъ онаго богатѣйшія золотыя розсыпи, на коихъ найдены самые большіе куски самороднаго золота, изъ коихъ одинъ, во 117 фунтовъ, и составляетъ нынѣ всемірную рѣдкость, хранящуюся въ музеумѣ горнаго петербургскаго корпуса.

Во весь день прибытія въ Златоустовскій заводъ мы могли сдѣлать только 43 версты, и то съ величайшими затрудненіями и опасностью. На спускахъ съ

горъ и при въѣздахъ на вершины ихъ собраны были сотни рабочихъ для сопровожденія нашихъ экипажей. Нельзя было безъ страха видѣть обрывовъ и пропастей между горами, черезъ которые мы должны были переправляться. При всемъ томъ, переѣздъ этотъ совершенъ такъ счастливо, что не случилось никакого непріятнаго приключенія.

На Златоустовскомъ заводѣ императору приготовлено было помѣщеніе въ домѣ горнаго начальника Татаринова. При домѣ поставленъ былъ для его величества почетный караулъ отъ отряда уральскихъ казаковъ, состоящаго при заводѣ, и въ передней государя поставленъ былъ великанъ изъ казаковъ Лучкинъ, который, по повелѣнію его величества, былъ взятъ въ Петербургъ и впослѣдствіи служилъ въ Преображенскомъ полку тамбуръ-мажоромъ. Онъ имѣлъ три аршина и пять вершковъ вышины и притомъ тѣлосложеніе его было совершенно пропорціонально во всѣхъ частяхъ. Этотъ Лучкинъ (впослѣдствіи) по временамъ являлся ко мнѣ, жаловался на свое здоровье, скучалъ по родинѣ и по матери, которая осталась на Уралѣ съ его братьями. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ.

Въ мастерскихъ завода государь очень внимательно разсматривалъ производство работъ, обращалъ вниманіе на удобства и здоровье рабочихъ. Главные мастера были колонисты-нѣмцы; къ нимъ императоръ былъ особенно внимателенъ. Чтобъ узнать ихъ домашній бытъ, его величество посѣтилъ нѣсколько ихъ домовъ и кушалъ ихъ пищу, коею остался совершенно доволенъ. Жены ихъ, нѣмки, очень опрятно одѣты и вѣжливы. Хозяевамъ домовъ, въ коихъ государь былъ, пожаловано по 500 р. ассигн.

Златоустовскій заводъ замѣчателенъ особенно потому, что послѣ французской кампаніи, въ 1816 году,

по повелѣнію его величества, изъ Германіи (Тюрингервальдъ) выписаны были до тридцати семействъ лучшихъ мастеровъ для дѣланія въ Россіи холоднаго оружія и поселены въ лучшемъ мѣстѣ на Уралѣ, въ видѣ колоніи, на счетъ казны. Имъ даны для обученія русскіе заводскіе казенные люди; такимъ образомъ выдѣлка этого рода оружія въ Россіи доведена до возможнаго совершенства.

Кромѣ водворенія этихъ колонистовъ на счетъ казны, имъ предоставлены нѣкоторыя выгоды и льготы. Они поднесли государю лучшіе образцы своихъ издѣлій, коими его величество остался чрезвычайно доволенъ и повелѣлъ первымъ мастерамъ выдать денежныя награды. Одинъ изъ мастеровъ, шестидесятилѣтній старикъ, испросилъ позволеніе отдѣлать для императора шпагу, которую онъ принялъ благосклонно, ибо шпага была превосходной отдѣлки,—и пожаловалъ мастеру 500 р. ассигн.

23-го сентября, по выѣздѣ изъ Златоустовскаго завода, его величество посѣтилъ золотые пріиски близъ Златоуста, осмотрѣлъ производство работъ и видѣлъ самый способъ добыванія золота. Поводомъ къ этому были хранящіеся въ музеумѣ Златоустовскаго завода золотые самородки, которые были представлены его величеству и которые возбудили въ немъ любопытство. По прибытіи на самый пріискъ, на коемъ было до 500 рабочихъ, государь, въ сопровожденіи начальника Татаринова, осмотрѣлъ производство работъ, потомъ, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ вынимается золотоносный песокъ, спросилъ желѣзную лопатку; потомъ, оборотясь къ намъ, свитскимъ, сказалъ: «Господа! милости просимъ испытать этотъ трудъ; и кто что найдетъ, то будетъ принадлежать ему». Подали и намъ также лопатки; государь началъ копать грунтъ, и мы также приступили къ работѣ,

которую продолжали около получаса. Вдругъ одинъ изъ рабочихъ, близъ государя стоявшій, закричалъ: «Самородка!» Поднявъ ее изъ песка, подалъ государю. Его величество, взявъ въ руки отъ рабочаго грубый кусокъ, обросшій разными горными породами, и испытавъ на рукѣ тяжесть онаго, сказалъ: «Дѣйствительно, что-то тяжело;—неужели я одинъ такъ счастливъ?» Потомъ, отдавая кусокъ Татаринову, приказалъ ему удостовѣриться, точно ли это золото? По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это «самородка золота», въ коей, по отдѣленіи всѣхъ посторонних горныхъ породъ, оказалось чистаго золота 8 ф. 17 золотниковъ. Послѣ эту «самородку золота» химически очистили, она получила блестящій видъ и постоянно находилась въ кабинетѣ у императора въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ всегда клалъ ее на бумаги на рабочемъ своемъ столѣ, вмѣсто прессъ-папье.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что весь Уральскій край чрезвычайно заинтересовалъ императора, и онъ особенно полюбилъ жителей этого края, въ коихъ замѣтна особенная оригинальность. Преданность къ монарху и благоговѣйный восторгъ при видѣ его величества выражались у нихъ необыкновеннымъ образомъ. Жители окрестныхъ селеній и прибывшіе за нѣсколько сотъ верстъ со слезами радости и умиленія встрѣчали и сопровождали государя. Чувство восторга и благоговѣнія до того было сильно въ тамошнемъ народѣ, что они, слѣдуя за императоромъ, падали на землю и цѣловали тѣ мѣста, гдѣ онъ проходилъ. Въ нѣскольких мѣстахъ, передъ селеніями на значительное пространство разстилали холсты, приготовляя тѣмъ путь для его шествія.

Нужно замѣтить, что императоръ, послѣ тяжкой своей болѣзни, 1824 года въ январѣ ему приключившейся, во всѣхъ потомъ путешествіяхъ, передъ обѣдомъ, верстъ

за пять или за шесть до станціи, всегда сходилъ съ коляски и шелъ до станціи пѣшкомъ съ барономъ Дибичемъ, приказавъ коляскѣ ѣхать впередъ. Такая прогулка было полезна особенно для его ногъ, которые отъ продолжительнаго сидѣнья въ экипажѣ иногда нѣсколько опухали.

На Златоустовскомъ пріискѣ государь всѣмъ рабочимъ пожаловалъ по два рубля на человѣка и производствомъ работъ остался очень доволенъ.

24-го сентября ночлегъ предназначался по маршруту въ Сысертскомъ горномъ заводѣ, бывшемъ тогда во владѣніи Колтовской Но императоръ, узнавъ, что владѣлица этихъ заводовъ, для пріема его величества и всей свиты, сдѣлала какія-то чрезвычайныя и чрезъ-мѣру затѣйливыя приготовленія, приказалъ приготовить ему ночлегъ на станціи въ селеніи Тюбуцкомъ, о чемъ Колтовская была увѣдомлена отъ барона Дибича чрезъ фельдъегеря. Причиною такой отмѣны было несовсѣмъ выгодное мнѣніе государя о владѣлицѣ Сысертскаго завода.

Колтовская—женщина богатая, образованная по-свѣтски, съ крайне эксцентрическими наклонностями и стремленіями, мать двухъ сыновей Соломирскихъ, какъ было извѣстно, отъ Татищева, бывшаго впослѣдствіи нашимъ посломъ въ Вѣнѣ. Въ настоящемъ случаѣ, г-жа Колтовская, желая удивить всѣхъ своимъ великолѣпнымъ пріемомъ императора, употребила всю свою изысканность, чтобъ приготовить всевозможный комфортъ для императора, и даже для каждаго члена свиты его въ отдѣльности. И все это напрасно!..

На другой день г-жа Колтовская приготовила было великолѣпную встрѣчу императору при въѣздѣ въ Сысертскій заводъ. При многочисленномъ стеченіи народа, она, въ изысканномъ нарядѣ, при великолѣпныхъ, нарочито устроенныхъ тріумфальныхъ воротахъ, сидя

на возвышенной эстрадѣ въ богатыхъ креслахъ, ожидала прибытія его величества. Это было часовъ въ десять утра. Въ домѣ ея былъ приготовленъ роскошный завтракъ, а изъ дому до церкви была устроена особенная галлерея для шествія государя.

Императоръ, не остановясь нимало у тріумфальныхъ воротъ, прямо подъѣхалъ къ церкви, гдѣ, приложась ко святому кресту и принявъ благословеніе отъ священника, продолжалъ свое путешествіе. Такимъ образомъ всѣ приготовленія въ Сысертскомъ заводѣ остались безъ всякаго употребленія, и его величество не обратилъ на нихъ вниманія.

Нѣкоторые изъ свиты, въ числѣ коихъ и я, воспользовались роскошнымъ завтракомъ. Порядочно удовлетворивши свой аппетитъ, выпили шампанскаго за здоровье хозяйки, которая была очень не въ духѣ, и отправились вслѣдъ за императоромъ.

25-го сентября государь прибылъ въ Екатеринбургъ часовъ въ семь пополудни и остановился въ приготовленномъ для него великолѣпномъ домѣ купца Расторгуева, впослѣдствіи Харитонова.

26-го сентября государю представлялись: главный начальникъ горныхъ заводовъ со всѣми чиновниками горнаго вѣдомства, городское начальство и почетное купечество, а также начальники и управляющіе частными горными заводами. Послѣ представленій, государь осматривалъ всѣ заведенія въ городѣ, и былъ всѣмъ вообще совершенно доволенъ; въ особенности онъ обратилъ вниманіе на издѣлія гранильной фабрики. Тутъ директоромъ фабрики поднесены были императору: букетъ цвѣтовъ, отработанный съ изумительнымъ искусствомъ изъ разноцвѣтной яшмы, малахитовая шкатулка, нѣсколько вещей дорогихъ изъ халцедона, аметиста и золотистаго дендрита. Въ то же время директоръ

фабрики Коковинъ представилъ государю огромный кусокъ превосходной яшмы и испросилъ соизволеніе, по представленному чертежу, выточить изъ онаго большую вазу, въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія гранильной фабрики [1]).

Всѣмъ особамъ свиты его величества директоромъ фабрики подарены были разныя дорогія издѣлія, въ томъ числѣ и я получилъ прекрасный изъ малахита прессъ-папье въ видѣ книжки.

Баронетъ Вилліе и я помѣщались въ домѣ замѣчательнаго въ Екатеринбургѣ бывшаго заводскаго правителя, Григорія Зотова, который болѣе двадцати лѣтъ управлялъ Верхъ-Исетскими заводами корнета гвардіи Алексѣя Яковлева и изъ разстроеннаго ихъ положенія довелъ до самаго блистательнаго какъ по устройству и усовершенствованію всѣхъ частей завода, такъ особенно по выдѣлкѣ отличнаго и извѣстнаго по всей Европѣ Яковлевскаго листового кровельнаго желѣза. При управленіи Зотовымъ эти заводы приносили Яковлеву чистаго доходу въ годъ до трехъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Этотъ же Зотовъ открылъ на Уралѣ золото и первый устроилъ механизмъ вымыванія онаго изъ песковъ.

Наружность и осанка Григорія Зотова, при первомъ взглядѣ, обличали въ немъ свѣтлый натуральный умъ, сильный характеръ и геніальную способность въ горномъ производствѣ. Орлиные глаза его показывали необыкновенную проницательность; разговоръ его о дѣлахъ серьезныхъ всегда состоялъ изъ афоризмовъ.

---

[1]) Великолѣпная эта ваза быза окончена отдѣлкою, спустя нѣсколько годовъ послѣ пребыванія Александра I-го въ Екатеринбургѣ, доставлена въ С.-Петербургъ уже въ царствованіе Николая I-го и поставлена въ Эрмитажъ Зимняго дворца. Огромность размѣровъ этой вазы, едва ли не единственной въ свѣтѣ, изумительна. Д. Т.

Высокій ростъ, атлетическое сложеніе, окладистая короткая борода, курчавые съ просѣдью на головѣ волосы и особенное приличіе въ обращеніи—невольно возбуждали къ нему особенное вниманіе и уваженіе. Я съ особеннымъ удовольствіемъ наслаждался его умною бесѣдою, и онъ полюбилъ меня, такъ что все свое свободное время проводилъ со мною. Нельзя не замѣтить въ немъ собственнаго сознанія пріобрѣтенной имъ опытности, отличныхъ способностей и особеннаго такта узнавать людей и направлять всякаго къ сродному ему дѣлу.

26-го же сентября, послѣ обѣда, императоръ осматривалъ находящійся подлѣ самаго Екатеринбурга Верхъ-Исетскій корнета Яковлева заводъ, который красивостью своего устройства, мѣстоположенія и великолѣпными строеніями какъ бы составлялъ лучшій кварталъ Екатеринбурга, съ которымъ онъ соединялся прекрасно устроеннымъ бульваромъ. Государь осмотрѣлъ всѣ подробности этого превосходнаго завода; гранитная, отлично устроенная, плотина на рѣкѣ Исети, обширныя каменныя мастерскія, превосходныя машины для производства многоразличныхъ чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, и въ особенности для выдѣлки кровельнаго листового желѣза, великолѣпный корпусъ для заводскаго училища, великолѣпный заводскій госпиталь изящной архитектуры, снабженный всѣми принадлежностями, даже съ роскошью, на 150 больныхъ,—превзошли всякое ожиданіе его величества и произвели справедливое удивленіе, потому болѣе, что всѣ осмотрѣнные имъ на Уралѣ казенные заводы, по управленію и устройству, были несравненно ниже Верхъ-Исетскаго завода. Въ то время этимъ заводомъ управлялъ воспитанникъ и ученикъ Григорія Зотова,—Китаевъ, ибо Зотовъ, послѣ двадцатилѣтняго управленія заводами, получилъ увольненіе отъ своего господина Яков-

лева и жилъ въ Екатеринбургѣ свободнымъ гражданиномъ.

Осмотрѣвъ заводъ во всей подробности, государь спросилъ: «Кто довелъ Верхъ-Исетскій заводъ до такого примѣрнаго состоянія?»

Полицеймейстеръ екатеринбургскій донесъ его величеству, что настоящимъ устройствомъ и порядкомъ заводъ обязанъ заводскому мастеру Григорью Зотову, управлявшему имъ болѣе двадцати лѣтъ.

— Гдѣ же этотъ Зотовъ?—спросилъ государь.

— Здѣсь, въ Екатеринбургѣ,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

По осмотрѣ заводскаго госпиталя, который дѣйствительно былъ въ превосходномъ положеніи, его величество отозвался: «Все здѣсь отлично устроено, и мнѣ остается сожалѣть, что я не могу содержать такъ больныхъ моихъ солдатъ».

При осмотрѣ завода императоръ, замѣтивъ въ многочисленной толпѣ народа сановитаго купца, украшеннаго двумя золотыми медалями, подозвалъ его къ себѣ, и спросилъ—кто онъ таковъ?

— Градской голова гор. Тобольска,—отвѣчалъ купецъ весьма почтительно:—пріѣхалъ сюда за пятьсотъ верстъ, чтобы наглядѣться на ваше императорское величество.

Государю былъ пріятенъ такой отвѣтъ. Государь, подозвавъ его къ себѣ, спрашивалъ о гор. Тобольскѣ, жителяхъ и вообще о странѣ Западной Сибири. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ основательно и, замѣтивъ, что его отвѣты удовлетворяли ожиданію императора, онъ очень прилично спросилъ самого государя: «Не угодно ли вашему величеству осчастливить нашъ Тобольскъ своимъ посѣщеніемъ?» Государь благоволительно отозвался:

«Радъ и готовъ бы къ вамъ побывать; но въ Петербургъ пріѣхала изъ-за границы сестра моя Марья Павловна и императрица проситъ меня поспѣшить возвращеніемъ къ нимъ;—итакъ, это оставимъ до будущаго времени».

Государь при осмотрѣ Верхъ-Исетскаго завода, узнавъ, что онъ устроенъ и доведенъ до такой степени совершенства заводскимъ бывшимъ мастеромъ Григорьемъ Зотовымъ, проживающимъ въ Екатеринбургѣ, повелѣлъ барону Дибичу представить ему этого Зотова.

На другой день, 27-го сентября, въ семь часовъ пополудни, баронъ Дибичъ приказалъ Зотову явиться къ себѣ и въ то же время представилъ его императору. Его величество его принялъ у себя въ кабинетѣ. Зотовъ пробылъ у государя полтора часа. Самъ Зотовъ объ этомъ счастливомъ для него событіи разсказалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ слѣдующимъ образомъ:

«Сегодня Богъ благословилъ меня величайшимъ счастьемъ въ жизни моей. Великій нашъ государь изволилъ меня недостойнаго удостоить принятіемъ у себя въ кабинетѣ, куда привелъ меня генералъ Дибичъ. Оставивъ меня въ кабинетѣ, императоръ приказалъ генералу Дибичу идти къ себѣ. Когда камердинеръ отворилъ дверь кабинета для моего входа, я увидѣлъ императора стоящимъ среди кабинета;—я почтительно поклонился великому монарху и хотѣлъ поцѣловать его августѣйшую руку;—но государь, остановивъ меня, сказалъ: «здравствуй, Зотовъ!»

— Здравствовать желаю вашему величеству на многія лѣта,—осмѣлился сказать на это.

Императоръ спросилъ, кто я и откуда родомъ?

— Родился и выросъ здѣсь на заводѣ,—отвѣчалъ я,

былъ сначала кричнымъ мастеромъ [1]), старался практически изучать горное дѣло во всей его обширности, въ чемъ пріобрѣлъ довольно опытности, а наконецъ я столь былъ счастливъ, что сумѣлъ много сдѣлать новыхъ усовершенствованій и полезныхъ открытій. Чрезъ это я пріобрѣлъ довѣренность заводскихъ людей и самого владѣльца, который и поручилъ мнѣ главное управленіе всѣми его заводами. Въ продолженіе двадцати лѣтъ я исполнялъ эту обязанность по моему крайнему разумѣнію, и довелъ заводы до такого положенія, въ коемъ ваше величество изволили ихъ видѣть. Они теперь владѣльцу приносятъ три милліона рублей чистаго доходу въ годъ».

Выслушавъ все это, императоръ подошелъ ко мнѣ ближе, положилъ свою лѣвую руку на мое правое плечо и, обративъ свой проницательно-милостивый взоръ на меня, началъ спрашивать:

— Любезный Зотовъ, скажи мнѣ истинную причину, почему мои заводы здѣсь всѣ вообще гораздо хуже частныхъ заводовъ, и въ особенности Верхъ-Исетскаго?

Отвѣтъ. На казенныхъ заводахъ много начальниковъ и заводскіе люди въ большой нуждѣ; ибо задѣльная плата весьма недостаточна. А у насъ на заводѣ начальникъ одинъ, хорошо знаетъ каждаго рабочаго, знаетъ его нужды и способности, и задѣльная плата вдвое больше, чѣмъ на заводахъ казенныхъ.

Вопросъ. Можно ли казенные заводы поставить въ лучшее положеніе и что для сего нужно?

---

[1]) Кричное мастерство есть самое трудное на горныхъ заводахъ; кричный работникъ исключительно занимается у самаго горна кованіемъ желѣза въ большихъ массахъ, а потому для этого назначаются мастеровые самые сильные и смышленые. Д. Т.

Отвѣтъ. Очень можно и нетрудно; для сего нужна высочайшая воля вашего величества, и для каждаго завода опытный и добросовѣстный начальникъ.

Вопросъ. Получая столько вѣковъ сокровища изъ вашего Урала, естественно, мы уже много истощили его запасы?

Отвѣтъ. Будьте спокойны, государь, насчетъ богатствъ нашего Урала; доселѣ мы только слегка поцарапали хребетъ его, а хранящіяся въ нѣдрахъ его сокровища не истощатся въ продолженіе многихъ вѣковъ, и до многихъ изъ нихъ еще нескоро достигнутъ руки и силы человѣческія.

Вопросъ. Чѣмъ ты теперь занимаешься?

Отвѣтъ. Нѣкоторыми собственными дѣлами; но въ особенности возстановленіемъ упадшихъ заводовъ Расторгуева, доставшихся въ наслѣдство двумъ его дочерямъ; на одной,—меньшой, женатъ мой сынъ.

Вопросъ. Давно ли здѣсь открыто въ розсыпяхъ самородное золото, и кто его открылъ?

Отвѣтъ. Въ разныхъ разрушенныхъ горныхъ породахъ, съ годъ назадъ, стали замѣчать слабые признаки золота. Это возбудило мое любопытство, и я началъ производить изслѣдованіе и розыски, и, наконецъ, чрезъ простое промываніе удалось мнѣ получить нѣсколько золотниковъ чистаго золота въ видѣ крупинокъ. За мною приступили и другіе къ развѣдыванію породъ и отыскиванію золота, а нынѣ уже на многихъ заводахъ—казенныхъ и частныхъ, получаютъ его въ постепенно увеличивающемся количествѣ. По моему замѣчанію, самое богатое здѣсь золотомъ, близъ Златоустовскихъ заводовъ, то мѣсто, гдѣ ваше величество изволили найти самородку, которая украшаетъ императорскій кабинетъ вашъ. Нынѣ мнѣ удалось устроить особый механизмъ, коимъ золотосодержащія горныя породы или пески про-

мываются скоро, удобно и съ большимъ облегченіемъ для рабочихъ. Я предвижу, что добываніе этимъ способомъ золота у насъ на Уралѣ въ скоромъ времени распространится въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ легокъ, и при хорошемъ содержаніи золота въ породахъ очень выгоденъ. Вашему величеству извѣстно, что въ семнадцати верстахъ отсюда, съ давнихъ временъ добывалось золото въ шахтахъ на значительной глубинѣ, откуда доставались золотосодержащія породы и разрушались рабочими для полученія золота. Мѣсто это называется Березовъ:—сюда ссылались для работъ важные преступники, какъ нынѣ ихъ ссылаютъ въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Нынѣ въ Березовѣ совсѣмъ нѣтъ работъ, ибо всѣ шахты затоплены водою.

Вопросъ. Я слышалъ, что ты держишься раскола и упорствуешь въ немъ?

Отвѣтъ. Не смѣю скрывать передъ вашимъ величествомъ, что я старообрядецъ; но въ нашемъ обрядѣ ничего нѣтъ вреднаго, а тѣмъ менѣе противнаго православной церкви. Къ намъ перешло это отъ отцовъ нашихъ. Изъ усердія къ церкви, мы построили для служенія каменный храмъ, отдѣлали и украсили его; но намъ не позволяетъ епархіальное начальство поставить святые кресты на главы этого храма.

По выслушаніи этого, государь изволилъ мнѣ милостиво сказать:

— Если въ вашихъ старыхъ обрядахъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего вреднаго для церкви нашей, то я позволю вамъ поставить кресты на главахъ храма вашего».

Зотовъ все это разсказывалъ мнѣ съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ безпредѣльной преданности и благоговѣнія къ особѣ его величества.

«Я не могу передать—сказалъ мнѣ Зотовъ,—сколь велика милость и благоволеніе монарха ко мнѣ, недо-

стойному. По моей просьбѣ, онъ простилъ и повелѣлъ возвратить на заводы Расторгуева 90 человѣкъ заводскихъ людей, несправедливо сосланныхъ въ Сибирь, будто бы за бунтъ, коего совсѣмъ не было; я поручился за доброе поведеніе этихъ несчастныхъ, которые, по возвращеніи, во всю жизнь будутъ благословлять имя великаго нашего монарха».

Въ заключеніе нашей бесѣды, Зотовъ прибавилъ, что государь весьма о многомъ его разспрашивалъ насчетъ улучшенія горной части на Уралѣ и повелѣлъ ему изложить свое мнѣніе и всѣ предположенія къ усовершенствованію этой части и прислать въ Петербургъ къ его величеству прямо въ собственныя руки, и даже разрѣшилъ его писать и доносить такимъ образомъ обо всемъ, что онъ только для горной части найдетъ нужнымъ и полезнымъ.

Все, что Зотовъ мнѣ разсказывалъ, было вполнѣ справедливо. 28-го сентября я былъ, въ числѣ другихъ, приглашенъ къ его величеству на обѣдъ, на коемъ были также и главные горные начальники. Въ то время, по случаю смерти главнаго горнаго начальника хребта Уральскаго, должность его исправлялъ старшій по немъ горный чиновникъ полковникъ Осиповъ. Сему послѣднему, во время обѣда, государь замѣтилъ, почему онъ не представилъ его величеству столь извѣстнаго здѣсь и опытнаго въ горномъ дѣлѣ Зотова? Г. Осиповъ, бывшій въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Зотовымъ, отвѣчалъ на это неудовлетворительно,—сказавъ, что онъ не принадлежитъ къ числу гражданъ здѣшнихъ. Его величество на это замѣтилъ: «Очень жаль, что здѣшнее горное начальство доселѣ не обратило вниманія на столь опытнаго въ горномъ дѣлѣ и столь полезнаго человѣка. Въ продолженіе одного часа я узналъ отъ этого Зотова гораздо болѣе о положеніи здѣшняго горнаго производства,

нежели во все мое путешествіе по Уралу. Довольно видѣть Верхъ-Исетскій заводъ, чтобъ вполнѣ оцѣнить опытность Зотова, если справедливо, что все устройство этого лучшаго здѣсь завода произвелъ одинъ Зотовъ, двадцать лѣтъ управлявшій онымъ».

Григорій Зотовъ до такой степени обратилъ на себя монаршее вниманіе, что его величество писалъ о немъ императрицѣ, что въ первый разъ въ жизни онъ встрѣтилъ мужика съ такимъ свѣтлымъ умомъ и опытностью во всѣхъ отрасляхъ горнаго искусства.

Его величество пребываніемъ своимъ въ Екатеринбургѣ остался весьма довольнымъ.

Выѣзжая изъ онаго въ обратный путь въ Россію, 28-го сентября въ шесть часовъ пополудни, государь остановился у горной лабораторіи, гдѣ въ присутствіи его величества одинъ пудъ расплавили добытаго на Уралѣ зернистаго золота, вылили его въ форму и въ то же время произвели пробу, по коей золото оказалось высшаго качества и чистоты.

Распростившись весьма благосклонно съ жителями Екатеринбурга, его величество прибылъ на ночлегъ въ Билимбаевскій заводъ, принадлежащій гр. Строгановымъ.

29-го сентября государь все утро занимался отправленіемъ курьера въ Петербургъ и, отобѣдавъ въ 12 часовъ, отправился по тракту въ Пермь, куда прибылъ на ночлегъ 30-го сентября.

1-е и 2-е октября императоръ пробылъ въ Перми и осмотрѣлъ всѣ богоугодныя заведенія, военный госпиталь и батальонъ военныхъ кантонистовъ. Послѣдними двумя заведеніями его величество не совсѣмъ былъ доволенъ, особенно помѣщеніемъ военныхъ кантонистовъ, которое, при многихъ неудобствахъ, было весьма ветхо.

Въ Перми мы встрѣтили осень: наступила пасмурная, холодная и дождливая погода, которая неблаго-

пріятно подѣйствовала на здоровье государя вообще и особенно на пострадавшую его ногу. Впрочемъ, это болѣе происходило отъ помѣщенія его величества въ губернаторскомъ домѣ, который не былъ приготовленъ для принятія государя надлежащимъ образомъ, ибо былъ сыръ и холоденъ. Приняты были всѣ предосторожности, и здоровье его величества вскорѣ возстановилось, кромѣ небольшой припухлости ноги, которая въ продолженіе путешествія скоро совсѣмъ прошла.

4-го октября его величество прибылъ на ночлегъ въ Ижевскій оружейный заводъ, гдѣ былъ встрѣченъ начальниками завода и инспекторомъ оружейныхъ заводовъ генераломъ Керномъ.

5-го октября государь осматривалъ заводъ во всей подробности. Производствомъ работъ, механизмомъ и отдѣлкою оружія остался совершенно довольнымъ. Управляющій заводомъ поднесъ его величеству два охотничьихъ ружья и пару пистолетовъ превосходной отдѣлки. Весь механизмъ оружейнаго производства приводится въ движеніе силою воды, которая отъ небольшой рѣчки накопляется, посредствомъ весьма высокой и длинной плотины, въ огромнѣйшемъ бассейнѣ, имѣющемъ въ окружности около двадцати верстъ. Эта масса стоячей воды, какъ съ вѣроятностью заключить можно, и составляетъ главную причину нерѣдко возникающихъ здѣсь эпидемій лихорадокъ и цынги.

6-го октября, рано по утру, государь выѣхалъ изъ Ижевскаго завода по тракту въ Вятку, куда и прибылъ 8-го октября на ночлегъ.

По выѣздѣ изъ Ижевскаго завода, 7-го октября, выпалъ небольшой снѣгъ, при 4 гр. мороза. Государь приказалъ приготовить для себя сани. Несмотря на всѣ затрудненія, полковникъ Соломка, завѣдывающій дорожными экипажами, успѣлъ отыскать какія-то древнія

большія сани, обилъ ихъ богатымъ персидскимъ ковромъ, сдѣлалъ медвѣжье покрывало, и его величество очень былъ доволенъ, что могъ путешествовать зимнимъ путемъ. Всѣмъ прочимъ особамъ свиты также приготовлены простыя сани; такимъ образомъ путешествіе продолжалось скоро и пріятно. Всѣмъ лѣтнимъ экипажамъ приказано слѣдовать отдѣльно, держась въ небольшомъ разстояніи отъ свиты.

8-го октября наступила оттепель, снѣгъ началъ быстро таять и зимній нашъ любимый путь до того испортился, что мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Вятки въ саняхъ.

Государь управленіемъ Вятскою губерніею остался очень недовольнымъ. Сенаторы: князь Долгоруковъ и Дурасовъ, которые тогда производили ревизію Вятской губерніи, вслѣдствіе многихъ доносовъ о злоупотребленіяхъ, донесли его величеству, что нѣкоторые изъ доносовъ оказались справедливыми, и что гражданскій губернаторъ Добрынскій оказывается виновнымъ въ допущеніи, и даже въ участіи нѣкоторыхъ важныхъ злоупотребленій. Государь тогда же повелѣлъ: губернатора, отрѣшивъ отъ должности, предать суду правительствующаго сената, исправленіе его должности поручить вице-губернатору Ермолаеву, впредь до назначенія вятскаго губернатора, а ревизію губерніи окончить и донести его величеству. Всѣ заведенія въ Вяткѣ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи.

Въ Вяткѣ государь пробылъ два дня и 11-го октября выѣхалъ по тракту въ Вологду. Во время пребыванія его величества въ Вяткѣ зимній путь совсѣмъ испортился, такъ что путешествіе продолжалось въ коляскахъ, по мѣстамъ малонаселеннымъ и лѣсистымъ, гдѣ дороги, при всѣхъ усиліяхъ мѣстныхъ начальствъ, были неудобны и затруднительны.

12-го октября былъ день праздничный; государь слушалъ обѣдню въ сельской церкви, въ коей пѣніе клироса было крайне неблагозвучно, такъ что свитскому регенту Берлинскому государь сдѣлалъ за то строгое замѣчаніе.

Въ этотъ день для почлега государю въ сэлѣ Ильинскомъ, по неимѣнію приличнаго помѣщенія, былъ приготовленъ нарочно выстроенный небольшой домикъ. Государь, по прибытіи на ночлегъ, потребовалъ меня—осмотрѣть ногу. Я тотчасъ по пріѣздѣ явился къ государю и перемѣнилъ повязку на ногѣ, которая, впрочемъ, была въ совершенно удовлетворительномъ положеніи. Когда я хотѣлъ откланятся и пожелать покойной ночи, его величество меня спросилъ, доволенъ ли я былъ служеніемъ литургіи въ тотъ день?

— Не совсѣмъ,—откровенно доложилъ я его величеству,—особенно нехорошо пѣли на клиросѣ причетники.

— Точно такъ, и я былъ очень недоволенъ,—скзалъ государь. Берлинскій оправдывался тѣмъ, что изъ здѣшнихъ причетниковъ онъ решительно не можетъ составить сколь-нибудь приличнаго хора. Чтобъ избѣжать подобнаго козлогласованія, въ будущую обѣдню мы составимъ свой хоръ, который, надѣюсь, будетъ несравненно лучше. Ты знаешь церковное пѣніе?—спросилъ меня государь

— Въ молодости пѣвалъ,—отвѣчалъ я.

— Итакъ,—сказалъ государь положительно,—будущую обѣдню хоръ новый составлять будутъ: я, ты и Берлинскій!

Откланявшись, я оставилъ его величество, не совсѣмъ довѣряя, чтобъ мнѣ прилось пѣть на клиросѣ.

Черезъ день, т. е. 14-го октября, былъ праздникъ и обѣдня назначена была также въ сельской церкви;

Государь ѣхалъ нѣсколькими верстами впередъ свиты. Пріѣхавъ прямо въ церковь, куда также вошли нѣкоторые свитскіе, и усмотрѣвъ, что меня нѣтъ, приказалъ барону Дибичу тотчасъ послать за мною фельдъегеря, который встрѣтилъ меня версты за двѣ отъ церкви и объявилъ, что меня требуетъ императоръ. Пересѣвъ на телѣжку съ фельдъегеремъ, я поспѣшилъ выполнить повелѣніе. По пріѣздѣ въ село, я прямо вошелъ въ церковь; литургія только что начиналась; баронъ Дибичъ, увидѣвъ меня, тотчасъ доложилъ государю; его величество, оборотясь, подалъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я становился на клиросъ, гдѣ находился только одинъ Берлинскій; самъ же императоръ стоялъ, какъ и всегда, подлѣ праваго клироса. Г. Берлинскій, не будучи предваренъ, былъ крайне удивленъ моимъ помѣщеніемъ на клиросѣ. Итакъ, началось пѣніе; императоръ пѣлъ баритономъ, который у него былъ очень чистъ и пріятенъ, я—вторымъ теноромъ, а Берлинскій—первымъ теноромъ,—и это тройственное пѣніе всей литургіи, къ удивленію всѣхъ, такъ происходило удачно и пріятно, что превзошло мое ожиданіе.

По окончаніи литургіи, государь, по всегдашнему его обыкновенію, помолясь благоговѣйно въ послѣдній разъ, приложился къ святому кресту и принялъ отъ священника просфору. Потомъ, откланявшись всѣмъ бывшимъ въ церкви, обратился ко мнѣ, и съ благосклонною улыбкою сказалъ: «Пѣніе литургіи было очень хорошо; новый составъ хора вполнѣ удался, для путешествующихъ нельзя желать лучшаго пѣнія; да ты, Дмитрій Климентьевичъ, прекрасно знаешь церковное пѣніе; я очень благодаренъ, а теперь милости просимъ вмѣстѣ хлѣба-соли кушать».

При выходѣ изъ церкви, обратились ко мнѣ съ удивленіемъ баронъ Дибичъ и баронетъ Вилліе; послѣдній выхвалялъ меня до небесъ, какъ вообще, такъ осо-

бенно за вновь открытый во мнѣ талантъ пѣнія. Я съ прочими явился къ императорскому столу, и его величество въ теченіе обѣда неоднократно отдавалъ мнѣ справедливость въ знаніи церковнаго пѣнія, а также и пріятности моего голоса, и притомъ повелѣлъ, чтобъ въ путешествіи я всегда пѣлъ на клиросѣ, что я и выполнялъ всегда. Съ этого времени я постоянно приглашался къ столу его величества во всѣхъ послѣдующихъ путешествіяхъ.

16-го и 17-го октября государь пробылъ въ Вологдѣ и занимался осмотромъ всѣхъ заведеній, а также депешами, привезенными въ Вологду фельдъегеремъ изъ Петербурга. Здѣсь государь измѣнилъ свой маршрутъ и вмѣсто того, чтобъ выѣхать на Тихвинъ, назначилъ путешествіе по тракту на Боровичи, чтобъ выѣхать на московскій трактъ въ гор. Крестцахъ.

Населеніе Вологды незначительно; большую часть жителей составляютъ купцы и мѣщане,—помѣщиковъ немного, впрочемъ на данномъ императору балу нѣсколько было дворянскихъ семействъ, образованныхъ и со вкусомъ.

Въ это время въ Вологдѣ—въ монастырѣ проживалъ епископъ иркутскій, который, по случаю неприличной его сану ссоры съ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, по высочайшему повелѣнію, былъ удаленъ оттуда, лишенъ паствы и проживалъ въ Вологдѣ подъ надзоромъ тамошняго архіерея. Императоръ отказалъ ему въ позволеніи представиться его величеству [1]).

---

[1]) Тарасовъ ошибается въ этомъ случаѣ, вспоминая о «бунтѣ» архіепископа Иринея и относя его къ этому времени. Ириней сосланъ былъ въ Вологду, послѣ извѣстнаго своего столкновенія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ, въ царствованіе Николая I.

18-го октября въ 8 часовъ утра государь оставилъ Вологду и имѣлъ ночлегъ въ гор. Череповцѣ, Новгородской губерніи; осенняя дождливая погода мѣстами попортила дороги, отчего путешествіе затруднялось. Посему переѣзды назначены были небольшіе. 19-го октября ночлегъ былъ въ гор. Устюжнѣ, по выѣздѣ изъ коей государь обѣдалъ на станціи Пѣстовѣ очень рано, въ 10 часовъ утра, тогда какъ почти ни у кого изъ свитскихъ еще не было хорошаго аппетита. Особенно замѣчательно въ императорѣ было то, что онъ въ путешествіяхъ могъ обѣдать и въ 9 часовъ утра, и въ 5 пополудни съ одинаковымъ аппетитомъ, и въ послѣднее время всегда кушалъ только три блюда.

По выѣздѣ изъ станціи Пѣстова застигла насъ на пути ужасная погода,—сильный дождь со снѣгомъ и вѣтромъ. Скорая ѣзда по испортившейся дорогѣ была невозможна; вся свита разъединилась на большое разстояніе, по причинѣ большой и топкой грязи, образовавшейся на вновь сдѣланной насыпной дорогѣ. Къ довершенію такихъ затрудненій путешествія, съ пяти часовъ вечера начался морозъ, смѣнившій дождь со снѣгомъ, и достигъ въ короткое время до семи градусовъ по Реомюру. Грязь, замерзая, налипала на колеса экипажей, и тяжелѣйшіе изъ нихъ вынуждены были ночевать на дорогѣ среди поля. Между прочимъ, такая горькая участь пала на коляску метръ-д'отеля Миллера, получившаго повелѣніе императора приготовить обѣдъ въ гор. Боровичахъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ 20-го октября.

Императоръ, при всѣхъ усиліяхъ, на лучшихъ лошадяхъ съ трудомъ могъ прибыть на ночлегъ во второмъ часу за полночь, а мы съ баронетомъ Вилліе едва-едва дотащились уже на разсвѣтѣ—часу въ шестомъ утра.

21-го октября былъ праздникъ; государь слушалъ обѣдню въ соборной церкви. Послѣ представлялись его

величеству г. предводитель дворянства, служащіе чиновники и почетные граждане и купцы. Было уже около полудня, но метръ-д'отель Миллеръ еще не прибылъ. Баронъ Дибичъ былъ въ большомъ затрудненіи насчетъ обѣда, котораго было некому приготовить для государя. Составили между свитскими совѣтъ, въ коемъ и я участвовалъ, и положено поручить приготовленіе обѣда поручику Годефруа (фельдъегерь при императорѣ). Обѣдъ, по собраннымъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, долженъ былъ состоять: первое, изъ стерляжьей ухи, второе, поросенка подъ галантиромъ; третье, разварного судака; четвертое, жареныхъ рябчиковъ и, пятое, изъ дессерта, состоящаго изъ разныхъ фруктовъ, какіе только можно было найти въ Боровичахъ. Годефруа порученіе свое выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ; въ четвертомъ часу государь кушалъ этотъ импровизованный обѣдъ съ аппетитомъ и остался имъ совершенно доволенъ, такъ что новый метръ-д'отель заслужилъ благодарность его величества и общую нашу. Государь, по такимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, особенно за неприбытіемъ Миллера, и 21-го октября ночевалъ въ Боровичахъ. Послѣ обѣда его величество ѣздилъ для осмотра нѣкоторыхъ Боровицкихъ пороговъ, чрезъ которые проходятъ барки съ хлѣбомъ, доставляемымъ въ Петербургъ.

Уже вечеромъ 21-го октября метръ-д'отель Миллеръ едва могъ прибыть въ Боровичи съ своею кухонною коляскою, которую двадцать лошадей съ большимъ трудомъ могли дотащить. Онъ, получивъ приказаніе государя, отправился въ ночь по тракту въ гор. Крестцы, а его величество 22-го октября оставилъ Боровичи и прибылъ въ Крестцы къ обѣду, гдѣ имѣлъ и ночлегъ.

23-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ графомъ Аракчеевымъ, прибывшимъ изъ Грузина. На другой день, оставивъ Нов-

городъ въ часу десятомъ утра, его величество прибылъ благополучно въ Царское свое Село въ одиннадцатомъ часу вечера, въ благопріятномъ положеніи здоровья; а 25-го октября обрадовалъ своимъ возвращеніемъ столицу и всю августѣйшую свою фамилію, а въ особенности столь нѣжно имъ любимую августѣйшую сестру Марію Павловну, прибывшую изъ Веймара съ дѣтьми.

Итакъ, это продолжительное путешествіе въ отдаленныхъ краяхъ имперіи окончилось благополучно. Его величество особенно былъ доволенъ тѣмъ, что ознакомился съ невидѣнными имъ до того краями Россіи. Главное его величества вниманіе обратилъ на себя богатый сокровищами Уралъ, гдѣ онъ видѣлъ всѣ богатства Урала, минеральную его производительность и узналъ хорошо особенный характеръ и бытъ народа, населяющаго величественный Уралъ.

Съ окончаніемъ этого путешествія, его величество предположилъ путешествіе во внутренность Сибири до Иркутска. На каковой конецъ дано было тогда секретное повелѣніе генеральному штабу заняться осмотромъ дорогъ и составленіемъ подробнаго маршрута, который, какъ было извѣстно впослѣдствіи, долженъ быть составленъ по двумъ трактамъ,—чрезъ Уралъ на Тобольскъ, и чрезъ Астрахань прямо въ Иркутскъ. Исполненіе этого высочайшаго повелѣнія поручено было офицерамъ генеральнаго штаба Шенигу и Венцелю и нѣкоторымъ другимъ.

VIII.

1825 годъ.—Слабость здоровья императрицы Елизаветы.—Путешествіе императора въ Варшаву.—Ружаны.—Брестъ-Литовскъ. — Генералъ-майоръ Пусловскій.—Встрѣча въ Варшавѣ.—Открытіе засѣданій сейма.—Путешествіе по Польшѣ.—Возвращеніе въ Варшаву и закрытіе сейма.—Рѣчь сейму императора.—Обратный путь въ Петербургъ.—Ковно.—Баускъ.—Рига.—Ревель.

Наступилъ 1825 годъ. Здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны начало видимо слабѣть и возбуждать безпокойство государя и всей императорской фамиліи. Въ этотъ же годъ назначенъ былъ срочный сеймъ въ Варшавѣ. Многократныя совѣщанія лейбъ-медиковъ о положеніи здоровья императрицы привели къ заключенію, что для возстановленія ея здоровья необходимо избрать для ея пребыванія мѣсто въ южномъ краю имперіи, чтобъ предохранить отъ неблагопріятнаго вліянія на нее сѣвернаго климата.

Государь предположилъ предпринять прежде, съ открытіемъ весны, путешествіе въ Варшаву; а въ концѣ лѣта путешествовать съ императрицею.

Въ началѣ марта было объявлено секретно высочайшее повелѣніе приготовляться къ путешествію въ Варшаву.

4-го апрѣля, на третій день Пасхи, назначенъ былъ выѣздъ въ путешествіе изъ Царскаго Села. Доложивъ

на Страстной недѣлѣ баронету Виллie предварительно обо всемъ, что нужно по его управленію для путешествія, я ко дню Пасхи все приготовилъ по канцеляріи и былъ совсѣмъ наготовѣ въ путь. Между прочимъ испросилъ у баронета Виллie позволеніе, вмѣстѣ съ другими дѣлами, взять большое представленіе о наградахъ военныхъ врачей, которое онъ долго не рѣшался представить начальнику главнаго штаба для высочайшаго доклада.

Такимъ образомъ, при полномъ распольи и разливѣ рѣкъ, 4-го апрѣля, еще по снѣгу, его величество выѣхалъ изъ Царскаго въ 7½ часовъ утра. Былъ небольшой утренній морозъ и гололедица. На станціи Долговкѣ былъ обѣдъ, а ночлегъ обыкновенно въ Романшинѣ у маркиза де-Траверсе. Чѣмъ болѣе мы удалялись отъ Царскаго Села, тѣмъ дорога дѣлалась затруднительнѣе по причинѣ быстраго таянія снѣга и разлива рѣчекъ, такъ что на другой день, 5-го апрѣля, свита съ большимъ трудомъ могла достигнуть ночлега, на станціи Боровичи. Но самое важное препятствіе встрѣтилось въ гор. Суражѣ, при переправѣ чрезъ р. Двину, на которой ледъ еще не прошелъ, хотя окраины были очень уже обширны. Для переправы свиты его величества чрезъ всю Двину былъ прорубленъ ледъ на такое пространство, чтобъ можно было переправиться на паромѣ. Переправа эта, несмотря на вечерній сумракъ, совершилась благополучно, безъ малѣйшаго приключенія. Ночлегъ былъ въ гор. Суражѣ. Отселѣ началась несносная въ путешествіи грязь, послѣ стаянія снѣгу, котораго уже нигдѣ не было замѣтно. Отъ Витебска до Орши грязь была невыносимая, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ экипажи увязли въ грязи и вытаскиваемы были посторонними людьми. Самъ императоръ неоднократно выходилъ изъ коляски и шелъ пѣшкомъ. Выѣхавъ изъ Орши, гдѣ былъ ночлегъ 9-го апрѣля, мы съ восторгомъ

встрѣтили первые признаки начинающейся весны; грязи уже не было, дорога просыхала и мѣстами уже начинали зеленѣть поля. Погода была теплая, ясная—настоящая весенняя. Около гор. Борисова, на переѣздѣ чрезъ р. Березину, мы снова встрѣтили большую грязь, не на большое разстояніе; зато по всей Минской губерніи сопровождала наше путешествіе начинающаяся весна.

На станціи Ружанѣ, гдѣ былъ ночлегъ 12-го апрѣля, мы нашли уже дерева зеленѣющими, особенно березы. Въ Ружану императоръ пріѣхалъ довольно рано, въ седьмомъ часу пополудни, и, получивши здѣсь курьера изъ Петербурга, занимался съ барономъ Дибичемъ дѣлами. Насупротивъ квартиры императора была назначена квартира баронета Вилліе и мнѣ въ католическомъ монастырѣ. Монахи насъ приняли очень привѣтливо, но ихъ сухоядѣніе для насъ было не такъ-то сытно. Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и передъ чаемъ прогуливался пѣшкомъ съ барономъ Дибичемъ.

При возвращеніи императора съ прогулки въ квартиру, мы съ баронетомъ Вилліе стояли на крыльцѣ нашей квартиры; баронъ Дибичъ, проводивъ государя, подошелъ къ баронету Вилліе передать ему нѣкоторыя новости, привезенныя изъ Петербурга. Замѣтивъ барона Дибича въ благопріятномъ расположеніи духа, я тутъ же нашелъ возможность напомнить баронету Вилліе о представленіи врачей къ наградамъ [1]). Онъ тотчасъ попросилъ барона, нельзя ли доложить его величеству одно его представленіе, на что баронъ Дибичъ согласился со

---

[1]) О томъ самомъ большомъ представленіи о наградахъ военнымъ врачамъ, о коемъ упомянуто выше, при сборѣ моей канцеляріи въ путешествіе. Если бы я не упросилъ баронета Вилліе взять его съ собою, то оно могло бы остаться безъ всякаго движенія; ибо Вилліе на такія представленія вообще былъ крайне нерѣшителенъ, боясь всегда отказа.

Д. Т.

всею готовностію. Я тотчасъ отыскалъ въ портфели это представленіе, и, по приказанію баронета Вилліе, отнесъ барону Дибичу, который вскорѣ представилъ оное на высочайшее благосоизволеніе, которое въ тотъ же вечеръ и послѣдовало безъ малѣйшаго измѣненія. Въ этотъ разъ получили награды 80 военныхъ врачей, состоящія въ чинахъ за отличіе, крестахъ (орденахъ) и деньгахъ. Я чрезвычайно былъ обрадованъ этимъ милостивымъ вниманіемъ къ моимъ сослуживцамъ и тотчасъ это утвержденное государемъ представленіе подалъ Вилліе, который также былъ этому радъ и приказалъ мнѣ съ курьеромъ отправить оное въ медицинскій департаментъ для надлежащаго исполненія.

По выѣздѣ изъ Ружаны, 13-го апрѣля, и приближаясь къ Бресту-Литовскому, мы на каждой верстѣ замѣчали постепенное развитіе весенней природы. Дорога совершенно просохла, рощи почти совсѣмъ покрылись зеленью, а на фруктовыхъ деревьяхъ въ садахъ развившіяся почки готовы были перейти въ состояніе цвѣтенія; погода была очаровательная, такъ что путешествіе было самою пріятною прогулкою.

Въ этотъ день его величество, со всею свитою, обѣдалъ на станціи Михалиной-корчмѣ у губернскаго предводителя дворянства Гродненской губерніи генералъ-маіора Пусловскаго. Генералъ Пусловскій, испросивъ предварительно чрезъ барона Дибича высочайшее соизволеніе на принятіе его величества въ Михалиной-корчмѣ къ обѣденному столу, устроилъ и убралъ эту неопрятную и въ глуши лѣса стоящую корчму самымъ великолѣпнымъ и роскошнымъ образомъ, такъ что внутреннее убранство оной представляло маленькій дворецъ. Во всемъ было видно, что хозяинъ не щадилъ ничего для приличнаго пріема своего монарха. Генералъ Пусловскій представился императору въ національномъ

польскомъ мундирѣ и въ Анненской лентѣ;—онъ былъ одинъ и изъ его семейства не было никого. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корчмы, хозяинъ встрѣтилъ императора съ приличнымъ привѣтствіемъ, которое государь принялъ съ обычною благосклонностью. Столъ былъ накрытъ въ обширной комнатѣ и убранъ былъ великолѣпно.

Всѣ свитскіе приглашены были къ столу, въ числѣ коихъ и я былъ гостемъ генерала Пусловскаго.

Обѣдъ былъ самый роскошный и приноровленъ по вкусу императора,—вина были самыя изысканныя. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одинъ изъ сыновей генерала Пусловскаго, служившій въ Кавалергардскомъ полку, за годъ предъ тѣмъ имѣлъ дуэль и по суду разжалованъ въ солдаты. Среди обѣда подано было превосходное венгерское вино. Государь, взявъ рюмку и выкушавъ до половины, отозвался: «что вино это такъ хорошо, что онъ не помнитъ, когда пилъ такое венгерское». Его величество спросилъ еще этого вина, обратясь при этомъ къ хозяину. Генералъ Пусловскій, вставъ, сказалъ государю: «Ваше величество!—я очень счастливъ, что это венгерское заслужило такую похвалу отъ вашего величества; оно у меня домашнее, и взято изъ той бочки, которая хранилась до сегодня со дня рожденія моего несчастнаго сына, служившаго въ Кавалергардскомъ вашего величества полку». На этомъ генералъ Пусловскій остановился. Государь, выкушавъ другую рюмку венгерскаго, сказалъ: «Вино превосходное». И болѣе ничего! Такимъ образомъ цѣль генерала Пусловскаго въ этомъ гостепріимствѣ не была достигнута.

15-го апрѣля императоръ прибылъ въ Варшаву, гдѣ мы встрѣтили весну въ полномъ ея развитіи; всѣ сады и каштановая великолѣпная Уяздовская аллея были въ полномъ цвѣтѣ.

Никогда еще въ Варшавѣ я не встрѣчалъ столь бла-

гопріятной погоды; зеленѣющій и цвѣтущій садъ замка, раскинутый роскошно по скату къ Вислѣ, сады и домики предмѣстья Праги на противоположномъ берегу Вислы и живописные берега этой рѣки представляли очаровательную картину изъ оконъ постоянной моей квартиры въ верхнемъ этажѣ дворца, надъ самымъ кабинетомъ императора.

На другой же день прибытія его величества въ Варшаву цесаревичъ Константинъ Павловичъ началъ представлять императору ввѣренныя ему войска—русскія и польскія,—сначала по частямъ, а потомъ былъ парадный смотръ всѣмъ собраннымъ въ Варшавѣ войскамъ; а наконецъ, спустя нѣсколько дней, были большіе маневры въ окрестностяхъ Варшавы.

Императоръ войсками вообще былъ очень доволенъ, которыя по справедливости заслужили полное его величества благоволеніе, ибо во всѣхъ отношеніяхъ были отличны.

Между тѣмъ начались засѣданія сейма въ замкѣ,—депутаты, прибывшіе со всего Царства, съѣзжались въ десять часовъ утра и занимались до четырехъ часовъ пополудни. Императору ежедневно представлялся протоколъ засѣданія, изъ котораго его величество нерѣдко съ прискорбіемъ усматривалъ, что гг. депутаты, вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ Царства, занимались пустыми спорами и мелочными дѣлами, до ихъ личности относящимися.

Спустя двадцать дней по прибытіи въ Варшаву, его величество предпринялъ путешествіе для обозрѣнія нѣкоторыхъ губерній (воеводствъ) Царства, особенно прилежащихъ къ границамъ Пруссіи. Оконечнымъ пунктомъ этого путешествія предназначенъ былъ гор. Калишъ. Свита была очень небольшая, и на мѣсто баронета Вилліе, для сопровожденія императора, назначенъ былъ я.

Во время этого путешествія особенное его величества вниманіе обратили разныя фабрики, особенно суконныя, а равно и другія отрасли промышленности, изъ коихъ нѣкоторыя доведены были до цвѣтущаго состоянія.

И дѣйствительно, въ столь непродолжительное время, разоренное и истощенное политическими переворотами Царство Польское отеческими попеченіями и милостями императора доведено было до возможнаго благосостоянія, во всемъ и вездѣ замѣчаемаго. По всѣмъ почти главнымъ направленіямъ устроены хорошія шоссе, земледѣліе, скотоводство и садоводство доведены до возможнаго совершенства.

Промышленность повсюду видимо возрастала. Народъ вездѣ, повидимому, благословлялъ царя своего. На пути государь осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ почему-либо пановъ польскихъ. Изъ имѣній пановъ, по устройству хозяйства, замѣчательно мѣстечко Опатовскъ, принадлежащее Заіончику, вице-королю Царства.

7-го мая государь прибылъ на ночлегъ въ гор. Калишъ, расположенный на границѣ Пруссіи. На другой день осматривалъ кадетскій корпусъ и присутствовалъ на разводѣ отъ войскъ, въ Калишѣ расположенныхъ.

10-го мая во второмъ часу за полночь государь возвратился въ Варшаву.

По возвращеніи изъ этого путешествія я отдалъ полный отчетъ баронету Вилліе о положеніи здоровья государя, а равно и о всемъ прочемъ. Хотя отчетъ мой былъ признанъ удовлетворительнымъ, но я въ то же время не могъ не замѣтить въ баронетѣ Вилліе, что замѣна его мною въ этомъ путешествіи при императорѣ не совсѣмъ была согласна съ видами его самолюбія, что впослѣдствіи и подтвердилось весьма чувствительнымъ для меня образомъ.

Государь, возвратясь изъ Калиша, занимался исключительно дѣлами польскаго сейма. Нерѣдко обѣдалъ у цесаревича, а большею частью кушалъ у себя съ его высочествомъ и его супругою, княгинею Ловичъ, къ которой императоръ былъ особенно внимателенъ. Всякій разъ послѣ обѣда, взявъ подъ руку, выходилъ съ нею на террасу и, прогуливаясь довольно долго, разговаривалъ съ нею о разныхъ предметахъ съ особеннымъ уваженіемъ. Константинъ Павловичъ очень рѣдко участвовалъ въ этой бесѣдѣ, хотя постоянно слѣдовалъ за ними въ послѣобѣденной прогулкѣ.

Наконецъ засѣданія сейма сближались къ концу, и стало извѣстно, что государю благоугодно самому лично закрыть сеймъ. Его величество повелѣлъ, чтобъ 1-го іюня къ одиннадцати часамъ утра всѣ сенаторы, министры, депутаты и всѣ знатныя особы Царства, пребывающіе въ Варшавѣ, собрались во дворецъ королевскій въ палату засѣданія сената, въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. Знатнымъ дамамъ дозволено было присутствовать на семъ торжественномъ собраніи—только на хорахъ. Въ концѣ этой обширной палаты былъ поставленъ тронъ.

Въ десятомъ часу утра начался съѣздъ во дворецъ; лейбъ-гвардіи Литовскій и Подольскій Кирасирскій полки выстроены были на Сигизмундовой площади, фронтомъ ко дворцу. Прекрасный весенній день придавалъ еще болѣе блеска этому торжественному государственному собранію.

Дипломатическимъ чинамъ и свитѣ его величества, въ составѣ коей имѣлъ счастіе находиться и я, назначено собраться въ одиннадцать часовъ въ пріемномъ залѣ дворца. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа государь императоръ, въ полной генеральской формѣ Царства Польскаго, въ сопровожденіи брата своего, цесаревича Кон-

стантина, шествовалъ изъ внутреннихъ своихъ аппартаментовъ, чрезъ пріемный залъ, прямо въ палату собранія, гдѣ ожидали его величество всѣ сенаторы, министры и депутаты всего Царства.

При вступленіи императора въ палату, водворилась повсюду благоговѣйная тишина и особенное чувство умиленія. Его величество вступилъ на тронъ съ исключительно принадлежащимъ ему повелительнымъ величіемъ. Подлѣ его, немного сзади и вправо, помѣстился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, на ступени трона съ правой стороны сидѣлъ вице-король Заіончекъ [1]) (онъ безъ ноги и не могъ ходить—его носили),—на нижней ступени трона справа также императора стоялъ съ портфелемъ статсъ-секретарь, польскій графъ Грабовскій. Дипломатическіе чины и свита государя помѣстились позади трона.

Императоръ, стоящій на тронѣ въ полномъ своемъ величіи, представлялъ собою существо, превышающее все земное. Окинувъ своимъ величественно-ангельскимъ взоромъ все собраніе и стоящихъ на хорахъ дамъ, императоръ довольно громкимъ и твердымъ голосомъ и съ особеннымъ воодушевленіемъ прочиталъ на французскомъ языкѣ довольно пространную рѣчь, которую вслѣдъ затѣмъ, на польскомъ языкѣ, повторилъ статсъ-секретарь гр. Грабовскій.

Тронная рѣчь [2]) эта какъ по содержанію своему, такъ и по образу произнесенія императоромъ произвела въ слушателяхъ столь глубокое и умилительное впечатлѣніе, что всѣ сановники польскіе казались изумленными, а дамы почти всѣ плакали.

---

[1]) Князь Іосифъ Заіончекъ, генералъ-отъ-инфантеріи, намѣстникъ Царства Польскаго, ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ (1752—1826).

[2]) Рѣчь эта на французскомъ языкѣ находится въ моихъ бумагахъ, коей одинъ экземпляръ я получилъ тогда отъ Н. Н. Новосильцова. Д. Т.

Находясь около семи лѣтъ при дворѣ, я въ первый разъ удостоился видѣть императора Александра въ такомъ поражающемъ, неземномъ величіи. Въ небесномъ взорѣ его изумительно выражались: могущество, проницательность, кротость и благоволеніе.

Такимъ образомъ окончилось знаменитое по своему значенію для Царства Польскаго и послѣднее пребываніе въ Варшавѣ и на сеймѣ императора Александра, оставившаго по себѣ столько опытовъ отеческихъ попеченій о благосостояніи Царства, которое спустя пять лѣтъ такъ нагло заплатило за все это Россіи гнусною измѣною и кровопролитнымъ мятежемъ.

2-го іюня, въ семь часовъ утра, государь, въ сопровожденіи брата своего, выѣхалъ изъ Варшавы по ковенскому тракту. Въ гор. Пултускѣ былъ обѣдъ, гдѣ цесаревичъ откланялся императору. Ночлегъ былъ въ гор. Ломжѣ. На другой день его величество смотрѣлъ батальонъ польской пѣхоты и остался вполнѣ имъ доволенъ.

4-го іюня, выѣхавъ изъ Царства и переправясь чрезъ Нѣманъ, императоръ имѣлъ ночлегъ въ гор. Ковно, куда прибылъ довольно рано и занимался осмотромъ мѣстъ, гдѣ въ 1812 году Наполеонъ переправлялъ свою громадную армію, и того историческаго холма, на коемъ была разбита палатка грознаго повелителя Европы, и съ коего онъ наблюдалъ за движеніемъ вступающихъ въ Россію военныхъ массъ своихъ.

Б-ту Вилліе и мнѣ квартира назначена была у уѣзднаго врача Ковальскаго, въ семействѣ коего много сохранилось замѣчательныхъ фактовъ вступленія и бѣгства изъ Россіи Наполеоновской арміи. Любопытно было слышать отъ него, какъ поляка, эти разсказы, которые онъ довольно увлекательно излагалъ съ притворнымъ патріотизмомъ и воодушевленіемъ. Впрочемъ, радушнымъ пріемомъ его и всего его семейства мы были очень

довольны. На бѣду онъ былъ охотникъ, и мой баронетъ, несмотря на усталость отъ путешествія, убѣдилъ хозяина отправиться съ нимъ на охоту. На другой день по утру мы съ бар. Вилліе осматривали военный госпиталь, расположенный въ зданіи бывшаго католическаго костела. Въ девять часовъ утра государь оставилъ Ковно и отправился по литовскому тракту, въ направленіи къ Курляндіи.

6-го іюня его величество имѣлъ ночлегъ въ гор. Баускѣ, куда прибыла свита довольно рано. По занятіи квартиры, которая мнѣ была назначена въ одномъ домѣ съ бар. Вилліе, онъ пригласилъ меня на прогулку, чтобъ осмотрѣть городъ, въ которомъ онъ, служа въ Елецкомъ пѣхотномъ полку врачомъ, квартировалъ съ полкомъ довольно долгое время. Городъ вообще, какъ по населенію, такъ и по расположенію своему, не представлялъ ничего замѣчательнаго. Проходя мимо одной старой корчмы, близкой уже къ разрушенію, Вилліе остановился передъ нею и сказалъ:

«Въ этомъ домѣ, лѣтъ тридцать назадъ, я часто проводилъ время и нерѣдко цѣлыя ночи игралъ съ офицерами Елецкаго полка въ бильярдъ и въ карты, къ которымъ тогда получилъ было страсть. Въ одну роковую ночь я здѣсь проигрался въ карты до того, что проигралъ даже свой матрасъ и остался только съ тѣмъ, что было на мнѣ. Это все хорошо долженъ помнить находящійся нынѣ при аптекѣ во дворцѣ инвалидъ Василій. Этотъ урокъ такъ для меня былъ поучителенъ, что я тогда же далъ себѣ честное слово никогда не играть въ азартныя игры и доселѣ строго держу, какъ и тебѣ извѣстно, это слово». Я ему на это сказалъ: «Quae nocent, docent!» Потрепавъ меня по плечу, Вилліе сказалъ, что въ справедливости этого его удостовѣряетъ опытъ и время.

7-го іюня, при въѣздѣ въ Ригу, императоръ былъ

торжественно встрѣченъ военнымъ генералъ-губернаторомъ маркизомъ Паулуччи [1]) со всѣми военными и гражданскими сановниками и почетными гражданами Риги, и отправился въ домъ маркиза Паулуччи, который былъ приготовленъ для его помѣщенія.

Рига есть старинный Остзейскій городъ, коего узкія улицы и мрачные каменные дома дѣлаютъ видъ его унылымъ. Мы съ Виллліе имѣли квартиру въ домѣ купца англичанина Кумани, коего образъ жизни и гостепріимство обратили на себя особенное мое вниманіе. Занимая огромный каменный домъ, онъ имѣлъ прислугу, состоящую изъ кучера, одного лакея, кухарки и прачки. Онъ для насъ съ Виллліе приготовилъ обѣдъ, къ коему приглашены были человѣкъ до двадцати англичанъ и нѣмцевъ. Столъ былъ сервированъ наилучшимъ образомъ, и я съ удивленіемъ замѣтилъ, что одинъ человѣкъ, весьма хорошо одѣтый въ ливреѣ, служилъ за этимъ столомъ и ни малѣйшей остановки и замѣшательства ни въ чемъ не было.

Въ Ригѣ государь осматривалъ городъ, крѣпость, батальонъ военныхъ кантонистовъ и военный госпиталь, и остался всѣмъ доволенъ. Здѣсь я въ первый разъ познакомился съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ [2]), командовавшимъ тогда 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, которому меня рекомендовалъ Виллліе.

---

[1]) Маркизъ Паулуччи, Феликсъ Осиповичъ, сардинскій выходецъ, спачала командовалъ войсками въ Грузіи, затѣмъ съ 1812 г. былъ генералъ-губернаторомъ лифляндскимъ и курляндскимъ. При императорѣ Николаѣ I оставилъ службу въ Россіи и удалился на родину, въ Италію.

[2]) Впослѣдствіи знаменитый покоритель Эривани, Эрзерума и Варшавы, намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій, Иванъ Ѳедоровичъ (1782—1857).

10-го іюня государь прибылъ на ночлегъ въ Ревель. На другой день императоръ со свитою ѣздилъ моремъ на островъ св. Карла, въ восьми верстахъ отъ Ревеля—противъ самой цитадели онаго. Видъ съ острова на Ревель представляетъ очаровательную картину. Екатериненталь есть загородное, прекрасно устроенное мѣсто, гдѣ обширный хорошо содержанный садъ и старинный дворецъ привлекаютъ всю ревельскую публику на гулянье. Въ праздничные дни тамъ бываетъ музыка.

Особенно въ Ревелѣ для меня было достопримѣчательно: 1) соборная церковь Олафъ, отличающаяся древнею архитектурою и чрезвычайно высокимъ и красивымъ шпилемъ; 2) въ преддверіи этой церкви мнѣ показывали гробъ, въ коемъ лежитъ доселѣ хорошо сохранившееся тѣло графа де-ля-Кроа, о коемъ гласитъ преданіе, будто бы онъ лишенъ погребенія по смерти за сдѣланные при жизни неоплатные долги, и 3) въ церкви внутри цитадели мнѣ показывали превосходный мраморный памятникъ, воздвигнутый, по повелѣнію императрицы Екатерины II, знаменитому Грейгу, прославившему россійскій флотъ славными побѣдами.

13-го іюня 1825 года государь благополучно возвратился въ Царское Село, совершивъ это послѣднее свое путешествіе въ Царство Польское, гдѣ онъ также въ послѣдній разъ столь достославно присутствовалъ на сеймѣ.

IX.

Заботы о здоровьѣ императрицы Елизаветы.—Избраніе для ея мѣстопребыванія города Таганрога.—Обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ императора Александра изъ Петербурга.—Пріѣздъ императорской четы въ Таганрогъ.—Ея образъ жизни и обстановка. —Посѣщеніе императоромъ Александромъ земли Войска Донского.—Пребываніе въ Новочеркасскѣ, Нахичевани и Ростовѣ-на-Дону.— Возвращеніе въ Таганрогъ.—Приготовленія къ новымъ путешествіямъ.

По окончаніи маневровъ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ, въ началѣ августа, разнесся при дворѣ слухъ, что здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны, замѣтно ослабѣвающее, требуетъ путешествія и продолжительнаго пребыванія въ благопріятномъ климатѣ южнаго края. Слухъ этотъ наконецъ уже не составлялъ секрета при дворѣ. Но довольно долго не былъ разрѣшенъ вопросъ: отправится ли императрица за границу, въ чужіе края, или въ южную часть Россіи, и въ какое именно мѣсто? Гг. лейбъ-медики назначили для пребыванія ея величества южный берегъ Крыма, на берегу Чернаго моря. Императоръ медлилъ и долго не рѣшался изъявить свое соизволеніе на такое назначеніе. Наконецъ, его величество самъ назначилъ мѣстомъ пребыванія императрицы Таганрогъ, на берегу Азовскаго моря, и первому изъ лейбъ-медиковъ, баронету Вилліе, предварительно объявилъ о томъ, который, по соображеніи

обстоятельствъ и условій, нашелъ этотъ выборъ мѣста благопріятнымъ для возстановленія здоровья императрицы. Между тѣмъ прочіе лейбъ-медики: Штоффрегенъ и Рюль, а особенно вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна были противнаго мнѣнія и предпочитали Таганрогу Крымъ.

На такое рѣшеніе императора, поддерживаемое г. Вилліе, противная сторона представляла много возраженій, изъ коихъ нѣкоторыя казались основательными и, повидимому, заслуживали уваженіе. И дѣйствительно, уединенное и степное положеніе Таганрога, удаленное отъ сообщенія съ столицами, незначительное населеніе его, состоящее преимущественно изъ грековъ, а особенно перенесеніе торговаго порта изъ Таганрога въ Керчь, отнимали у него самыя важныя преимущества. Между тѣмъ извѣстно, что въ Крыму, на южномъ берегу, климатъ и природа равняются, по географическому положенію, средней Италіи, дачи или мызы нѣкоторыхъ вельможъ устроены великолѣпно и со всѣми удобствами для жизни, зима бываетъ едва чувствительна и растительность роскошна и великолѣпна. Всѣ эти данныя довольно долго колебали вопросъ о мѣстопребываніи императрицы. Наконецъ сама императрица Елизавета Алексѣевна приняла на себя положить конецъ всѣмъ преніямъ и объявила императору, что рѣшается предпринять путешествіе не иначе, какъ въ Таганрогъ, который она, по внутреннему убѣжденію, предпочитаетъ Крыму. Такимъ образомъ прекратились всѣ споры, и дано повелѣніе готовить все къ путешествію въ Таганрогъ.

Государь приказалъ приготовить все нужное для путешествія двумъ свитамъ: одной для императора, а другой для императрицы, и первая должна предшествовать второй.

Приготовленія въ это путешествіе сопровождались какимъ-то особеннымъ чувствомъ равнодушія. Никто не зналъ, на сколько времени императрица отправляется въ Таганрогъ, постоянно ли съ нею останется императоръ тамъ, или предприметъ оттуда путешествіе въ другія страны Россіи, и какое мы тамъ найдемъ общество.....

Въ самомъ же государѣ замѣтно было особенное желаніе озаботиться положеніемъ здоровья императрицы и провести съ нею нѣкоторое время для того, чтобъ все ее окружающее могло благопріятствовать возстановленію ея здоровья и чтобъ она находилась внѣ всякихъ придворныхъ этикетовъ, столь обременительныхъ для ея положенія.

Государь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ концѣ августа, а нѣсколькими днями позже назначенъ выѣздъ императрицы, такъ, чтобъ она прибыла въ Таганрогъ, по крайней мѣрѣ, недѣлею позже императора. Свитою императора управлялъ баронъ Дибичъ, а императрицы— князь Волконской.

Выѣздъ императора изъ Петербурга сопровождался обстоятельствами, которыя какъ по себѣ, такъ особенно впослѣдствіи оказались весьма знаменательными. Въ день выѣзда, проѣзжая съ Каменнаго острова чрезъ Троицкой, на Невѣ, мостъ, онъ приказалъ кучеру, Ильѣ Байкову, остановиться среди моста. Несмотря на то, что онъ заѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость поклониться прахамъ своего родителя, бабки и предковъ, привставъ въ коляскѣ, помолился крѣпостному собору св. Петра и Павла и, разсматривая видъ съ Невы къ Зимнему дворцу и биржѣ, сказалъ: «Какой прекрасный видъ и какое великолѣпіе зданій!» Замѣтно было, что эти слова онъ произнесъ съ какимъ-то глубокимъ чувствомъ успокоительнаго удовольствія и скрытаго предчувствія!..

Отсюда его величество отправился въ Казанскій соборъ и въ Александро-Невскую лавру поклониться святымъ иконамъ и св. мощамъ Александра Невскаго и получить благословеніе отъ митрополита на предпринимаемое имъ путешествіе. Въ лаврѣ его величество пожелалъ видѣть схимника, который своею строгою, благочестивою жизнію и рѣшительнымъ отчужденіемъ отъ свѣта заслужилъ всеобщее уваженіе и довѣренность. Пробывъ полчаса у него одинъ, при отъѣздѣ изъ лавры, приказалъ князю А. Н. Голицыну сдѣлать приношеніе святынѣ Невской обители, состоящее изъ восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и ладану.

Изъ Невской лавры его величество отправился прямо въ свое Царское Село, чтобъ на завтра предпринять путешествіе въ Таганрогъ. При выѣздѣ изъ своей столицы, государь, остановясь у тріумфальныхъ воротъ, посмотрѣлъ на Петербургъ, помолился св. храмамъ и поѣхалъ далѣе [1].

Августа 22-го, государь, въ восемь часовъ утра, выѣхалъ изъ Царскаго по бѣлорусскому тракту, съ котораго на границѣ Псковской губерніи путешествіе направлено было чрезъ городъ Торопецъ и другіе уѣздные города на тульскій трактъ. Его величеству угодно было миновать Москву, чтобъ избѣжать обременительныхъ церемоній и представленій. Въ это путешествіе нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ его величество заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія, и это дѣлалъ для того, что государыня императрица слѣдовала за нимъ

[1] Всѣ эти свѣдѣнія получены отъ кучера императора, Ильи Иванова Байкова, и рейткнехта Потапова, бывшихъ тогда при его величествѣ. Первый около 1830 года умеръ отъ паралича, а послѣдній служилъ потомъ камердинеромъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Д. Т.

въ Таганрогъ, по тому же тракту и тѣ же самые имѣла ночлеги, если только положеніе ея здоровья не измѣнитъ этого порядка въ путешествіи.

4-го сентября государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ вечеромъ и остановился въ приготовленномъ заблаговременно для помѣщенія ихъ величествъ домѣ. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде частному человѣку, каменный, въ одинъ этажъ, съ подвальнымъ этажемъ для службъ, расположенъ на площади, предъ крѣпостью или землянымъ укрѣпленіемъ и гаванью, основанными еще при Петрѣ I, и составлялъ самое скромное помѣщеніе. Половина императрицы состояла изъ восьми небольшихъ комнатъ, въ коихъ, при ея величествѣ, помѣщались еще двѣ камеръ-фрейлины: Валуева [1]) и княжна Волконская [2]). Въ срединѣ дома большой сквозной залъ, назначенный для пріема, и большой столовой. При отдѣленіи императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщена была походная церковь. Половину императора составляли двѣ комнаты, съ другой стороны пріемнаго зала; въ одной, довольно пространной, угловой, расположенъ былъ кабинетъ его величества, которая была вмѣстѣ и его спальнею, а другая—была туалетная или уборная, гдѣ государь одѣвался, въ одно окно на дворъ, очень небольшая, полукруглая. При этихъ двухъ комнатахъ былъ коридоръ съ просвѣтомъ изъ туалетной для дежурнаго камердинера, а гардеробная была внизу, въ подвальномъ этажѣ.

---

[1]) Екатерина Петровна Валуева (1744—1848), фрейлина императрицы Елизаветы, пользовавшаяся особымъ ея довѣріемъ. Камеръ-фрейлинскій знакъ получила позднѣе, въ 1826 году, въ коронацію императора Николая I.

[2]) Княжна Варвара Михайловна Волконская, сестра князя Петра Михайловича Волконскаго (1778—1866), фрейлина императрицы Елизаветы съ 1799 г. Въ камеръ-фрейлины пожалована была значительно позже, въ 1846 г.

Императрица Елисавета Алексѣевна
въ послѣднiе годы жизни.
Съ портрета Доу.

При домѣ довольно обширный дворъ и небольшой садъ, съ плодовыми деревьями, забытый, но къ прибытію императора приведенный въ возможный порядокъ. Изъ комнатъ императрицы былъ въ него выходъ. Домъ меблированъ самымъ простымъ, но приличнымъ образомъ, безъ всякой роскоши и богатства, столь необходимыхъ для чертоговъ царскихъ.

11-го сентября прибыла въ Таганрогъ императрица Елизавета Алексѣевна со своею свитою, косю начальствовалъ князь П. М. Волконскій. Для встрѣчи ея императоръ выѣзжалъ на первую отъ Таганрога станцію и въ дормезѣ съ нею вмѣстѣ, въ семь часовъ вечера, прибылъ въ Таганрогъ, въ Варваціевскій монастырь, гдѣ ожидало ихъ величества все таганрогское духовенство и почти все населеніе города. По выслушаніи благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи императрицы, ихъ величества прибыли въ вышеописанный ихъ дворецъ, при коемъ былъ почетный большой караулъ отъ донского войска, подъ командою полковника Николаева. Комендантомъ же императорской квартиры назначенъ былъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Фридрихсъ. На это время гарнизонъ таганрогскій составлялъ наилучшій полкъ донскихъ казаковъ, командуемый тѣмъ же полковникомъ Николаевымъ.

Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье едва позволило въ Петербургѣ сдѣлать самое малое движеніе отъ изнуренія силъ, по прибытіи въ Таганрогъ, довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ дормеза и вошла въ церковь подъ руку съ императоромъ.

Свиту императрицы, кромѣ князя Волконскаго, составляли: камеръ-фрейлины княжна Волконская (родная сестра князя) и Валуева; статсъ-секретарь Лонги-

новъ, лейбъ-медикъ Штоффрегенъ [1]), докторъ Рейнгольдъ и гофъ-медикъ Доббертъ, а также аптекарь придворный Проттъ.

Вообще же соображая, весь таганрогскій императорскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціальнаго помѣщика.

Съ прибытіемъ императорской фамиліи весь Таганрогъ оживился; многіе помѣщики пріѣхали изъ Екатеринославля, Харькова, а особенно много прибыло донцовъ, какъ служащихъ, такъ и ветерановъ, оставившихъ уже военное поприще, украшенныхъ сѣдинами и знаками отличія за ихъ военныя заслуги во время послѣднихъ войнъ. Прибылъ также и донской наказной атаманъ генералъ Власовъ [2]), съ своимъ штабомъ, для представленія его величеству. Государь необыкновенно милостиво принималъ донцовъ, коимъ оказывалъ особенное монаршее вниманіе, называя ихъ таганрогскою своею гвардіею.

Въ концѣ сентября государь предпринялъ путешествіе въ землю донскихъ казаковъ—въ Новочеркаскъ, для обозрѣнія этой донской столицы, недавно основанной ихъ храбрымъ атаманомъ, графомъ Платовымъ.

Особенно его величеству желательно было удостовѣриться на мѣстѣ въ пользѣ преобразованія Донского края, которое произведено высочайше учрежденнымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, коему и повелѣно было къ тому времени прибыть изъ Петербурга въ Новочеркаскъ и ожидать пріѣзда государя.

---

[1]) Секретарь императрицы, Николай Михайловичъ Лонгиновъ (1775—1853), при Николаѣ I пожалованъ былъ въ статсъ-секретари и членомъ государственнаго совѣта.

[2]) Власовъ, Максимъ Григорьевичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, наказной атаманъ Донского войска (1767—1848).

Для встрѣчи его величества у Новочеркаска собранъ былъ значительный отрядъ казаковъ, который ожидалъ государя на обширномъ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Новочеркаска. Очень любопытно было въ этомъ храбромъ войскѣ видѣть многихъ генераловъ—въ орденахъ, лентахъ—съ бородами. Государь, въ верстахъ трехъ отъ Новочеркаска, на мызѣ графа Платова, переодѣлся, и потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ съ своею свитою къ ожидавшимъ его донцамъ. Съ неизъяснимымъ восторгомъ донцы встрѣтили своего государя. Атаманъ Власовъ, подъѣхавъ къ его величеству, представилъ рапортъ о состояніи войска и благосостояніи края. Государь, поздоровавшись съ войскомъ, слѣдовалъ въ городъ среди многочисленнаго стеченія народа. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ.

Замѣчательно мѣстоположеніе Новочеркаска. Графъ Платовъ раскинулъ донскую столицу на высокомъ обширномъ холму и притомъ съ такимъ просторомъ, что, стоя на одной сторонѣ городской площади, едва видишь домы на другой, противоположной сторонѣ, и самыя улицы необыкновенно широки. Императоръ, осмотрѣвъ городъ, отозвался: «По всему видно, что покойный атаманъ Платовъ любилъ жить просторно».

На другой день донцы давали императору великолѣпный балъ. Его величество, замѣтивъ, что многія донскія дамы были не въ національномъ донскомъ нарядѣ, а въ платьяхъ и костюмахъ нѣмецкихъ или французскихъ, приказалъ барону Дибичу купить дорогихъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій для подарка донскимъ дамамъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ непремѣнно носили свое національное платье, т. е. кабелеки и казацкіе головные уборы.

Въ Новочеркаскѣ государь пробылъ три дня и пребываніемъ своимъ остался очень доволенъ. Только мѣстоположеніе города несовсѣмъ понравилось его величеству,

что и дѣйствительно справедливо. Ибо столь возвышенное положеніе города подвергаетъ его почти постояннымъ вѣтрамъ; въ самомъ городѣ нѣтъ воды, и невозможно получить ее изъ колодцевъ. А хотя подлѣ города протекаетъ рѣчка, но она такъ незначительна, что весною пересыхаетъ.

Изъ Новочеркаска государь отправился въ Аксайскую станицу, расположенную на берегу Дона. Любуясь положеніемъ Аксая, государь отозвался: «Вотъ бы самое лучшее мѣсто для Новочеркаска, и жаль, что эта мысль не пришла въ голову графу Платову!» Аксайская станица занимаетъ самое выгодное и прекрасное мѣстоположеніе на возвышенномъ правомъ берегу величественнаго Дона, окруженное обширною плодородною долиною, со всѣми удобствами для жизни. Въ Аксаѣ императоръ обѣдалъ; обѣдъ состоялъ почти исключительно изъ произведеній Дона, а именно: изъ стерляжьей богатѣйшей ухи, свѣжей зернистой икры и разныхъ другихъ лучшихъ рыбъ Дона. Къ столу приглашены были: генералъ-адъютантъ Чернышевъ, атаманъ Власовъ и нѣсколько заслуженныхъ генераловъ войска донского.

Изъ Аксая государь отправился въ Нахичевань— греческую колонію, поселившуюся здѣсь во времена императрицы Екатерины II, гдѣ и имѣлъ ночлегъ. Въ этой колоніи живутъ большею частію зажиточные греки, занимающіеся коммерціею и выдѣлываніемъ разныхъ водокъ. Торгъ они ведутъ черезъ городъ Ростовъ-на-Дону, который отстоитъ отъ Нахичевани только на двѣ версты. Между Нахичеванью и Ростовомъ, на половинѣ разстоянія, находится Дмитріевская крѣпость, въ коей расположенъ батальонъ военныхъ кантонистовъ и небольшой военный госпиталь. Государь посѣтилъ эти учрежденія, которыми остался доволенъ.

На другой день императоръ, выѣхавъ изъ Нахичевани,

посѣтилъ городъ Ростовъ; былъ въ соборной церкви, осмотрѣлъ торговую пристань и гарнизонную команду, потомъ отправился по тракту въ Таганрогъ. На берегу одного гирла Дона, при самомъ впаденіи онаго въ Азовское море, на хуторѣ одного отставного заслуженнаго донского полковника, назначенъ былъ обѣдъ. Его величеству угодно было видѣть, какъ донцы занимаются рыбною ловлею. Хозяинъ хутора, у коего производится значительная рыбная ловля, приказалъ рабочимъ своимъ закинуть большой неводъ и притомъ доложилъ его величеству, что онъ надѣется изъ этой тони приготовить осетровую икру, которая будетъ немедленно представлена къ столу. Государь, принявъ предложеніе хозяина, приказалъ метръ-д'отелю Миллеру не подавать кушанья, пока не будетъ приготовлена обѣщанная икра. (Его величество особенно любилъ эту икру, такъ что она доставлялась даже на конгрессы въ Австрію и Италію чрезъ фельдъегерей для собственнаго стола). Во все время тони государь, изъ любопытства, стоялъ на берегу и дожидался, когда будутъ вытаскивать тоню. Когда концы или крылья большого невода приблизились къ берегу и рабочіе начали вытягивать его на берегъ, то на пространствѣ воды, охваченной неводомъ, замѣтно было особенное движеніе, производимое большими рыбами. Когда же неводъ довольно близко притянутъ былъ къ берегу, хозяинъ приказалъ нѣсколькимъ работникамъ идти въ воду и изъ захваченной неводомъ рыбы выбрать матерого осетра; ловкіе рабочіе довольно скоро нашли икряного осетра и, захвативъ багромъ, вытащили на берегъ. Въ присутствіи государя осетръ этотъ былъ выпотрошенъ, вынута изъ него икра, которая не болѣе десяти минутъ особымъ механизмомъ была очищена, просолена и представлена его величеству. Государь, отвѣдавъ, нашелъ икру превосходнаго качества, которая и

была подана къ обѣду. Замѣчательно, что въ эту тоню, кромѣ мелкихъ разныхъ рыбъ, поймано осетровъ и севрюгъ до 150 штукъ. Удивительное рыбное богатство! Государь въ продолженіе обѣда былъ очень веселъ, очень лестно отзывался о Донскомъ краѣ и вообще о донцахъ и отблагодарилъ хозяина за гостепріимство.

Въ семь часовъ вечера государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ и былъ встрѣченъ императрицею, коей здоровье очевидно улучшилось. Несмотря на наступившій октябрь, погода стояла самая благопріятная; императоръ съ императрицею ежедневно передъ обѣдомъ прогуливались пѣшкомъ, а послѣ обѣда въ коляскѣ. Мѣстомъ прогулки былъ загородный садъ, расположенный на самомъ берегу Азовскаго моря, изъ котораго видъ на море представлялъ очаровательную картину.

Императрица очень любила небольшой садъ при домѣ, въ коемъ помѣщались ихъ величества, въ которой они часто выходили съ своими фрейлинами и любовались фазанами, которые были доставлены изъ Черноморіи главнымъ врачомъ Дмитріевскаго военнаго госпиталя Корниловичемъ, по порученію лейбъ-медика Вилліе.

Въ Таганрогѣ государь оказывалъ особенное вниманіе къ донскому войску. Генералъ-адъютанту Чернышеву позволено было изъ Новочеркаска прибыть съ молодою своею супругою въ Таганрогъ. (Онъ только что въ августѣ женился въ третій разъ на внукѣ князя Куракина, дочери графа Зотова, весьма хорошо образованной и высокихъ достоинствъ). Цѣль приглашенія генерала Чернышева въ Таганрогъ наиболѣе заключалась въ томъ, что государю угодно было окончательно заняться благоустройствомъ Донского края, коимъ занимался особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Чернышева. Донское войско, содержавшее въ Таганрогѣ корпусъ и составлявшее гарнизонъ онаго, императоръ, какъ выше

сказано, всегда называлъ своею таганрогскою гвардіею, а меня штабъ-докторомъ этой гвардіи, такъ что когда донскіе генералы приглашались къ высочайшему столу, то всегда приглашался и я, подъ названіемъ штабъ-доктора Донского войска [1]).

Такое вниманіе къ донскому войску и нѣкоторыя другія обстоятельства возбуждали предположеніе, что государь императоръ располагался на долговременное пребываніе въ Таганрогѣ, который нравился и императрицѣ. Здѣсь они вели тихую и уединенннную жизнь, свободную отъ всѣхъ придворныхъ этикетовъ; по всему было видно, что государь остальную часть жизни своей, при великихъ своихъ государственныхъ занятіяхъ, расположенъ былъ посвятить семейной и спокойной жизни; ибо высокое свое призваніе онъ вполнѣ уже оправдалъ своими славными дѣлами, поставившими его на самую высокую степень земного величія и всеобщаго въ Европѣ уваженія и признательности. Единственною его заботою въ Таганрогѣ было возстановленіе здоровья императрицы и предупрежденіе всѣхъ ея желаній, чтобъ пребываніе ея тамъ сдѣлать возможно пріятнѣйшимъ. Во время загородныхъ ихъ прогулокъ, императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря, близъ карантина. Государь немедленно повелѣлъ расположить на этомъ мѣстѣ садъ, самъ начертилъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вытребовать изъ Рощи садовника Грея, которому по пути къ Таганрогу повелѣно было сдѣлать нѣкоторыя геогностическія наблюденія, какъ образован-

---

[1]) Между тѣмъ какъ я, находясь при баронетѣ Виллiе и въ свитѣ государя слишкомъ шесть лѣтъ, былъ не болѣе какъ батальонный лекарь л.-гв. Преображенскаго полка, по милости шотландскаго эгоизма моего ближайшаго начальника, которымъ овладѣла мысль, что государь, на мѣсто его, оставитъ при себѣ меня, и это я замѣчалъ изъ отношеній его ко мнѣ. Д. Т.

ному садовнику и ботанику. Всѣ свитскіе, радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ, между собою, молодыми супругами.

Многіе изъ знатныхъ особъ, военныхъ и гражданскихъ, стали пріѣзжать въ Таганрогъ. Между ними замѣчателенъ былъ графъ М. С. Воронцовъ, прибывшій изъ Одессы съ донесеніемъ его величеству о благосостояніи ввѣреннаго ему обширнаго Новороссійскаго края. Онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, который подъ управленіемъ графа Воронцова въ короткое время достигъ до замѣчательнаго благоустройства, какъ въ отношеніи къ населенію, такъ и промышленности, особливо винодѣлія и садоводства. Императоръ принялъ это предложеніе.

Здѣсь замѣтить слѣдуетъ, что какъ всегда, такъ особенно въ послѣдніе годы, государь имѣлъ особенное расположеніе и охоту къ путешествіямъ, которыя предпринимались всегда съ важною патріотическою цѣлью, которая состояла преимущественно въ обозрѣніи отдаленныхъ краевъ обширнѣйшей его имперіи, въ повѣркѣ порядка государственнаго управленія въ дальнихъ его подраздѣленіяхъ, въ узнаніи быта и благосостоянія жителей и разныхъ отраслей промышленности и видовъ хозяйства ихъ.

Такимъ образомъ, кромѣ путешествія въ Крымъ, предположены были путешествія въ Грузію, Астрахань и въ Сибирь, даже до Иркутска. Необходимыми для этихъ путешествій топографическими соображеніями спеціально уже занимались трое опытныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые на сей конецъ и были вызваны барономъ Дибичемъ въ Таганрогъ и постоянно работали подъ его надзоромъ.

Таганрогскій дворецъ, въ которомъ скончался Императоръ Александръ I.

X.

Путешествіе въ Крымъ.—Колоніи менонитовъ.—Симферополь.—Южный берегъ Крыма.—Георгіевскій монастырь.—Пребываніе въ Севастополѣ.—Осмотръ флота.—Бахчисарай.—Первые признаки нездоровья государя.—Чуфутъ-Кале.—Успенскій монастырь.—Евпаторія.—Путь до Орѣхова.—Печальная смерть фельдъегеря Маскова.—Докладъ о ней Тарасова императору Александру.—Ссора Екатеринославскаго архіерея съ губернаторомъ.—Маріуполь и начало болѣзни государя.—Возвращеніе въ Таганрогъ.

17-го октября назначенъ былъ выѣздъ въ Крымъ. Въ это путешествіе его величеству угодно было обозрѣть въ Таврической губерніи поселеніе нагайцевъ въ ихъ степяхъ, городъ Бердянскъ, гдѣ предполагалось устроить торговую гавань, и находящіяся тамъ разныя колоніи иностранцевъ.

По выѣздѣ изъ Таганрога, государь первый ночлегъ имѣлъ въ городѣ Маріуполѣ, расположенномъ на берегу Азовскаго моря, гдѣ существуетъ незначительная торговая пристань. Населенная нагайцами страна представляетъ большею частію степь дикую, мало обработанную. Но нѣмецкая колонія менонитовъ, расположенная по рѣчкѣ Молочной, обратила на себя особенное вниманіе его величества своимъ благоустройствомъ и богатствомъ произведеній. Занявъ первоначально необитаемую дикую степь, трудолюбивые и досужіе нѣмцы въ корот-

кое время преобразовали этотъ край въ лучшую населенную провинцію. Здѣсь нельзя не удивиться дѣятельности, трудолюбію и мастерству пользоваться мѣстностію и качествомъ почвы. Колонія раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ поселковъ, недалеко одинъ отъ другого отстоящихъ. Всѣ дома и усадьбы въ каждомъ поселкѣ устроены совершенно однообразно по предначертанному съ большимъ благоразуміемъ плану. Вездѣ и во всемъ наблюдается примѣрный порядокъ и чистота. Всѣ поля обработаны съ необыкновенною тщательностію и раздѣлены прекрасными аллеями. Колонисты поля свои засѣваютъ преимущественно пшеницею, а равно и другими хлѣбами для собственнаго употребленія, но въ меньшемъ размѣрѣ. Сверхъ того, они занимаются шелководствомъ, которое у нихъ введено недавно съ успѣхомъ и принимаетъ значительное развитіе. Но всего замѣчательнѣе ихъ плантаціи лѣса и садовъ, которые разведены при каждомъ поселкѣ, что придаетъ всей колоніи видъ обширнаго парка. Плодородіе превосходной почвы, большое скотоводство и разныя отрасли промышленности въ непродолжительное время обогатили эту колонію, такъ что она пріобрѣла первенство надъ всѣми прочими въ тамошнемъ краѣ колоніями. Должно притомъ замѣтить, что менониты отличаются строгою нравственностью и безусловнымъ повиновеніемъ своимъ старшинамъ и высшему начальству.

При колоніи устроены общественныя заведенія, которыя содержатся въ большомъ порядкѣ, какъ-то: каменный, очень красивый костелъ, больница и училище. Императоръ остался чрезвычайно доволенъ колоніею менонитовъ. Она по рѣчкѣ называется тоже Молочною.

Еврейская колонія, для коей отведено большое пространство земли, находится въ самомъ, можно сказать, ничтожномъ состояніи. По причинѣ отвращенія евреевъ

къ осѣдлой сельской жизни и земледѣлію, они всемѣрно удаляются отъ такого образа жизни. Два только еврейскія семейства водворились въ колоніи и живутъ въ бѣдномъ положеніи.

Въ Таврической губерніи, на берегу Азовскаго моря, поселены сосланные туда правительствомъ духоборцы, за ихъ вредный расколъ. Они всѣ изъ Архангельской и отчасти Олонецкой губерніи, сосланы сюда въ царствованіе императрицы Екатерины II; земля, данная имъ для поселенія, чрезвычайно плодородна, которую они засѣваютъ преимущественно пшеницею и содержатъ обширное скотоводство хорошей черкасской породы. Деревни ихъ и самые дома удерживаютъ ихъ первоначальный бытъ сѣвера. Всѣ духоборцы вообще, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются высокимъ ростомъ, дородностію и крѣпостію силъ. Въ расколѣ своемъ они доселѣ остаются непреклонными; впрочемъ, правительству и начальствамъ покорны и во всѣхъ общественныхъ повинностяхъ всегда исправны.

23-го октября государь прибылъ на почлегъ въ Симферополь, столицу Крыма. Его величество остановился въ домѣ, занимаемомъ генералъ-лейтенантомъ Удомомъ, начальникомъ округа внутренней стражи.

Въ теченіе двухъ дней пребыванія въ Симферополѣ государь занимался осмотромъ войскъ, военнаго госпиталя, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній. На третій день государь со свитою отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ, особенно пріученныхъ къ ѣздѣ по горамъ, для обозрѣнія южнаго берега Крыма, въ сопровожденіи графа Воронцова. Обѣдъ назначенъ былъ въ Алупкѣ, имѣніи, припадлежащемъ графу Воронцову. Вся дорога на южный берегъ идетъ по неприступнымъ, большею частію, горамъ, и на каждомъ шагу представляются взору самые очаровательные виды и ландшафты.

Путешествіемъ государь былъ чрезвычайно доволенъ и веселъ; по прибытіи въ Алупку, сойдя съ лошади, сказалъ свитѣ: «Послѣ такого пріятнаго путешествія, господа, можно покушать съ хорошимъ аппетитомъ».

Обѣдъ былъ приготовленъ поваромъ графа Воронцова; ибо кухня съ метръ-д'отелемъ Миллеромъ, всѣ экипажи и канцелярія барона Дибича были отправлены изъ Симферополя чрезъ Бахчисарай въ Байдарскую долину, гдѣ они должны дожидаться прибытія туда императора. Обѣдъ приготовленъ былъ во вкусѣ императора, самымъ, впрочемъ, изысканнымъ образомъ. Но особенно замѣчателенъ былъ дессертъ при этомъ обѣдѣ; столъ, на коемъ былъ накрытъ обѣдъ былъ круглый, соотвѣтственной величины; на срединѣ стола возвышалась большая пирамида, составленная изъ всѣхъ фруктовъ, какіе только производитъ богатый Крымъ. Отъ основанія до вершины пирамида эта, съ особеннымъ искусствомъ, составлена была такъ, что наилучшіе и самые деликатные фрукты составляли бока этого построенія—лакомаго и привлекательнаго. Императору чрезвычайно понравилась эта пирамида, и онъ долго любовался ею. Вина за столомъ исключительно были крымскія, полученныя изъ бордоскихъ и эпернейскихъ лозъ, и нимало не уступали въ достоинствѣ своемъ французскимъ винамъ.

27-го октября государь прибылъ въ Байдарскую долину, гдѣ въ одномъ татарскомъ селеніи, въ домѣ татарскаго старшины, приготовленъ былъ обѣдъ; но его величество приказалъ Миллеру съ обѣдомъ прямо ѣхать въ Севастополь и ожидать его къ обѣду тамъ; изъ Байдарской долины отправился въ Балаклаву для осмотра находящагося тамъ греческаго легіона. По выѣздѣ изъ Балаклавы, приближаясь къ Севастополю, государю угодно было всю свою свиту, кромѣ фельдъегеря Годефроа, отпустить въ Севастополь, не исключая даже и

барона Дибича, который долженъ былъ пересѣсть въ запасную коляску съ полковникомъ Соломкою, а самъ, совершенно одинъ, въ сопровожденіи только одного татарина, державшаго для него верховую лошадь, отправился безъ шинели, въ мундирѣ, въ Георгіевскій монастырь, расположенный на высокой обрывистой скалѣ, возвышающейся на самомъ берегу Чернаго моря. Это было уже въ шесть часовъ пополудни.

День этотъ былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ съ моря и стало чувствительно холодно. Прибывшая въ Севастополь свита въ квартиру его величества, приготовленную въ комендантскомъ домѣ, ожидала прибытія государя. Метръ-д'отель Миллеръ съ безпокойствомъ ожидалъ его величество къ обѣду, который былъ приготовленъ къ четыремъ часамъ. Наступила темнота почти осязаемая, холодный вѣтеръ усиливался съ порывами; но государь не возвращался. Всѣ ожидающіе его мѣстные начальники, а равно и свитскіе начали безпокоиться, не зная, чему приписать такое замедленіе прибытія императора. Георгіевскій монастырь находился отъ Севастополя въ верстахъ шести или семи. Адмиралъ Грейгъ [1]) приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами на встрѣчу государю, чтобъ освѣтить ему дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ довольно гориста.

Наконецъ ровно въ восемь часовъ прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта въ залѣ, отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать ему чаю, отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, что прежде никогда въ путешествіи этого не случалось, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ потчевать другихъ.

---

[1]) Адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ, главный командиръ черноморскаго флота (1775—1845).

На другой день, 28-го октября, императоръ всталъ довольно рано и въ кабинетѣ принялъ барона Дибича, а послѣ адмирала Грейга. Въ одиннадцать часовъ было общее представленіе всѣхъ морскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ двѣнадцать часовъ его величество присутствовалъ при спускѣ на воду небольшого морского судна «Воробей»; послѣ того осматривалъ во всей подробности всѣ укрѣпленія, устроенныя на берегу моря, при входѣ въ бухту. Въ присутствіи его производилась съ батарей стрѣльба раскаленными ядрами.

Послѣ укрѣпленій государь осмотрѣлъ ордонансъ-гаузъ; по выходѣ изъ онаго, на площади передъ гауптвахтою, неожиданно явился передъ государемъ арестантъ изъ морскихъ офицеровъ и съ замѣтнымъ раздраженіемъ началъ объяснять свое дѣло. Государь не могъ скрыть своего негодованія на такую дерзость, которая явно выражалась на лицѣ арестанта, и приказалъ произвести строгое изслѣдованіе этому происшествію.

Потомъ былъ подробный осмотръ флота, стоявшаго въ бухтѣ. Государь особенно занимался осмотромъ линейнаго корабля «Францъ I» о 120-ти пушкахъ, которымъ преимущественно былъ доволенъ. Послѣ флота государь посѣтилъ морской госпиталь и морскія казармы. Въ послѣднихъ обратило вниманіе его величества размѣщеніе наръ для матросовъ, въ два яруса, одинъ надъ другимъ. Адмиралъ Грейгъ старался доказать пользу такого размѣщенія и выгоду въ хозяйственномъ отношеніи, представивъ его величеству, что англійское адмиралтейство отдало преимущество такого рода морскимъ казармамъ. На это государь сдѣлалъ весьма справедливое и основательное замѣчаніе: «Очевидно, здѣсь выигрывается выгода въ размѣщеніи большаго числа людей, но не страдаетъ ли при этомъ здоровье людей, отъ

недостатка воздуха въ казармахъ, необходимаго для дыханія?» На это адмиралъ не нашелъ возраженія, и замѣчаніе императора осталось въ полной своей силѣ.

Въ этотъ день былъ большой обѣдъ у императора, къ которому были приглашены всѣ генералы и штабъ-офицеры, сухопутные и морскіе и мѣстные гражданскіе высшіе чины. Лейбъ-медикъ Виллie, по случаю поздняго возвращенія наканунѣ императора изъ Георгіевскаго монастыря, спросилъ его величество о положеніи его здоровья и получилъ самый удовлетворительный отвѣтъ, и въ наружности его не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны.

На другой день государь осматривалъ городъ и замѣчательныя окрестности онаго, сохранившіе нѣкоторые остатки и памятники древности, и въ двѣнадцать часовъ утра, 29-го октября, переправился чрезъ бухту и отправился по тракту въ Бахчисарай, нѣкогда столицу крымскихъ хановъ, куда и прибылъ въ четыре часа къ обѣду.

Въ Бахчисараѣ императоръ остановился въ ханскомъ дворцѣ, который сохраненъ вполнѣ и содержится точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при ханахъ, кромѣ принадлежностей надворныхъ, которыя, какъ видно, съ самаго покоренія Крыма не возстановляются и не поддерживаются. Самый знаменитый фонтанъ, такъ знаменито воспѣтый Пушкинымъ, остается безъ возобновленія. Онъ устроенъ внутри сераля и окруженъ обветшалыми диванами.

Но главная мечеть, турецкія бани и мраморный древній колодезь поддерживаются въ возможной исправности. Татарскій муфтій предложилъ государю посѣтить мечеть, гдѣ будетъ совершаться молитва о его здравіи, и обрядъ ихъ обрѣзанія и брака. Государь принялъ такое предложеніе. Собственно въ мечети государь не былъ, но былъ въ скрытыхъ хорахъ мечети, гдѣ никѣмъ изъ

молящихся дервишей не могъ быть видимъ. Въ это время при государѣ и я находился и чрезвычайно былъ удивленъ молитвоприношеніемъ этихъ турецкихъ монаховъ. Обрядъ ихъ состоялъ въ томъ, что они, среди мечети, въ числѣ человѣкъ пятидесяти, стали въ кругъ и начали съ замѣтнымъ усиліемъ кланяться очень скоро и низко, производя при этомъ очень дружно и въ тактъ восклицанія, очень похожія на хрюканье свиней, и это продолжали до тѣхъ поръ, пока отъ усталости начали нѣкоторые изъ нихъ падать въ обморокъ. Каждаго упавшаго немедленно относили въ сторону, и старшій изъ дервишей нагибался надъ нимъ и, казалось, что-то шепталъ ему на ухо. Прочіе дервиши продолжали свое хрюканье, и когда нѣсколько ихъ попадало, тогда эта молитва и кончилась. Послѣ, изъ любопытства, я былъ въ мечети во время ихъ обыкновеннаго служенія, на что получилъ позволеніе отъ главнаго ихъ муллы, но съ тѣмъ, чтобъ я, входя въ мечеть, надѣлъ данныя мнѣ прислужникомъ туфли.

Вечеромъ императоръ въ сопровожденіи нашего генерала изъ татаръ, командующаго крымскими казаками, въ частномъ домѣ присутствовалъ на обрядѣ обрѣзанія и брака; изъ свиты же при императорѣ никого не было: татары никого не приглашали.

Въ Бахчисараѣ императоръ, призвавъ меня въ кабинетъ, приказалъ, чтобъ я приготовилъ ему изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время своей горячки съ рожею на ногѣ. Я немедленно выполнилъ это повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ баронета Вилліе, присовокупивъ, что у государя разстроенъ желудокъ. Впрочемъ, онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьи, однако-жъ кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету.

31-го октября поутру, въ сопровожденіи своей свиты и старѣйшихъ магометанъ Бахчисарая, государь отправился верхомъ въ Чуфутъ-Кале, для осмотра этого замѣчательнаго селенія караимовъ, которые просили императора осчастливить ихъ своимъ монаршимъ посѣщеніемъ. Государь казался быть совершенно здоровымъ, былъ веселъ и ко всѣмъ обращался съ обычною своею благосклонностію. Чуфутъ-Кале отстоитъ отъ Бахчисарая верстахъ въ пяти или шести, расположенъ въ самой глубинѣ бахчисарайскаго ущелья, на неприступной, высокой и обрывистой скалѣ, такъ что нельзя не удивляться, почему караимы избрали для своего жилища такое неприступное и удаленное отъ всѣхъ почти сообщеній мѣсто, гдѣ нѣтъ даже воды, которая доставляется на скалу изъ ущелья, изъ источника ослами, нарочито пріученными къ тому и безъ проводниковъ.

Ущелье между Бахчисараемъ и Чуфутъ-Кале населяютъ большею частію цыганы, ведущіе жизнь полуосѣдлую, и придаютъ грустную картину этому уединенному мѣсту. Напротивъ того, селеніе караимовъ составляютъ люди коммерческіе, богатые, живущіе въ красивыхъ домахъ восточной архитектуры. Всѣ жители, кромѣ женщинъ, которыя живутъ въ сераляхъ, вышли на встрѣчу императору и приняли его съ неописаннымъ восторгомъ. Государь входилъ въ ихъ синагогу, помѣщаемую въ великолѣпномъ каменномъ зданіи, въ коемъ при синагогѣ находится училище. Потомъ его величество посѣтилъ начальника караимовъ, у коего была приготовлена великолѣпная закуска изъ всѣхъ богатыхъ сластей Востока. Хозяинъ, вопреки закону караимовъ, представлялъ государю свое семейство, т. е. своихъ женъ съ дѣтьми, живущими въ отдѣльномъ115 сералѣ. Нѣкоторыя изъ женъ очень красивы, но чрезвычайно блѣдны; при нихъ нѣсколько маленькихъ дѣтей. Весь этотъ гаремъ былъ одѣтъ очень богато въ восточномъ вкусѣ.

Вблизи этого караимскаго селенія находится обширное древнее кладбище караимовъ, на коемъ много замѣчательныхъ мраморныхъ памятниковъ и которое содержится у нихъ въ большомъ уваженіи.

На обратномъ пути, въ ущельи, государь посѣтилъ Успенскій монастырь, который чуднымъ образомъ помѣщается въ висячей скалѣ, повидимому, совсѣмъ готовый ринуться въ ущелье. Императоръ и мы всѣ, свитскіе, за нимъ, по высѣченной въ самой скалѣ узкой лѣстницѣ, не безъ страха вошли въ эту уединенную святыню. Государя встрѣтили два инока и повели прямо въ церковь; его величество приложился къ св. иконѣ Божіей Матери и потомъ осмотрѣлъ кельи, похожія болѣе на пещеры. Нельзя не удивляться этой обители, которая съ усильнымъ трудомъ и самоотверженіемъ высѣчена въ мѣловой скалѣ, на высотѣ саженъ двадцати отъ подошвы ущелья, отдѣлившейся вверху отъ горнаго хребта на значительное разстояніе. Въ монастырѣ помѣщаются два отшельника-монаха; всѣ принадлежности обители и самая церковная утварь крайне бѣдны.

По возвращеніи въ Бахчисарай, государь отобѣдалъ и отправился по направленію въ Евпаторію, куда и прибылъ на ночлегъ. Я пріѣхалъ на ночлегъ уже за полночь; верстъ за двѣнадцать не доѣзжая до Евпаторіи, ощущается невыносимый сѣрный запахъ, наносимый вѣтромъ съ минеральныхъ грязей Сакскихъ, коихъ цѣлительная сила въ разныхъ болѣзняхъ извѣстна во всей Россіи.

Евпаторія—уѣздный городъ Таврической губерніи, расположенъ на отлогомъ берегу Чернаго моря, имѣетъ торговую гавань, карантинную заставу и населенъ преимущественно караимами, производящими значительную торговлю. Замѣчательное зданіе города составляетъ великолѣпная мечеть. Впослѣдствіи тамъ устроенъ ар-

тезіанскій колодезь, который даетъ чистую прѣсную воду въ обильномъ количествѣ и есть единственный во всей Россіи, успѣшно оконченный.

2-го ноября, выѣхавъ изъ Евпаторіи, государь имѣлъ ночлегъ въ Перекопѣ. На другой день, рано поутру, выѣхавъ изъ Перекопа, въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую такъ артиллерійскую бригаду, а потомъ бригадный лазаретъ, въ коемъ особенно былъ доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ для больныхъ, котораго довольно покушалъ и за который приказалъ барону Дибичу выдать повару двадцать пять рублей ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣдъ былъ въ большомъ селеніи Таврической губерніи. Императоръ, съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для него питье, казался совершенно здоровымъ и ни мнѣ, ни баронету Виллліе нимало не жаловался на свое здоровье. Здѣсь, во время обѣда, вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ, и въ особенности о хинной соли (Sulphas Chinini), коей дѣйствіе выхваляль противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого врачебнаго средства долженъ быть очень непріятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе не противенъ, но только горекъ. Государь какъ бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать его величеству хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ и, поморщившись, сдѣлалъ гримасу, сказавъ мнѣ: «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лакомить своихъ паціентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?» Я отвѣчалъ: «Даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пи-

люль и въ растворѣ».—«Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь.

После обѣда, на дорогѣ, встрѣтилъ государя фельдъегерь Масковъ, съ депешами изъ Петербурга и Таганрога отъ императрицъ. Масковъ подалъ депеши государю на послѣдней станціи отъ города Орѣхова, отстоящей отъ него верстахъ въ двадцати пяти или тридцати.

Принявъ депеши, государь приказалъ Маскову ѣхать за нимъ, тотчасъ сѣлъ въ коляску съ барономъ Дибичемъ и поѣхалъ на полныхъ рысяхъ къ рѣчкѣ, чрезъ которую былъ большой мостъ, на который дорога съ крутого берега поворачиваетъ довольно круто. Государь и запасная коляска, въ коей сидѣли полковникъ Соломка и фельдъегерь Годефроа, проѣхали черезъ мостъ благополучно и поднимались шагомъ на противоположный крутой берегъ. Въ это время Масковъ тотчасъ сѣлъ на курьерскую тройку въ моихъ глазахъ и сказалъ: «пошелъ!» Горячая тройка подхватила съ мѣста и понесла къ мосту вслѣдъ за государемъ; но при поворотѣ на мостъ, кучеръ, не управивъ, попалъ на кочку изъ отвердѣвшей глины. Телѣга на всемъ быстромъ стремленіи сильно ударилась о кочку, такъ что Маскова очень высоко выбросило вверхъ, и онъ ударился о твердую дорогу тычкомъ головою—и остался на мѣстѣ безъ движенія. Этотъ моментъ паденія увидѣлъ государь съ противоположнаго берега, ахнулъ и тотчасъ послалъ г. Годефроа съ приказаніемъ ко мнѣ, чтобъ я немедленно подалъ врачебное пособіе упавшему и по пріѣздѣ въ городъ Орѣховъ лично доложилъ его величеству о положеніи Маскова.

Я поспѣшилъ на мѣсто приключенія и нашелъ Маскова уже безъ дыханія, распростертымъ на землѣ; изъ носу и ушей у него текла кровь, пульсу не было, глаза стоячіе съ расширенною зѣницею, дыханія не было,

оставалось только едва замѣтное, рѣдкое волнообразное движеніе въ сердцѣ. Изслѣдовавъ бездыханное тѣло Маскова, я нашелъ, что онъ, при вертикальномъ паденіи головою, получилъ сильное сотрясеніе мозга съ трещиною на основаніи черепа.

Немедленно я приказалъ земскому исправнику принять трупъ Маскова и похоронить его приличнымъ образомъ, на что выдалъ ему сто рублей ассигнаціями. Находящіяся же при немъ всѣ бумаги и вещи въ чемоданѣ предоставилъ принять находившемуся въ свитѣ въ одной со мною коляскѣ майору фельдъегерскаго корпуса Михайлову.

По причинѣ плохихъ лошадей, станцію до города Орѣхова я ѣхалъ очень долго, такъ что не могъ туда пріѣхать прежде полночи. Баронъ Дибичъ послалъ ко мнѣ навстрѣчу фельдъегеря съ приказаніемъ, чтобъ я по пріѣздѣ тотчасъ явился къ нему. Ожидавшій меня баронъ Дибичъ встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ видомъ и съ вопросомъ: «Отчего вы такъ долго не пріѣзжали и что Масковъ?» На первое я обвинялъ лошадей, которыя были очень плохи и слабы, а на послѣднее, что Маскова я нашелъ на мѣстѣ паденія безъ дыханія и не было никакого средства спасти его; онъ умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа на основаніи его.

Изъявивъ знакъ глубокаго сожалѣнія, баронъ Дибичъ тревожно приказалъ мнѣ тотчасъ доложить лично о томъ императору, который, несмотря на позднее время, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о положеніи Маскова.

По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя; его величество сидѣлъ противъ камина въ кабинетной шинели въ рукава, и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣлъ безпокойный видъ и старался со-

грѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто:

— Въ какомъ положеніи Масковъ?

— Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ.

Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста, сплеснулъ руками и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! очень жаль этого человѣка!..» Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить слѣдующее обстоятельство, которое, по важности своей, не могло не имѣть сильнаго вліянія на моральное положеніе императора. Екатеринославскій епископъ и гражданскій губернаторъ имѣли личную горячую ссору по какому-то дѣлу, и эта ссора или споръ простерся даже до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, императоръ былъ очень огорченъ такимъ оскорбительнымъ для сана ихъ поступкомъ и, не приказывая этому происшествію давать огласки, намѣренъ былъ лично ихъ разобрать. На сей конецъ оба они были вызваны въ городъ Орѣховъ. На другой день государь далъ имъ обоимъ отдѣльно аудіенцію и, съ свойственною ему деликатностью, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не

могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ, безъ сильнаго внутренняго потрясенія.

4-го ноября государь, заѣхавъ въ Орѣховѣ въ церковь и приложась къ св. кресту, отправился по направленію въ Маріуполь, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Прибывъ на ночлегъ въ семь часовъ вечера, императоръ часу въ десятомъ потребовалъ къ себѣ баронета Вилліе, которой нашелъ его величество въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пуншу съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только девяносто верстъ и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября—такъ было назначено по маршруту.

5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра, въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью, въ теплой шинели, государь отправился изъ Маріуполя и прибылъ въ Таганрогъ въ восьмомъ часу вечера, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидала его императрица.

XI.

Развитіе болѣзни императора Александра по прибытіи въ Таганрогъ.— Убійство Настасьи Шумской въ Грузинѣ и впечатлѣніе, произведенное имъ на государя.—Безпокойство императрицы Елизаветы.—Вѣсти о заговорѣ въ арміи. — Принятіе императоромъ Александромъ Св. Таинъ.—Предсмертныя страданія государя и кончина его.

6-го ноября, въ семь часовъ утра, лейбъ-медикъ Вилліе нашелъ государя въ довольно спокойномъ положеніи и безъ лихорадки; только языкъ покрытъ былъ бѣловатою слизью и непріятный вкусъ во рту. Назначивъ умѣренную діэту, прописалъ обыкновенныя, нерѣдко государемъ принимаемыя, пилюли изъ шести гранъ сладкой ртути (Calomel) и полдрахмы корня ялаппа. Лекарство это оказало свое дѣйствіе, и весь день государь провелъ въ кабинетѣ довольно спокойно, но ничего не кушалъ, ибо не чувствовалъ никакого аппетита.

Въ ночи на 7-го ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и совсѣмъ не спалъ. Лейбъ-медикъ былъ очень опечаленъ положеніемъ императора и назначилъ ему микстуру слабительную (Infusum Sennae Salinum) три раза въ день по унцу. День прошелъ безъ лихорадки, и государь чувствовалъ себя довольно изрядно, а въ ночи на 8-го ноября даже спалъ спокойно часа четыре. Поутру баронетъ Вилліе нашелъ императора въ удовлетворительномъ положеніи, такъ что возвратился отъ своего больного не только спокойнымъ, но даже ве-

селымъ, и сказалъ мнѣ, что положеніемъ императора онъ совершенно доволенъ.

Здѣсь должно замѣтить, что означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Вилліе, которыми ему многократно удавалось помогать своему августѣйшему паціенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя.

Въ ночи на 9-го ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и вовсе не спалъ. Такое теченіе болѣзни государя стало безпокоить императрицу, и ея величество прислала своего лейбъ-медика г. Штоффрегена въ консультанты къ баронету Вилліе.

9-го ноября пріѣхавшій изъ Петербурга курьеръ привезъ извѣстіе, что въ имѣніи графа Аракчеева, Грузинѣ, случилось важное происшествіе. Дворовые люди графа зарѣзали завѣдывавшую его хозяйствомъ и пользовавшуюся особенною его довѣренностію женщину, Настасью, столь извѣстную въ свое время. Убійство это такъ поразило гр. Аракчеева, что онъ заболѣлъ и отказался прибыть, по повелѣнію государя, въ Таганрогъ, куда его величество вызывалъ его для занятія съ нимъ дѣлами особенной важности. Это обстоятельство опечалило государя, какъ по случившемуся у графа такому происшествію, такъ и потому, что присутствіе графа въ Таганрогѣ было необходимо нужно для императора, такъ что, несмотря на уклоненіе графа, его величество приказалъ баронету Вилліе написать къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Таганрогъ. Письмо это писалъ я, которое, по своему содержанію, очень замѣчательно. Въ немъ изложено было участіе, принимаемое государемъ въ грустномъ положеніи графа, и что въ Таганрогѣ, гдѣ для него былъ приготовленъ наилучшій домъ, со всѣмъ комфортомъ, онъ найдетъ благосклопный и дру-

жескій пріемъ, и глубокая грусть его можетъ здѣсь разсѣяться. Несмотря на все это, графъ Аракчеевъ не пріѣзжалъ въ Таганрогъ. Такой поступокъ графа, имѣвшій видъ ослушанія, унизилъ его въ общемъ и самого государя императора мнѣніи.

Весь день 9-го ноября государь провелъ безпокойно. Употребляемыя имъ лекарства наскучили ему, не принося ожидаемой пользы. Ночь на 10-го ноября государь провелъ почти безъ сна, жалуясь на безпокойство и головную боль. Замѣтить должно, что императоръ все это время не переставалъ заниматься дѣлами, и хотя не выходилъ изъ кабинета, но всегда былъ въ сюртукѣ и проводилъ свободное время съ императрицею, которую положеніе его начало очень тревожить.

Съ 10-го на 11-е ноября въ ночи, отъ генерала Рота, командовавшаго тогда пѣхотнымъ корпусомъ, прибылъ съ секретнымъ донесеніемъ офицеръ Шервудъ[1]), котораго государь принялъ секретно въ кабинетѣ, полчаса говорилъ съ нимъ и тотчасъ же приказалъ ему выѣхать изъ Таганрога, и притомъ такъ, чтобъ никто не могъ узнать о его пріѣздѣ въ Таганрогъ.

Въ ту же ночь государь потребовалъ къ себѣ полковника Николаева, командовавшаго отрядомъ донскихъ казаковъ при квартирѣ его величества, и коменданта города Таганрога, полковника гвардіи Фридерици, и, давъ имъ важное секретное повелѣніе, приказалъ тотчасъ же немедленно выѣхать изъ Таганрога, такъ, чтобъ никто не замѣтилъ ихъ выѣзда. Этого отправленія и даннаго высочайшаго повелѣнія не зналъ даже и начальникъ штаба его величества, баронъ Дибичъ.

---

[1]) Шервудъ, Иванъ Васильевичъ, прапорщикъ, первый донесъ о заговорѣ въ южной арміи. Императоръ Николай I далъ ему наименованіе «Вѣрнаго». Умеръ въ 60-хъ годахъ XIX в. полковникомъ въ отставкѣ. Въ Таганрогъ прибылъ отъ Рота, впрочемъ, не Шервудъ, а другое лицо.

12-го ноября, по утру, у государя былъ пароксизмъ, за коимъ послѣдовала слабость, на которую его величество особенно жаловался. По случаю пріостановленія желудочнаго испражненія, баронетъ Вилліе и Штоффрегенъ назначили промывательное, которое и было поставлено штабъ-лекаремъ Рейнгольдомъ, состоявшимъ тогда при Штоффрегенѣ врачемъ свиты ея величества императрицы. Это средство не принесло ожидаемой пользы, и замѣчено, что государь колебался въ довѣренности къ даваемымъ ему лекарствамъ.

13-го ноября, часу во второмъ пополудни, государь занимался какимъ-то важнымъ дѣломъ. Вдругъ нашло густое облако и произвело такой сумракъ, что государь потребовалъ огня. Камердинеръ Анисимовъ зажегъ двѣ свѣчи и поставилъ въ кабинетѣ предъ государемъ. Спустя полчаса, туча прошла, и горизонтъ сталъ ясенъ попрежнему, но свѣчи оставались предъ государемъ незагашенными. Анисимовъ, вошедъ зачѣмъ-то въ кабинетъ и видя предъ государемъ горящія свѣчи, остановился, ожидая отъ него приказанія погасить свѣчи.

— Чего ты хочешь, Геогоровичъ? (такъ обыкновенно звалъ онъ Анисимова) спросилъ государь.

— Нехорошо, государь, что предъ вами днемъ горятъ свѣчи,—отвѣчалъ Анисимовъ.

— А что-жъ за бѣда: развѣ по-твоему это что-нибудь значитъ недоброе?

— По-нашему предъ живымъ человѣкомъ, среди бѣлаго дня, свѣчей не ставятъ,—сказалъ Геогоровичъ.

— Это пустой предразсудокъ, безъ всякаго основанія,—сказалъ государь:—ну, пожалуй, возьми прочь свѣчи для твоего успокоенія.

Анисимовъ, загасивъ и принявъ свѣчи, вышелъ изъ кабинета. Это обстоятельство, которому послѣ придавали

особое значеніе, слово въ слово передалъ мнѣ самъ Анисимовъ, старшій камердинеръ императора.

Въ ходѣ болѣзни и положеніи императора доселѣ не было ничего благопріятнаго. Характеръ лихорадки началъ измѣняться, и изъ перемежающейся она перешла въ непрерывную. 14-го ноября государь всталъ поутру въ обыкновенное свое время, въ седьмомъ часу, и тотчасъ приказалъ подать себѣ бриться. Только что началъ онъ, за уборнымъ своимъ столомъ, брить бороду, на подбородкѣ отъ трясенія руки сдѣлалъ порѣзъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ съ нимъ сильный обморокъ, такъ что онъ не могъ удержаться на стулѣ; камердинеръ не успѣлъ его поддержать, и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. Баронетъ Вилліе совсѣмъ потерялся, г. Штоффрегенъ началъ государю растирать голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили въ кроватъ въ бѣломъ шлафрокѣ. Ея величество чрезвычайно была опечалена положеніемъ своего супруга и просила лейбъ-медиковъ принять дѣятельнѣйшія, извѣстныя имъ мѣры противъ усилившейся болѣзни императора.

Съ этого момента уже было видно, что болѣзнь императора приняла опасное направленіе. Онъ болѣе уже не могъ вставать съ постели. Изъ уборной перевели его на большой диванъ въ кабинетъ.

Въ девять часовъ вечера его величество потребовалъ меня къ себѣ. Надобно здѣсь замѣтить, что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ частію отъ баронета Вилліе (не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальню государя), а частію отъ лейбъ-медика Штоффрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго тогда не совсѣмъ здоровымъ.

По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ

кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаетъ, и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться. Это несчастное предчувствіе я секретно сообщилъ г. Рейнгольду, который видѣлъ его 12-го ноября и вполнѣ раздѣлилъ со мною такое предсказаніе.

Въ двѣнадцатомъ часу вечера императрица вошла къ императору весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больного на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначаемыя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— Я намѣрена предложить тебѣ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

— Хорошо, говори, сказалъ государь.

Императрица продолжала:

— Я болѣе всѣхъ знаю, что ты великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую тебѣ прибѣгнуть къ врачеванію духовному, оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство?

— Твой лейбъ-медикъ, Виллie, — отвѣчала императрица.

Тотчасъ Виллie былъ позванъ.

Императоръ повелительно спросилъ его:

— Ты думаешь, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?

Виллie, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положенiи.

Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ:

— Благодарю тебя, другъ мой, прикажи — я готовъ.

Тотчасъ былъ позванъ соборный протоiерей Алексѣй Өедотовъ; но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однако-жъ, не былъ настоящiй сонъ, но сонливость (sopor). Въ такомъ положенiи государь оставался до пяти часовъ утра. Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больного и, наблюдая за положенiемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы св. Давида, не открывая глазъ.

Въ $5^1/_2$ часовъ утра 15-го ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?» Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Виллie, проводившимъ всю ночь въ прiемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскiй доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

Немедленно введенъ былъ протоiерей Өедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословенiе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ ему: «Я хочу исповѣдаться и прiобщиться св. Таинъ,—прошу исповѣдать меня

не какъ императора, но какъ простого мірянина,—извольте начинать, я готовъ приступить къ св. таинству».

Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе продолжались часъ съ четвертью. Послѣ вошли къ государю и всѣ прочіе, и поздравляли его величество съ принятіемъ св. Таинъ. Императрица поцѣловала государя въ лобъ и руку.

Государь казался ободреннымъ и спокойно разговаривалъ. Потомъ, обратясь къ врачамъ, сказалъ:

— Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными.

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки показывали, очевидно, пораженіе мозга. Немедленно мною поставлено было за уши и къ затылку тридцать піявицъ, на голову положены холодныя примочки и назначены лейбъ-медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ припадки не ожесточались.

16-го ноября. Ночь провелъ государь безпокойно, сна совсѣмъ не было, но была сонливость. Сильный жаръ, кожа сухая. Среди дня государь разговаривалъ съ императрицею, но прерывисто и голосомъ слабымъ.

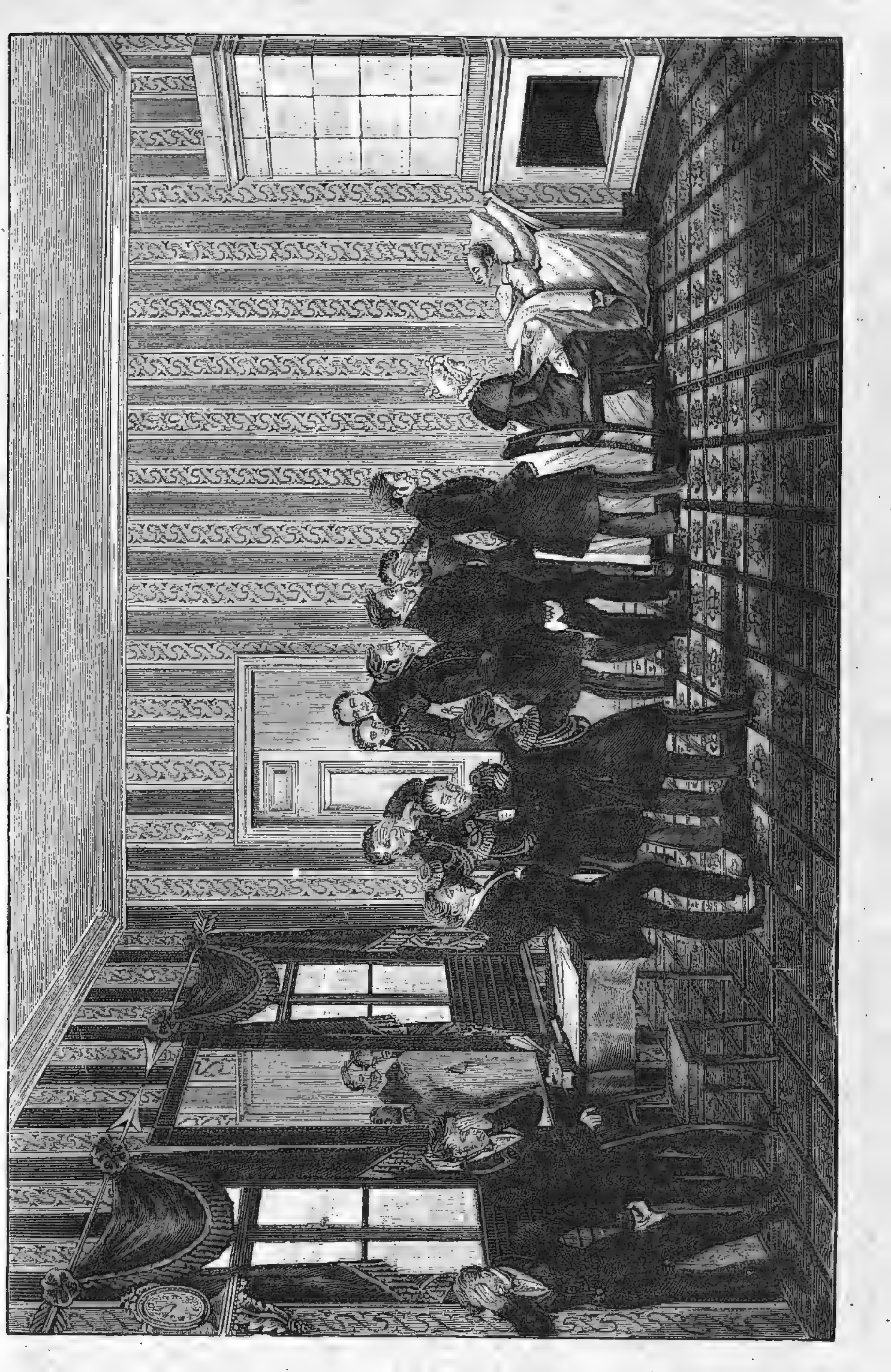
17-го ноября. Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до ста удареній. Поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала. День начался прекраснымъ утромъ, солнце свѣтило во всемъ блескѣ, коего лучи падали прямо на окна кабинета государя. Его величество, приказавъ поднять оконныя шторы, любовался свѣтомъ солнца, которое онъ вообще всегда очень любилъ, и сказалъ: «Какой прекрасный день и какъ благотворны лучи солнца!» Нѣкоторые и другіе признаки подавали поводъ полагать, что положеніе государя подаетъ нѣко-

торую надежду на благопріятный оборотъ болѣзни, достигшей, впрочемъ, высшей степени своего развитія...

Такого содержанія былъ на этотъ день бюллетень, ежедневно отправляемый въ Петербургъ. Но къ вечеру положеніе государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни.

18-го ноября. Ночь всю провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Это распятіе было на золотомъ медальонѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ, на коемъ лежалъ больной. Святыня эта, какъ родительское его благословеніе, всегда и вездѣ сопровождала его величество и свято была имъ хранима. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ десять часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ четвертомъ часу за полночь дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій.

Всѣ свитскіе и придворные стояли въ почивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи императора.

Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!....

Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ ровно двѣнадцать часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему, и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты. Князь Волконскій хотѣлъ было слѣдовать за нею, но императрица, оборотясь къ нему, сказала: «Останьтесь, князь, здѣсь; ваше присутствіе здѣсь теперь необходимо нужно».

XII.

Распоряженія по кончинѣ Александра.—Актъ о кончинѣ его.—Бальзамированіе тѣла императора.—Назначеніе Тарасова сопровождать тѣло государя до Петербурга.—Недоброжелательство къ Тарасову баронета Виллie.—Шествіе печальной процессіи въ Петербургъ.—Порядокъ шествія и осмотры тѣла въ пути.—Злонамѣренные слухи о кончинѣ императора и мѣры предосторожности.— Встрѣчи останковъ государя въ Москвѣ и Новгородѣ.

Нельзя описать того горестнаго положенія, въ которое повергнуты были всѣ присутствовавшіе при кончинѣ Александра Благословеннаго. Присутствовавшіе были: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ; лейбъ-медики: баронетъ Виллie, Штоффрегенъ, я и докторъ Рейнгольдъ. Бывшій при князѣ Волконскомъ живописецъ изъ этой печальной сцены составилъ картину, которая довольно вѣрно представляетъ кончину великаго изъ монарховъ этого времени.

Удивительны и непостижимы судьбы Провидѣнія Всевышняго! Великій монархъ, обладатель пятидесяти милліоновъ, отлученный отъ родственнаго своего круга попеченіемъ о возстановленіи здоровья августѣйшей своей супруги, умираетъ въ отдаленномъ отъ столицъ и уединенномъ городѣ, не въ великолѣпномъ дворцѣ, а въ частномъ, самомъ скромномъ домѣ, безъ всякаго великолѣпія.

Всѣ присутствовавшіе, по выходѣ императрицы, въ безпрестанныхъ рыданіяхъ, простились съ усопшимъ императоромъ и удалились изъ кабинета его величества.

Князь Волконскій и баронъ Дибичъ тотчасъ приказали чиновнику Пѣтухову при себѣ опечатать всѣ бумаги и портфели въ кабинетѣ императора и составить подробную всему опись. Это немедленно и выполнено съ наивозможною аккуратностію.

Въ тотъ же день, 19-го ноября, въ десять часовъ вечера, у барона Дибича былъ чрезвычайный комитетъ, который составляли: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ, духовникъ протоіерей Алексѣй Ѳедотовъ, лейбъ-медикъ Вилліе и я. Комитету этому предложено составить государственный актъ о кончинѣ императора Александра I. Актъ этотъ немедленно былъ составленъ, я тутъ же переписалъ его набѣло, и всѣ члены, а равно и я, его подписали. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, изображено: «Императоръ Александръ I, 19-го ноября 1825 года, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ, въ городѣ Таганрогѣ, скончался отъ горячки съ воспаленіемъ мозга» [1]).

Тѣло скончавшагося императора помѣщено было тутъ же въ кабинетѣ на столѣ, окружено подсвѣчниками съ горящими свѣчами и начато священниками чтеніе св. Евангелія. Въ 7 часовъ вечера была совершена первая панихида соборнѣ; въ послѣдующее время панихиды надъ тѣломъ императора были постоянно въ одиннадцать часовъ утра и въ семь часовъ вечера.

Предстояла необходимость бальзамированія тѣла императора. Князь Волконскій эту печальную операцію

---

[1]) Актъ этотъ хранится въ государственномъ архивѣ вмѣстѣ съ документами Императорской Фамиліи.

возлагалъ на меня; но я, изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности. Тогда составленъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, изъ врачей: Рейнгольда, Добберта, Лакіера (таганрогскаго городового лекаря), штабъ-лекаря Васильева (состоявшаго при казацкомъ гарнизонѣ) и придворнаго аптекаря Протта.

Предъ бальзамированіемъ, которое предписано было совершить въ продолженіе только одной ночи, произведено было вскрытіе тѣла по установленному судебному порядку и составленъ актъ. При вскрытіи найденъ въ мозгѣ воспалительный процессъ и значительное выпотѣніе сукровицы, коей въ боковыхъ желудкахъ мозга найдено до трехъ унцовъ. Редакція этого акта составлена мною, и черновой хранится между моими бумагами; но я его не подписывалъ.

Вслѣдъ за симъ немедленно приступлено было къ бальзамированію, которое, несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія въ отысканіи въ столь короткое время всѣхъ потребныхъ къ тому веществъ и составовъ, произведено было въ назначенное время и вполнѣ удачно, такъ что, по прибытіи печальной церемоніи 8-го марта 1826 года въ Царское Село, несмотря на разстояніе почти двѣ тысячи верстъ и продолжительность шествія печальной церемоніи, тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены. Сердце императора помѣщено было въ серебряный, густо вызолоченный сосудъ, а внутренности въ особый кивотъ, или ящикъ, и герметически закупорены.

По совершеніи бальзамированія, тѣло императора одѣто было въ парадный общій генеральскій мундиръ со всѣми принадлежностями, кромѣ Андреевской ленты и шпаги. По положеніи тѣла въ гробъ, возложена была

на голову императора корона. Гробъ былъ поставленъ на катафалкъ въ пріемномъ залѣ, который былъ весь обитъ трауромъ и убранъ всѣми императорскими принадлежностями и доспѣхами.

Въ день кончины государя, ввечеру императрица выѣхала изъ дворца въ домъ генерала Папкова, съ своими фрейлинами: Валуевою и княжною Волконскою.

По отдаленности Таганрога отъ столицъ, всѣ потребности и вещи для печальной церемоніи надобно было выписать или изъ Москвы, или Петербурга; это требовало значительнаго времени. Между тѣмъ вытребованы изъ Петербурга два генералъ-адъютанта и восемь флигель-адъютантовъ для дежурства при гробѣ императора.

2-го декабря была церемоніальная печальная процессія для выноса тѣла императора въ Варваціевскій соборъ, гдѣ оно въ парадномъ гробѣ поставлено было на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборѣ было ежедневно архіерейское служеніе, и поутру и ввечеру панихиды. Для сего былъ вызванъ изъ Екатеринославля епархіальный архіерей, и, замѣчательно, тотъ самый, которому незадолго передъ тѣмъ въ городѣ Орѣховѣ покойный императоръ, за поступокъ съ губернаторомъ, лично сдѣлалъ строгое замѣчаніе, какъ выше о семъ было сказано.

Для императрицы всегда служились панихиды надъ тѣломъ государя особенно. Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что императрица, при потерѣ августѣйшаго супруга, сохранила замѣчательное присутствіе духа, не показывая ни малѣйшей слабости, свойственной ея полу при такомъ ужасномъ для нея ударѣ. Она въ день кончины императора написала императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ письмо, которое должно считаться историческимъ; оно начиналось такъ: «Notre Ange est au ciel, et Moi, je végette encore sur la terre» и проч.

На третій день по кончинѣ императора, въ соборной церкви была присяга цесаревичу Константину Павловичу, которому въ тотъ же день былъ отправленъ курьеръ въ Варшаву съ рапортами отъ начальника главнаго штаба барона Дибича о состояніи всей арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства. На пакетахъ было надписано: Его императорскому величеству государю императору Константину I. Курьеромъ былъ посланъ капитанъ фельдъегерскаго корпуса Веймаръ, который однако-жъ возвратился вскорѣ назадъ со всѣми депешами, которыхъ цесаревичъ не принялъ, а самого Веймара приказалъ тотчасъ ночью же выпроводить изъ Варшавы, не дозволивъ ему даже отдохнуть, и строго запретилъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ не смѣлъ видѣться въ Варшавѣ.

Въ главномъ штабѣ дѣлались распоряженія о выводѣ войскъ на трактъ, по коему должна слѣдовать печальная процессія съ тѣломъ императора изъ Таганрога до Петербурга. На разстояніи почти двухъ тысячъ верстъ надобно было расположить кавалеріи и пѣхоты до 200,000. Кавалерія обыкновенно составляла эскортъ впереди и позади колесницы, а на ночлегахъ при церквахъ въ караулѣ всегда и вездѣ была пѣхота. Главнымъ военнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, составлявшихъ эскортъ, назначенъ былъ войска донского генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ [1]). При колесницѣ (при гробѣ) во все время шествія дежурили генералъ-адъютантъ и два флигель-адъютанта.

Предъ выступленіемъ изъ Таганрога печальной процессіи императрица Елизавета Алексѣевна призвала меня и, прощаясь, изволила мнѣ повелѣть:

---

[1]) Графъ Орловъ-Денисовъ, Василій Васильевичъ, генералъ-отъ-кавалеріи (1780—1833).

— Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы.

Получивъ повелѣніе ея величества, я поцѣловалъ ея руку, откланялся и вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ императрица, призвавъ меня опять къ себѣ, изволила мнѣ пожаловать брилліантовый траурный перстень, сказавъ:

— Вотъ вамъ отъ меня на память службы при императорѣ!

22-го декабря 1825 года, по совершеніи въ Варваціевскомъ соборѣ архіереемъ литургіи и панихиды, съ значительнымъ казачьимъ эскортомъ, печальная процессія выступила изъ Таганрога. Жители города и окрестностей въ большихъ массахъ сопровождали постоянно гробъ императора, и не было никого, кто бы не оплакивалъ Благословеннаго монарха. Сопровожденіе гроба массою жителей постоянно продолжалось во все путешествіе печальной церемоніи до самаго Петербурга.

Лейбъ-медикъ Вилліе поспѣшилъ уѣхать изъ Таганрога впередъ печальной церемоніи и, прибывши въ Петербургъ, немедленно уволилъ меня отъ управленія его канцеляріею, назначивъ главнымъ врачемъ артиллерійскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ. Это назначеніе, о коемъ я получилъ извѣстіе на дорогѣ въ Харьковѣ, при моемъ грустномъ въ то время положеніи, меня очень опечалило. Оно, видимо, показывало недоброжелательство начальника, которому я вѣрно, усердно и съ преданностію служилъ семь лѣтъ и не заслужилъ даже того, чтобъ дождаться моего возвращенія въ Петербургъ и спросить меня о желаніи поступить на такое мѣсто. Главная цѣль его была та, чтобъ заблаговременно уда-

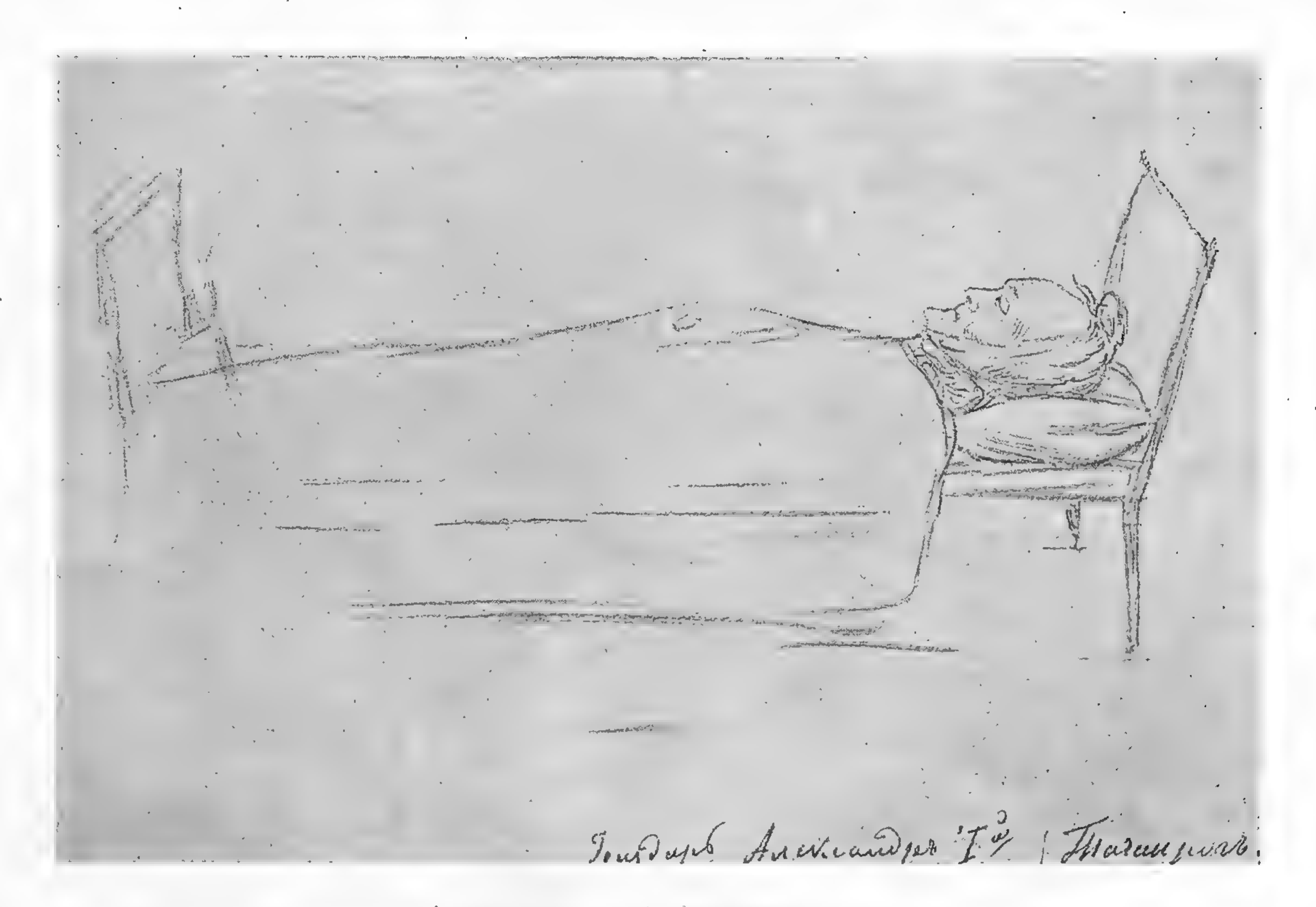
лить меня отъ двора, при коемъ я уже пользовался вниманіемъ и извѣстностію, и особенно, какъ для меня было очень понятно впослѣдствіи, потому, что при покойномъ императорѣ, въ послѣдніе дни его болѣзни, я находился безотходно и ухаживалъ за нимъ, какъ самая усердная сердобольная. Это было замѣчено не только всѣми придворными и высшими особами, но и самою императрицею Елизаветою Алексѣевною, которая писала о томъ и въ Петербургъ [1]).

Шествіе печальной церемоніи, по выступленіи изъ Таганрога, продолжалось благополучно, по составленному барономъ Дибичемъ плану. Начальствующій надъ церемоніею и войсками, составляющими эскортъ гроба, графъ Орловъ-Денисовъ, наблюдалъ вездѣ строгій порядокъ и военную дисциплину. Всѣ ночлеги были въ селахъ или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ, въ которыя онъ былъ вносимъ и выносимъ десятью сильными донскими казаками для поставленія на парадную колесницу подъ великолѣпный балдахинъ, увѣнчанный императорскою короною. Во время всего шествія ежедневно обѣдни и панихиды при гробѣ служили епархіальные архіереи. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами, чтобъ оплакать своего незабвеннаго монарха. Но въ городахъ, особенно губернскихъ, это стеченіе народа простиралось до неимовѣрно обширныхъ размѣровъ и представляло самыя умилительныя и трогательныя сцены уваженія и благоговѣнія къ покойному императору.

Встрѣчи печальной церемоніи въ губернскихъ горо-

---

[1]) Эта одна черта г. Вилліе уже показываетъ, въ какой степени онъ былъ эгоистъ, неблагодаренъ къ моимъ заслугамъ, а притомъ большой трусъ. Д. Т.

Александръ I на смертномъ одрѣ.

Съ рисунка очевидца.

дахъ были описываемы чрезвычайно трогательно и увлекательно состоявшимъ при графѣ Орловѣ-Денисовѣ, адъютантомъ ротмистромъ Элпидифоромъ Антіоховичемъ Зуровымъ [1]). Описанія эти помѣщались въ донесеніяхъ начальнику главнаго штаба, барону Дибичу, и доводились до высочайшаго свѣдѣнія.

Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостію тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлію я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились секретно въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія, въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и поваренною солью, для поддержанія холода.

Замѣтить слѣдуетъ, что насчетъ кончины императора въ то время носились въ народѣ и распространялись людьми неблагонамѣренными разные нелѣпые слухи, которые доходили до графа Орлова-Денисова; но графъ

---

[1]) Описанія эти открыли г. Зурову весьма лестный карьеръ службы, по прибытіи печальной церемоніи въ Петербургъ: баронъ Дибичъ, по рекомендаціи графа, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Впослѣдствіи онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, за отличіе въ полковники, генералъ-майоры. Наконецъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тулѣ и Новгородѣ, изъ коего поступилъ въ сенаторы. Д. Т.

всегда умѣлъ предупреждать ихъ своими благоразумными распоряженіями. Такъ, предъ въѣздомъ въ Тулу, на встрѣчу печальной процессіи вышли въ большой массѣ оружейники и просили позволенія отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ. Графъ Орловъ согласился на усиленныя просьбы оружейниковъ, но въ то же время приказалъ усилить эскортъ съ заряженными ружьями [1]). Впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, здѣсь, кромѣ усердія и общаго благоговѣнія къ праху монарха, ничего другого въ народѣ не было. Все населеніе Тулы и всѣхъ окрестныхъ городовъ показало единодушное сочувствіе въ потерѣ государя.

По случаю бывшаго, 14-го декабря 1825 года, въ Петербургѣ возмущенія въ день присяги императору Николаю Павловичу, до графа Орлова-Денисова изъ Москвы дошли слухи о замыслахъ людей неблагонамѣренныхъ, которые они будто намѣрены привести въ дѣйствіе при вступленіи печальной церемоніи въ Москву. Графъ счелъ нужнымъ предувѣдомить о семъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына съ тѣмъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ принять надлежащія мѣры къ предупрежденію могущаго произойти безпорядка.

Отъ самой Тулы военный эскортъ былъ усиленъ и шелъ постоянно съ заряженными ружьями. Не доходя до Москвы двѣнадцати верстъ, печальная процессія имѣла ночлегъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ гробъ поста-

[1]) Слухи эти были различные: 1) Одни утверждали, что въ гробу вмѣсто тѣла императора лежитъ кукла. 2) Другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственною смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя нелѣпости, легко въ то время могшія произвести безпокойства и безпорядокъ въ народѣ. Д. Т.

вленъ былъ въ церкви стараго дворца. На встрѣчу процессіи въ село Коломенское выѣхали изъ Москвы всѣ начальственныя лица, военныя и гражданскія. При встрѣчѣ сцена была самая трогательная; плачъ и вопль былъ всеобщій. Для встрѣчи гроба выѣзжалъ изъ Москвы самъ митрополитъ Филаретъ и совершилъ панихиду при гробѣ соборнѣ.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, назначено было парадное вступленіе печальной церемоніи въ Москву. На разстояніи версты отъ подольской заставы по обѣимъ сторонамъ выставлены были пѣхота и кавалерія (всѣ съ заряженными ружьями). Еще въ Коломенскомъ гробъ поставленъ былъ на парадную колесницу, въ Москвѣ приготовленную. Здѣсь прежнихъ лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось замѣчательное, хотя не такъ важное происшествіе. По смѣнѣ въ колесницѣ лошадей, лейбъ-кучеръ покойнаго императора Илья Байковъ поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына, который приказалъ было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ: «Я возилъ императора слишкомъ тридцать лѣтъ и хочу служить ему до

его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить».

Князь Голицынъ, тронутый такою преданностію, приказалъ оставить Байкова на козлахъ.

Вступленіе печальной церемоніи въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ. Шествіе продолжалось въ Кремль, и гробъ поставленъ былъ на катафалкъ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ.

Стеченіе народа въ Кремль для поклоненія гробу императора было неимовѣрно большое. Въ теченіе шести дней пребыванія въ Москвѣ тѣла императора, полиціею были приняты самыя дѣятельныя и строгія мѣры, а равно и со стороны военной, къ предупрежденію безпорядка и смутъ. Во всю ночь ходили военные патрули по всей столицѣ, и въ восемь часовъ вечера всѣ ворота домовъ были заперты, и никто, безъ особенной причины и позволенія полиціи, не долженъ былъ выходить изъ дому.

Въ день выступленія изъ Москвы печальной процессіи, митрополитъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за тверскую заставу до Петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ, со всѣмъ московскимъ духовенствомъ, послѣднюю литію. При полученіи отъ него прощальнаго благословенія, онъ мнѣ благосклонно замѣтилъ, что я не посѣтилъ его въ Москвѣ особенно; ибо ему нужно было побесѣдовать со мною о многомъ, и особенно насчетъ его здоровья, которое по временамъ у него тогда разстраивалось.

На другой день по выступленіи изъ Москвы, въ двѣнадцать часовъ ночи, еще была, установленнымъ прежде порядкомъ, осмотрѣна гробница и тѣло императора, которое было найдено въ совершенной цѣлости и никакихъ признаковъ порчи и разложенія не замѣчено.

По Тверской губерніи шествіе печальной церемоніи продолжалось установленнымъ порядкомъ и благополучно. На границѣ Новгородской губерніи, на встрѣчу печальной церемоніи, по обыкновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей, и при немъ извѣстный въ то время архимандритъ Фотій[1]). Тутъ же къ кортежу присоединился графъ Аракчеевъ, который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери.

Въ городѣ Валдаѣ, по распоряженію графа Аракчеева, въ церкви для гроба былъ устроенъ катафалкъ, замѣчательный не столько по великолѣпію, сколько по значенію частей, его составлявшихъ. Тутъ устроено было такъ, что гробъ окружали, очень прилично, Софія (мудрость), Вѣра, Надежда и Любовь, съ приличными по мѣстамъ надписями. На ночлегахъ, по ночамъ, Евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ архимандритъ Фотій.

Въ Новгородѣ встрѣча печальной процессіи была чрезвычайно многолюдна. Гробъ поставленъ былъ въ крѣпости, въ Софійскомъ соборѣ. Здѣсь графъ Орловъ-Денисовъ отъ начальствующаго въ Петербургѣ надъ печальною процессіею князя Куракина[2]) получилъ предварительное отношеніе, содержащее въ себѣ всѣ приготовленія въ Петербургѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи. Отъ меня было потребовано подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости

---

[1]) Архимандритъ Фотій (Спасскій), настоятель новгородскаго Юрьева монастыря, извѣстный фанатикъ, другъ Аракчеева и графини А. А. Орловой-Чесменской. Ему незадолго до своей кончины императоръ Александръ писалъ, поручая успокоить и поддержать мужество Аракчеева послѣ убійства Шумской. Умеръ въ 1838 году.

[2]) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, генералъ-прокуроръ при Павлѣ I, министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ, канцлеръ императорскихъ россійскихъ орденовъ (1759—1829).

тѣла императора. На этотъ конецъ я просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Петербурга освидѣтельствованіе тѣла, что и произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, которое и отправлено было къ князю Куракину въ Петербургъ.

XIII.

Встрѣча тѣла императора Александра въ Царскомъ Селѣ.—Скорбь императорской фамиліи.—Представленіе Тарасова императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Прощаніе съ тѣломъ государя членовъ императорской фамиліи въ Царскомъ Селѣ.—Погребеніе императора Александра.—Удаленіе Тарасова отъ двора.

8-го марта 1826 года, въ пять часовъ пополудни печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу; не доходя по ижорскому шоссе версты двѣ до колоніи, она встрѣчена была всѣми жителями Царскаго Села съ духовенствомъ и крестьянами царскосельскаго дворцоваго вѣдомства и здѣсь остановилась, ожидая императора. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Императоръ не замедлилъ выѣхать на встрѣчу съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и всѣми первыми чинами двора. Сошедъ съ коляски, императоръ, приближась къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ кото-

рую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

Вся императорская фамилія въ то время была въ Царскомъ Селѣ. Князья Куракинъ и Голицынъ немедленно подозвали меня и разспрашивали подробно обо всемъ, относящемся до болѣзни и кончины императора, шествія печальной процессіи и цѣлости тѣла въ гробѣ. Князь Голицынъ, послѣ отозвавъ меня въ сторону и раздѣляя со мною слезы, съ особеннымъ участіемъ сказалъ мнѣ, что императоръ очень хорошо знаетъ о моей службѣ при его августѣйшемъ братѣ и что я могу надѣяться на особенную монаршую милость; при семъ упомянулъ о званіи лейбъ-медика при дворѣ, котораго я могу ожидать. Въ смущеніи и тревогѣ я отблагодарилъ князя за его вниманіе къ моему положенію. Въ тотъ же вечеръ пригласила меня къ себѣ г-жа Питтъ, англичанка высокаго образованія, находившаяся тогда при дворѣ въ качествѣ собесѣдницы при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ покойнаго императора. Я нашелъ г-жу Питтъ больною; она изнурила меня вопросами, относящимися до покойнаго императора, такъ что я могъ съ трудомъ удовлетворять имъ.

На другой день, 9-го марта, лейбъ-медикъ Рюль прислалъ мнѣ объявить, что меня желаетъ видѣть вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, и повелѣла ему представить меня ея величеству въ двѣнадцать часовъ. Она занимала тогда въ старомъ дворцѣ половину въ бельэтажѣ подлѣ церкви, съ коею ея комнаты имѣли сообщеніе.

И. Ѳ. Рюль доложилъ обо мнѣ государынѣ и, вышедъ отъ нея, сказалъ мнѣ, что она меня ожидаетъ. Вошедши въ пріемную, я увидѣлъ государыню, стоящую у камина. Протянувъ мнѣ руку, которую я почтительно поцѣловалъ, она мнѣ сказала:

— Благодарю васъ, любезный Тарасовъ, за преданность и попеченіе о нашемъ покойномъ императорѣ, который при жизни всегда былъ доволенъ вашею службою.

Въ это самое время входитъ къ матери императоръ. Я отступилъ въ сторону. Императрица, подавъ ему руку, сказала:

— Вотъ тотъ Тарасовъ, который столько преданъ нашему покойному государю и такъ хорошо служилъ ему.

Императоръ въ слезахъ сказалъ: «Я все это хорошо знаю»,—и потомъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ: «благодарю тебя, и службу твою при императорѣ я никогда не забуду». При этомъ его величество подалъ мнѣ свою руку, которую я поцѣловалъ и, откланявшись ихъ величествамъ, вышелъ, заливаясь слезами отъ такой сцены.

10-го марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

Въ 11½ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голи-

цынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

По выходѣ императорской фамиліи, я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ по-прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія.

11-го марта [1]) печальная процессія выступила изъ Царскаго Села, въ сопровожденіи войскъ гвардейскаго корпуса, до Чесмы, куда процессія прибыла въ восемь часовъ вечера. Гробъ былъ поставленъ въ церковь Чесменскаго дворца. Въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба въ свинцовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ

---

[1]) Замѣчательно, что этотъ день былъ днемъ восшествія на престолъ покойнаго императора Алексанрда I. Д. Т.

въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ сердцемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ, и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый. Всѣ церковныя распоряженія о перемѣщеніи тѣла въ новый гробъ поручены были таганрогскому духовнику Ѳедотову и мнѣ.

Въ Чесменскій дворецъ предварительно были вывезены всѣ императорскія и княжескія короны, скипетръ, держава и вся регаліи на тотъ конецъ, чтобы печальная процессія петербургская начала свое шествіе отъ самой Чесмы. Для чего была приготовлена великолѣпная колесница, весь придворный кортежъ, весь гвардейскій корпусъ, всѣ власти военныя и гражданскія и всѣ сословія жителей столицы, такъ что полный церемоніалъ шествія церемоніи былъ расположенъ отъ Чесмы до Казанскаго собора.

12-го марта, въ одиннадцать часовъ утра, по данному сигналу, процессія начала свое шествіе, и въ три часа пополудни прибыла къ Казанскому собору, гдѣ былъ устроенъ великолѣпнѣйшій катафалкъ, на коемъ и былъ поставленъ гробъ императора.

Въ Казанскомъ соборѣ гробъ стоялъ семь дней, въ теченіе коихъ всѣ жители столицы приходили отдать послѣдній долгъ обожаемому своему монарху. Доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусо-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица.

19-го марта, съ таковою же церемоніею, тѣло перевезено было въ Петропавловскую крѣпость и поставлено на катафалкъ въ соборной церкви. Шествіе печальной

церемоніи изъ Казанскаго собора проходило чрезъ Неву по новому мосту, который былъ устроенъ по повелѣнію покойнаго императора и чрезъ который онъ первый переѣхалъ въ гробѣ.

22-го марта происходило отпѣваніе покойнаго императора. Всѣ жители столицы и войска окружали крѣпость. Не было ни одного, кто бы не проливалъ самыхъ сердечныхъ слезъ по незабвенномъ монархѣ! Во второмъ часу пополудни залпы артиллеріи и батальные выстрѣлы съ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ войскъ, въ строю бывшихъ, возвѣстили міру, что великій изъ монарховъ снисшелъ въ землю на вѣчное упокоеніе.

Въ приготовленномъ изъ цоколя склепѣ былъ поставленъ мѣдный ковчегъ, въ коемъ и былъ помѣщенъ гробъ императора. Ковчегъ этотъ замкнутъ 4-ю замками, и потомъ задѣланъ сводъ склепа.

Съ погребеніемъ императора служебное мое поприще при дворѣ кончилось. Баронетъ Вилліе употребилъ всѣ свои средства, чтобъ я не былъ оставленъ при дворѣ въ званіи придворнаго врача, и на запросъ князя Голицына, управлявшаго тогда придворною частію, о пожалованіи меня въ лейбъ-медики или лейбъ-хирурги, отвѣчалъ положительно, что я покойнымъ императоромъ награжденъ столько, что всякая награда была бы выше моихъ заслугъ [1]). Итакъ, высокія предположенія о наградѣ меня за службу при императорѣ окончились тѣмъ, что отобрали отъ меня придворный экипажъ, коимъ я

---

[1]) Изъ этого можно судить, до какой степени былъ несправедливъ такой отзывъ моего начальника, которому съ самоотверженіемъ служилъ семь лѣтъ, спасъ ему жизнь въ Новомиргородѣ въ 1823 году, и даже въ Таганрогѣ спасъ его отъ бѣды, удержавъ его настоятельно отъ выѣзда оттуда предъ кончиною императора, котораго онъ рѣшился было оставить на рукахъ лейбъ-медика Штоффрегена, предвидя исходъ болѣзни своего больного. Т.

пользовался два года въ двѣ лошади, и, взамѣнъ онаго, назначена мнѣ изъ императорскаго кабинета пенсія по 1,500 рублей ассигнаціями въ годъ, сверхъ получаемаго на службѣ содержанія. Слѣдовательно, по вліянію баронета Вилліе, я не получилъ ничего по смерти государя, тогда какъ ему назначена пенсія по 7,000 рублей ассигнаціями въ годъ за службу при покойномъ императорѣ. Обстоятельство это въ тогдашнее время всѣми было замѣчено, и многіе принимали во мнѣ участіе. Баронъ Дибичъ, князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ, ободряя меня, увѣряли, что я буду награжденъ впослѣдствіи, и совѣтовали продолжать службу безъ ропота.

Выше было упомянуто о скоропоспѣшномъ баронетомъ Вилліе назначеніи меня главнымъ врачомъ въ артиллерійскій госпиталь. Обезкураженный такимъ печальнымъ результатомъ службы моей при баронетѣ Вилліе, и особенно при покойномъ императорѣ, при коемъ въ послѣднее время по большей части я исправлялъ всѣ обязанности лейбъ-медика, я долженъ былъ стать въ обыкновенную колею труженической военно-медицинской службы, не имѣя въ виду ничего лестнаго для себя, кромѣ самыхъ тяжкихъ трудовъ по госпиталю, въ коемъ помѣщалось до тысячи больныхъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 р. 25 к.